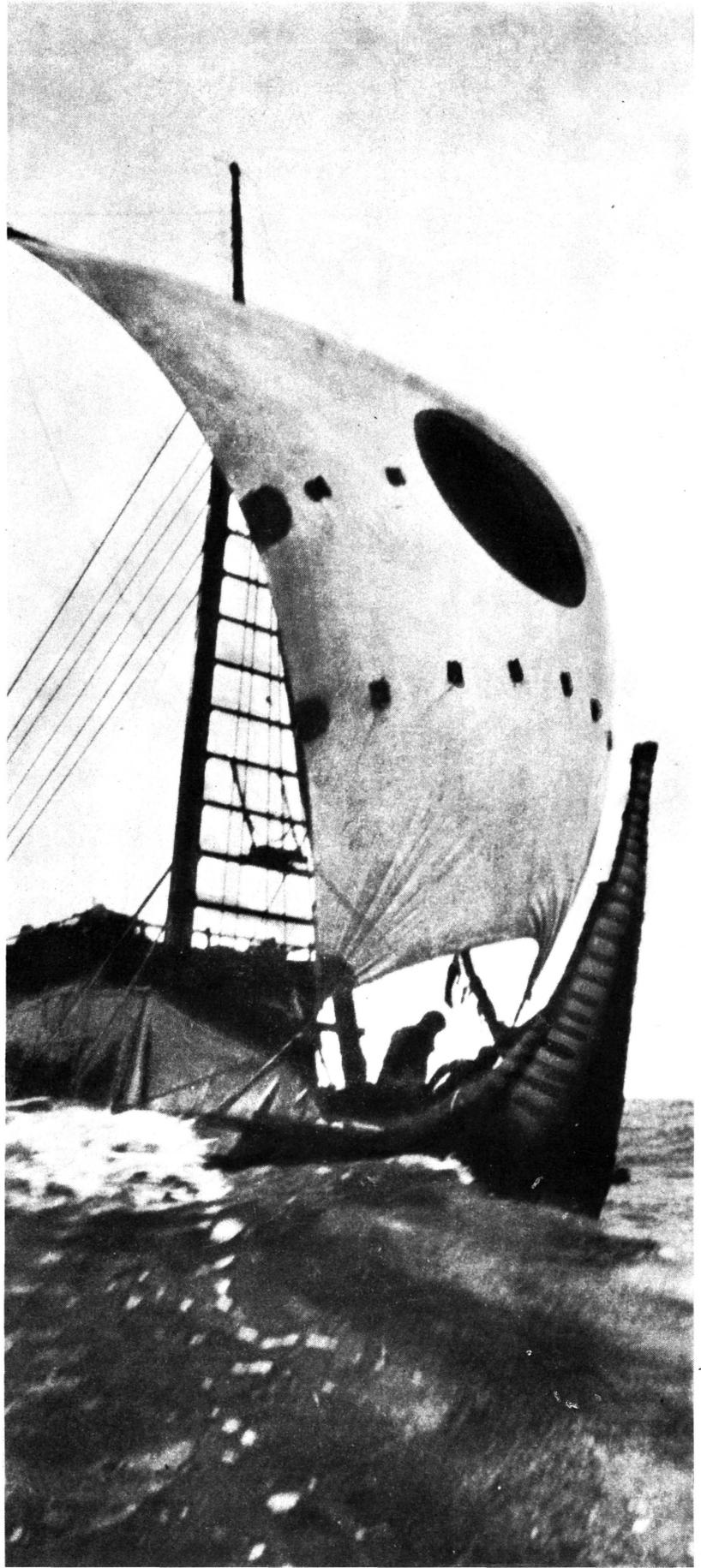

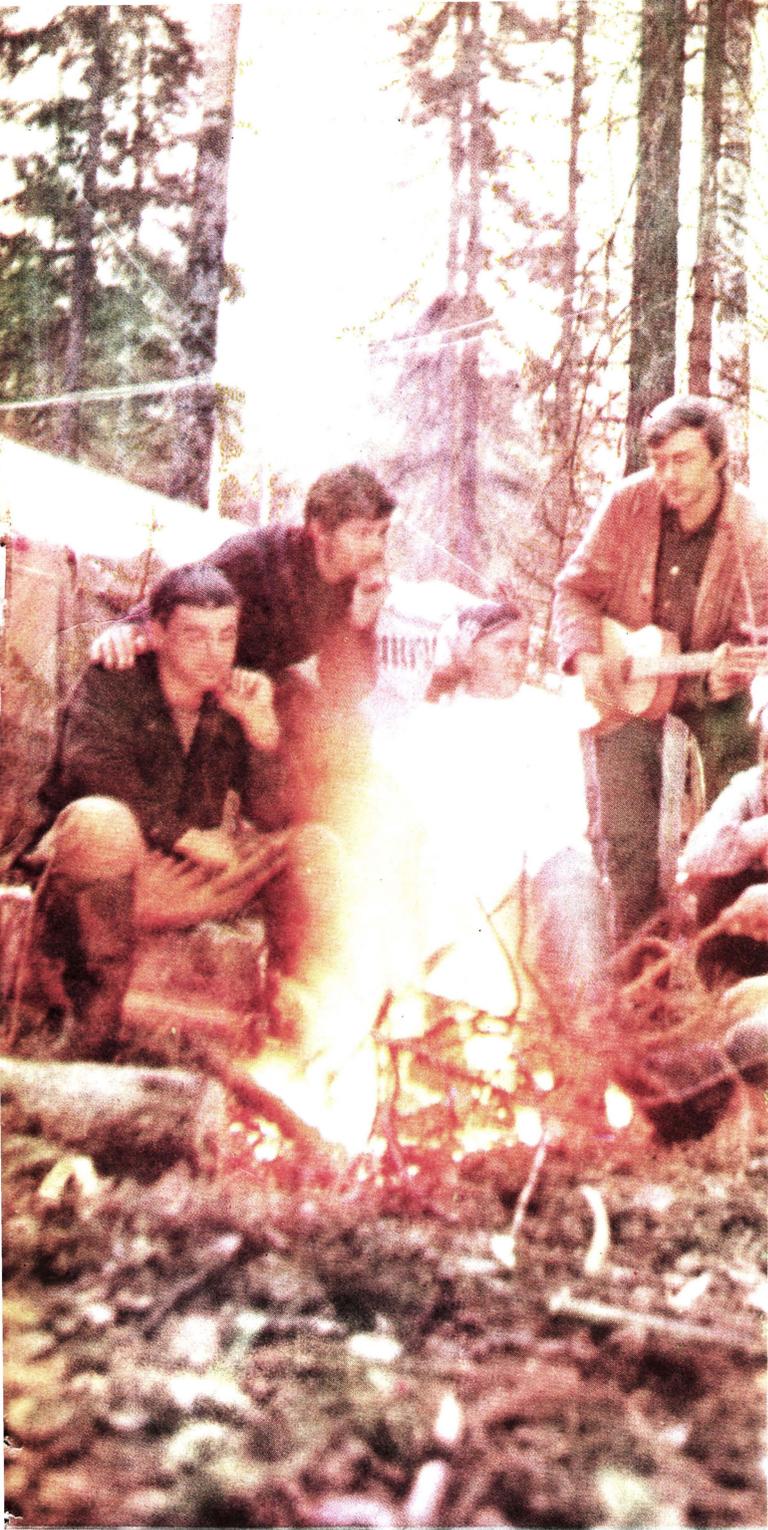
ВОКРУГ СВЕТА

12 1970
ДЕКАБРЬ

стр. 27

1970 ВОКРУГ СВЕТА

№ 12
ДЕКАБРЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦИ ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ КПСС.

О новых стальных путях, об освоении речных и воздушных трасс тюменской земли рассказывает наш специальный корреспондент в репортаже с Всесоюзной ударной комсомольской стройки номер один.

Очерк писателя из ГДР Юрия Брезана о небольшой славянской народности — лужицанах, их прошлом и настоящем.

Рассказ молодого армянского писателя Гранта Матевосяна.

Греция молчит? Нет. — Репортаж французской журналистки Брижит Фриан и заметки советского писателя С. С. Смирнова.

26 тысяч километров мужества и мастерства. Кают-компания «Вокруг света» с участником автопробега Лондон—Мехико.

Астероиды — будущие космические станции? Такова тема беседы нашего корреспондента с директором Института теоретической астрономии АН СССР профессором Г. А. Чеботаревым.

О новом плавании папирусной лодки «Ра II» через Атлантику. — Отрывки из дневника Тура Хейердала и комментарии советских исследователей.

▲ стр. 2

▼ стр. 18

Западная Сибирь. Тюменская земля. Она тянется от Карского моря до стен Казахстана. Ее богатства спрятаны под многометровой топью болот. И все-таки до них добрался человек...

1953 год — открыто первое газовое месторождение Западной Сибири — Березовское. 1960 год — зафонтанировала первая нефть в районе Шаима. 1964 год — уже 33 нефтяных и газовых месторождений выявили разведчики недр. Темпы открытий нарастают. Самотлор, Усть-Балыкское, Мамонтовское, Правдинское, Уренгойское, Заполярное, Медвежье — вот далеко не полный перечень нефтяных и газовых жемчужин. По решению XXIII съезда КПСС в Западной Сибири создан новый нефте-газодобывающий центр страны.

Вместе с нефтью и газом приходят на тюменскую землю новые города, новые дороги, новая жизнь.

В. АРСЕНЬЕВ,
наш спец. корр.
Фото автора

ТЮМЕНСКИЕ ДОРОГИ

В Свердловске предстояла пересадка. Кое-как я пристроился на транзитный рейс Якутск—Москва. Занял свободное кресло, застегнул ремни и стал воздерживаться от курения, по-ссывая взлетный леденец.

— Вот так... — сказал вдруг мой сосед, точно продолжал прерванный разговор. — На материк вот собрался в Европу, в отпуск... А ты-то из Свердловска?

— Из Сургута.

— А!.. Где это?

— Тюмень, — уточнил я, — недалеко от Тюмени.

— Тюмень... Знаю. — Сосед кивнул. — Нефть. Как там нефть?

И тут я внезапно вспомнил, что, собственно, нефти в Тюмени как раз и не видел. Все время она была где-то поблизости, рядом, постоянно напоминала о своем существовании. То низким речным танкером на просторах Оби. То резной буровой вышкой. Или маслянистыми черными цистернами... А вот увидеть ее саму — не пришлось.

День за днем я перебирал в памяти полумесячное путешествие. Перед глазами всплывали отдельные картины, выхваченные из круговерти переездов и перелетов.

...Вот сама Тюмень, столица Западной Сибири. Широкие

промытые проспекты, позднее цветение лип на аллеях, сутолока вокзала.

...Поезд на Тобольск. Трясущий вагон. Незнакомый паренек, который целый час держит меня у ночного окна: «Погоди, сейчас уже должен быть». И наконец, одинокий фонарь в темноте, станционный домик, черные ели. «Видал? Нет, ты видал? — Глаза парня восторженно сияли. — Это я строил! Мой полустанок!»

...Тобольск. Белый кремль на горе. Футбольная схватка у подножья древней стены. Рев болельщиков поднимает с церковных крестов и луковок тучи галок... Памятник Ермаку с оградой из пушек. И другой памятник, на зеленом Завальном кладбище — памятник сказочнику Ершову, тоболяку, автору «Конька-горбунка».

...Сургут. На центральной улице доска обязательств Сургутской нефтегазодобывающей экспедиции. Пункт второй обязательств поражал: «Открыть в 1970 году одно месторождение нефти или газа».

...Вертолет пересекает протоку Юганская Обь. В иллюминаторах рыжие болота, блюда озер, тайга. Далеко внизу словно кто-то провел машинкой по зеленым кудрям — просеки. Просеки для нефтепроводов, для ЛЭП, для железной дороги.

...Самотлор. Два неярких факела на горизонте, растворившихся в полуденном мареве.

Дороги, дороги, дороги. Все они так или иначе поворачивали к центрам добычи газа и, конечно, нефти — этого черного сока земли.

601-й КИЛОМЕТР

Мы стоим у штабной палатки с комиссаром отряда Сашей Бугровым. Комиссар караулит радиосвязь с базой. Время от времени покричит в

трубку, послушает, бросит ее в сердцах обратно в футляр: «Глухо. Ноль эмоций...»

Пустынно в этот час в лагере. Весь отряд на просеке. Лишь третья бригада осталась поблизости. Ребята напяливают высокие сапоги, лезут в тряси-ну расчищать еле видный ручеек. Я уже знаю — не повезло «Икару» с водой. В других отрядах, рассказывали, вода как вода. Случается, и речка от лагеря недалеко, выкупаться можно. А здесь сочится из болотины какая-то красноватая жижица. Только-

только набирается для поварих, да еще в мелкую лужицу, чтобы руки ополоснуть. И пить ее сырой отрядный врач Иван Ващенко — человек вообще-то смешливый, но в деле чрезвычайно крутой — запретил строго-настрого. Разве что с пантоцидом — каждому бригадиру раздал склянки с белыми таблетками. Но это еще хуже, чем кипяченая.

Вросла третья бригада по бедра в трясины. С чавканьем выхватывают лопаты ядовитозеленые шматы, ржавую кашу — торф ли, растения — не

поймешь. Лопаются у ног во-
нючие пузыри. Эх, лучше уж
на просеке кругляки катать!

— Ваня, ну и запах
здесь... — оборачивается к вра-
чу бригадир Слава Дьяченко
и выразительно крутит но-
сом. — С ума сойти!

— А я что говорил? — Ва-
щенко двигается следом, ме-
ланхолично кропит освобож-
денную воду хлоркой. — До
родника придется копать. Мет-
ров сто — и шаш... —

Душный зной стоит над ла-
герем. Комариный стон. Солн-
це застыло на белесом небосво-

де. Прозрачная тень редких елей. Выгоревшая холстина с эмблемой отряда «Икар», растянута меж двух стволов. С просеки идет горячий запах пиленого дерева, треск трелевочного трактора.

Шестьсот первый километр трассы железной дороги Тюмень—Сургут. Шесть сотен километров от Тюмени, сто — до Сургута. Студенческий строительный отряд «Икар» Харьковского авиационного института рубит здесь просеку.

Не первый год существует отряд, и с каждым летом все труднее попасть в число его бойцов. Сектор трудового воспитания молодежи при факультетском бюро комсомола отобрал и рекомендовал в состав «Икара-70» лучших комсомольцев самолетостроительного факультета ХАИ.

...Первыми из Харькова отравились квартирьеры. Глебов, Ягнюк, Беловодский, Дьяченко и еще четверо сдали досрочно экзамены и улетели в тайгу — строить лагерь. Ставили шестисоткилограммовые трехслойные палатки, срубили столовую, баню. В начале июля прилетели остальные. Теперь их было ровно семьдесят человек — шесть бригад полного отряда, — можно было начинать. На два месяца «Икар» окружили топи и тайга. Связь с внешним миром — радиотелефон и изредка вертолет.

Все было как и в прошлом году — густая стена леса и узкая щель в ней, в полметра шириной, не больше. От оси, оставленной изыскателями, привалялись за разметку и самой просеки. Белые затесы на столах, затекающие расплавленной смолой, показывали ширину будущего коридора. Семь километров в длину, 70—80 метров в ширину — рабочая площадка «Икара»...

Начинался новый трудовой семестр «Икара», трудовой семестр еще тысячи студентов-харьковчан на площадках этой Всесоюзной ударной комсомольской стройки. Для всего пятнадцатитысячного студенческого строительного отряда, разбросанного по важнейшим объектам тюменской земли, наступили горячие дни лета 1970 года...

Упорный человек комиссар Бугров докричался все-таки до базы. Есть связь. Ребята на болоте даже перестали копать. Тоже слушают.

— ...будет сегодня вертолет? Так, понял, понял! А когда? — Трубка радиотелефона в руке Бугрова, точно огрызок мокрого бублика, вспотела от усердия. — Передай! Нужен бензин, хлеб, солынка. Трос основной. Тро-ос!!! Для трактора, да. Трактор стоит! — пугает он на всякий случай далекого радиста.

Трактор, правда, еще не стоит, но может встать каждый час.

— Завтра вертолет будет, — облегченно вздыхает Бугров и закрывает рацию. — Ну что, отправились на просеку?

Но мы еще с десяток минут сидим в прохладе штабной палатки и наслаждаемся относительным покоем — комаров и слепней здесь почти нет. Я снова осматриваю палатку: радиоузел, дюралевая полка с аккуратными карманами для магнитофонных дисков. Фотолаборатория. Уголок художников — стол с рулонами ватмана, сотня банок гуаши. За брезентовой стеной хозяйство врача, сияющее чистотой, — «Здравница».

Мне пришлось видеть много палаточных поселков и лагерей, построенных не на два месяца, как строил «Икар», и расположенных в более подходящей для существования местности, нежели тюменские тайга и болота. Но что-то не мог я припомнить, чтобы там устраивались с таким уютom и солидностью. И эти сносные лапы, каждый раз свежие, украсившие столовую. И комфорт спальных палаток. И огромная баня, где при желании мог бы поместиться весь отряд...

Бугров, по-видимому, читает мысли:

— Представляешь, ребята из самого Харькова притащили камни для парилки. Здесь-то булыжников не найти. — Он откидывает палаточный полог и показывает на груды камней под елкой. — Кирпича на очаг не хватило, жаль... — добавляет комиссар. — А так порядок, точно? — И он любовно оглядывает лагерь.

— Саша, — говорю я осторожно, — парилка — это уже пижонство.

— Ха! — взрывается Буг-

ров. — Так мы же сюда не страдать приехали. Работать. Ну и отдохнуть тоже. А кирпичи уже заказаны, не волнуйся.

— Бугро-ов! — несется с болотца. — Иди-ка сюда-а!

Третья бригада устроила передышку. Дымит сигаретами на вымощенной древесными кругляками дорожке. Дорожка от кухни спускается к воде. Здесь же и лагерьный «холодильник» — в ледяной трясине поварахи закопали до половины пятиведерные кастрюли с компотом и чаем.

— Погляди, Саш, — усмеваются ребята. — И как это сразу-то не заметили?

На полусухом островке круглые площадки медвежьих следов.

— Надо будет установить ночное дежурство, — решает комиссар, когда мы минуем лагерь и выходим на просеку. — Медведи шляются...

Километрах в двух икаровцы рассчитают широкую вырубленную полосу. Сваленный лес рассортировывают самым строгим образом и укладывают в аккуратные штабеля, готовые к вывозке. Ни один кругляшок не пропадет здесь.

— Штабелевка-то — наука несложная, — усмеется Бугров. — Вот на болоте биться, рубить да слань класть — не сладко...

Четыре дня бригада Виктора Ягнюка рубила подлесок на первом болоте, добираясь до гнилой речушки посреди топи. Валили под ноги осины, ели, березы. По ним, как по качающимся мосткам, двигались вглубь. Поваленные стволы надо было убирать. О тракторе разговора не было — пришлось бы его самого тащить отсюда волоком. И на плечах не вынести стволы — под тяжестью не вырвать ноги из трясины. Здесь и так каждый шаг стоил усилий нечеловеческих.

Придумали. Устроили живой конвейер. Вырубленный подлесок по штучке передавали с рук на руки...

На четвертый день они вышли наконец к речушке. Шел освежающий дождь. Позади лежало пройденное разбитое болото, переходящее в стройную просеку. Где-то там, ближе к Сургуту, за студенческими отрядами выходили на нее гидронамышники, рабочие мехколонн. Ложился на болота

песок, ворчали бульдозеры. Просека готовилась стать настоящей дорогой, с серебряным полотном, с грохотом поездов и торжественными криками тепловозов.

А здесь была тишина, мягкое шуршание дождя, и за темной полосой воды — вековая тайга, целинная, нетронутая, настороженная. И ее предстояло тоже пройти насквозь.

В тот вечер четвертая бригада впервые за последние дни засиделась допоздна. И долго хохотала над Бородой. Борода, или, точнее, Володька Кочерга, любуясь собой, ловко свалил бензопилой на просеке огромную осину, и та осина со снайперской точностью грохнулась на чайник с питьевой водой, размолотив его до необычайной тонкости и каким-то образом вогнав предварительно крышку внутрь.

Чайник решили сохранить как реликвию, и Кочерга, кажется, не протестовал...

— Пришли, — говорит Бугров. — Вот здесь и работаем...

Через минуту я теряю его из виду. Мелькает лишь за штабелем его высокая шляпа. «Иинии-и, разом!» — командует кто-то высоким натужным голосом. Полтора десятка парней, навалившись, откатывают от трактора очередной хлыст. Стрекочет пила, кромсая древесину. И вот уже бревно ложится в штабель.

Я забираюсь на кучу бревен, повыше, и оттуда гляжу, как за спиной икаровцев распахивается просека. Разрезая тайгу, будущая дорога тает вдаль.

БУТЫЛОЧНАЯ ПОЧТА

Болин сидит на лавочке катерка и ждет, пока запустят двигатель. Сегодня выходной у него. Но такая должность — диспетчер движения Сургутского порта, — видно, и в выходной дает себя знать.

Смотрит Болин налево, где лихо разворачивается в небесной голубизне стрела крана, волочит по воздуху груды тугих мешков и наконец брякает их без опаски на причал. Леонид Васильевич поворачивается направо: по правую руку швартуется к дебаркадеру пассажирский теплоход. Публика с узлами и чемоданами сбежала на один борт, на берег топчется, и оттого теплоход

чуть скосбочился, и капитан неизвестно кому грозит сверху кулаком. Два буксира-муравья вытаскивают на глубину неповоротливый плавучий кран, покрикивая друг на друга, суетятся. А из-за них медленно выдвигается тупой нос баржи-самоходки.

Под самым катером три мальчика с берега ловят рыбу. Удочки воткнуты в песок — бесклевые. Ребята нехотя обстреливают голышами проплывающую бутылку...

— А что, — спрашиваю я у Болина, — верно, что на протоках да на речках у вас иногда капитанам бутылки сбрасывают?

— Какие такие бутылки? — настораживается Леонид Васильевич.

— Ну с этими, с записками...

Болин все еще смотрит восторженно.

...Я уж и не помню, где и когда впервые услышал ту байку. Заклучалась она коротко в том, что на Оби, особенно в районе Сургута, суда, заходя в обские протоки и боковые речушки, случается, теряют ориентировку. Они начинают блуждать по водам, словно в лабиринте. И если их долго нет, вылетает вертолет или АН-2, находят потерпевших и сбрасывают в бутылке записку или схематическую зарисовку ближайшего пути, сделанную тут же, в воздухе. А на все мои расспросы, что за лабиринты такие, и как можно на реке заблудиться, где дорога всегда одна — либо вверх, либо вниз по течению, рассказчик весело скалитя: «Ну, это надо своими глазами видеть!»

И вот теперь представлялась возможность вывести все у верного человека, и про бутылочную почту тоже.

— А, так вот о чем разговор... — успокаивается Болин. — Как же, как же, слышал. Всякое случается. Так здесь свободно и черт ногу сломит. Вот погляди-ка.

Он берет у меня блокнот и принимается рисовать. Две относительно прямые линии — это берега Оби. Снизу, как дужки очков, пристраиваются полукружья — протоки Юганская Обь и Салымская Обь. А затем карандаш начинает вычерчивать бесконечные запутанные кривые реки. «Большой Юган, — показывает Болин, —

а это Малый и Большой Балык. Протока Большая Юганская, река Пойк, Большой Салым, Малый Салым...»

Схема переполняется хитросплетениями линий, но все-таки разобраться в дорогах речников пока можно. И только когда три дня спустя я пролетаю над теми же местами на вертолете, я понимаю, что байка о заблудившихся судах — вовсе не досужий вымысел.

Прикидываю, на что больше всего похожи немислимые петли — на цепь из переклестнутых олимпийских колец? Или на завязанные узлами спирали? И чего здесь больше — земли или воды? Местами реки, речушки, озера сплываются в единое зеркало, кое-где разбитое кривыми косами и болотистыми островами. Где уж тут найти один-единственный фарватер нужной дороги...

— Ну, а вам бутылки-то сбрасывали? — допытываюсь я, пряча схему.

— Мне-то? — удивляется Болин. — Нет. Так я здесь двадцать с лишним лет...

Он приехал на Обь в 1948-м и стал путейцем-речником. Сначала гребцом при старшине по обстановке. Обстановка — это все судоходные знаки: бакены, перевальные створные знаки, ходовые и весенние... А участок у них был 96 километров, от села Тундрино до Сургута.

Четыре раза в месяц, не меньше, надо было проходить на веслах свой участок, оглядывать, проверять, ремонтировать. Вверх, против течения, шли, конечно, не своим ходом — цеплялись к любому пароходу, на то было специальное разрешение. Да вот пароходы приходилось иной раз ждать подолгу.

Потом был Болин старшиной при начальнике обстановки и штурманом на путевском пароходике. Избороздил вдоль и поперек обскую акваторию от Ханты-Мансийска до Нижневартовска и наблюдал, как исподволь меняется этот край.

Незаметно исчезли знакомые колесные пароходы — «Свердлов», «Орджоникидзе», «Горький» и «Совет», флот на реке становился крупнотоннажным, на дизельной тяге. И к традиционным сибирским грузам — лесу и рыбе прибавля-

на стр. 32 ►

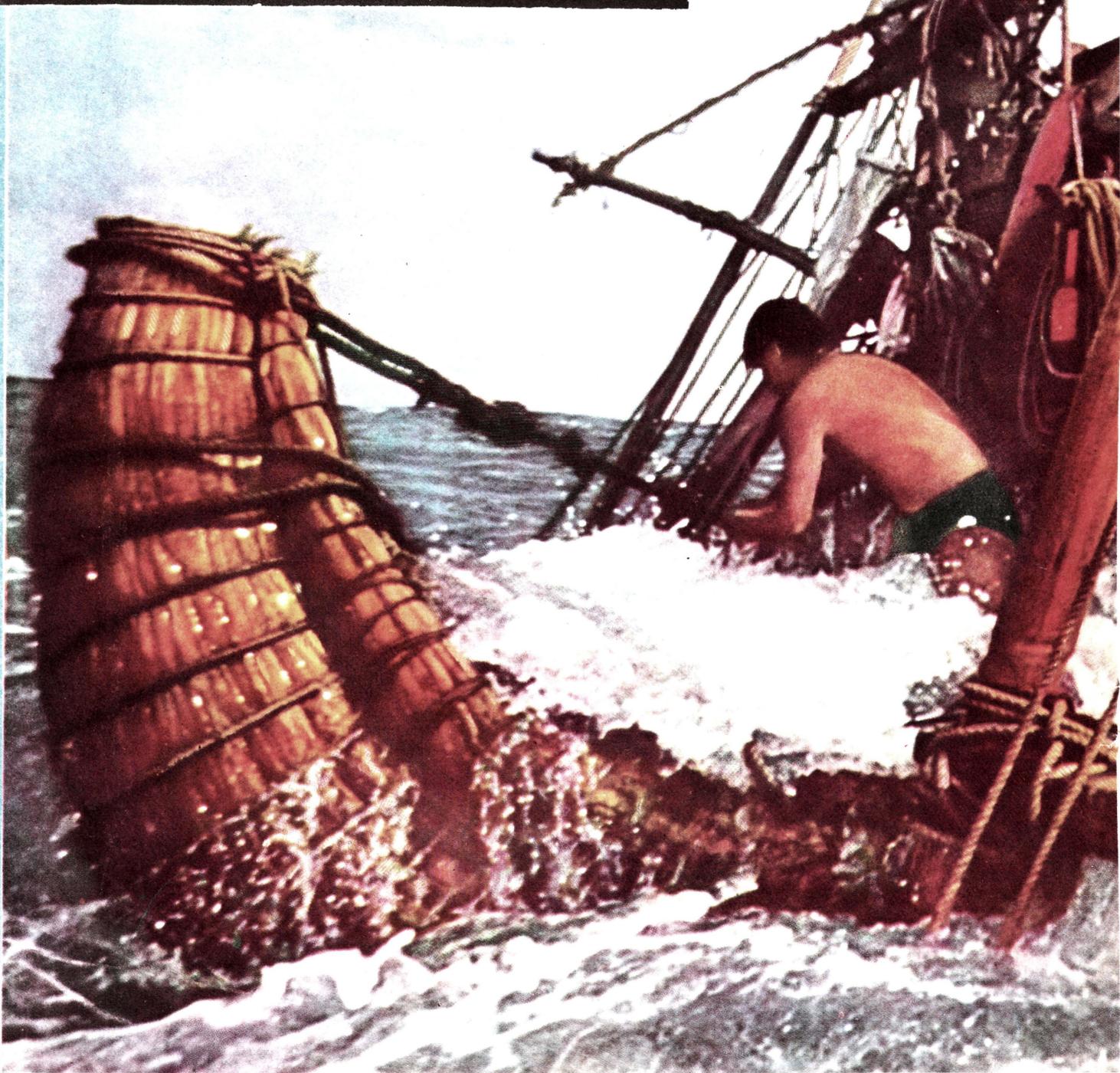
«РА» ПЛЫВЕТ В ПРОШЛОЕ

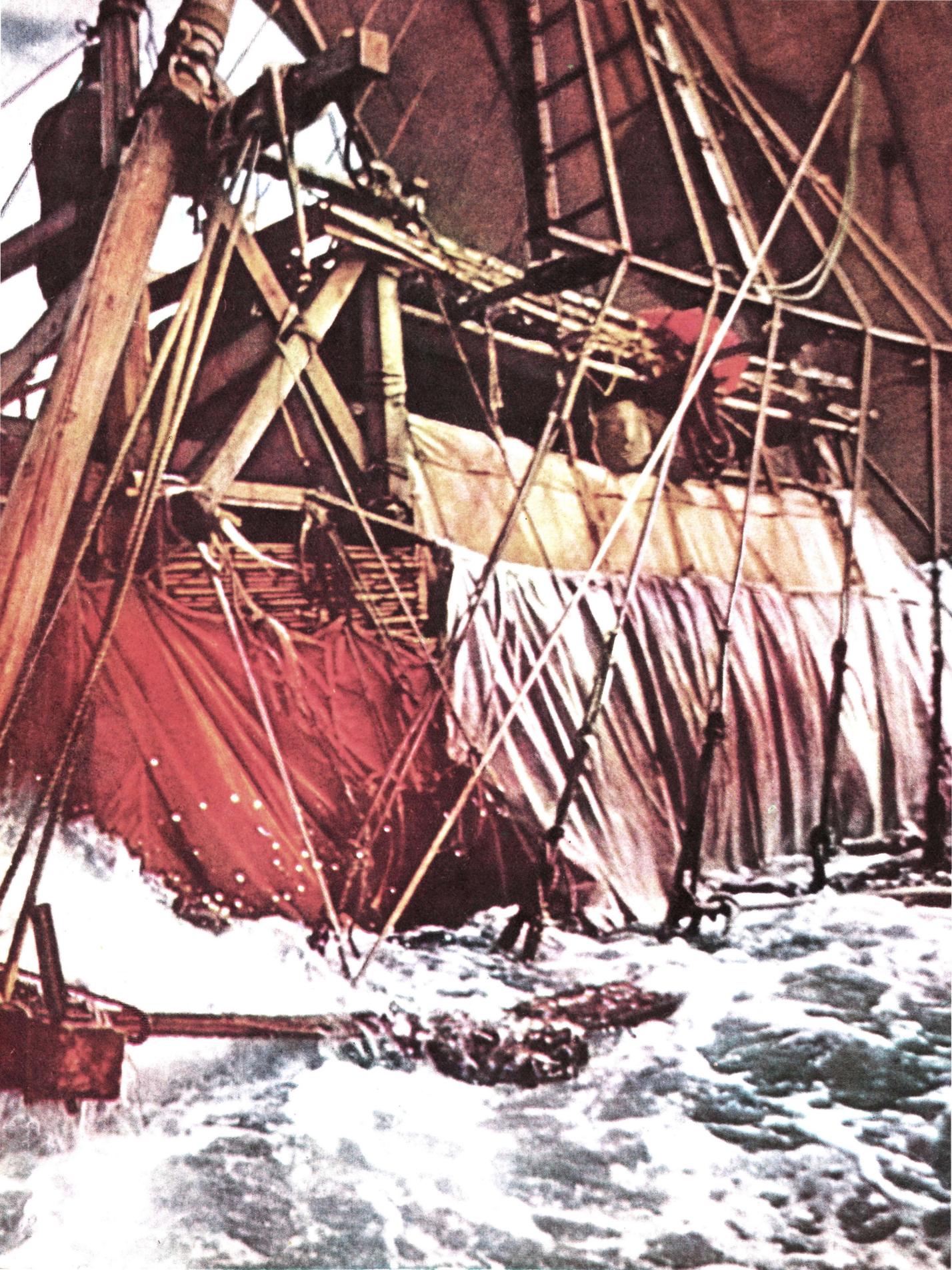
ТУР ХЕЙЕРДАЛ

Отрывки из дневника «Ра II»

17 мая. В 8.20 началась буксировка, погода хорошая, ветер норд-ост. Километрах в трех от берега мы посигналили, отдали конец и попытались поставить наш большой парус. Он вырвался из рук Юрия и Сантьяго и заполоскал. Я боялся за высо-

кий, стройный форштевень «Ра II», боялся, что ладья опрокинется, но она показала себя очень устойчивой, и все обошлось благополучно. Мы развили скорость четыре-пять узлов, и эскортировавший нас буксир в 11.15 повернул обратно...

2 июня. С каждым днем мы все сильнее погружаемся. Толстый канат, укрепленный по краю основных связок, ушел под воду, волны захлестывают нас через боковые связи и наполняют водой желоб посередине. Мы несем дополнительный многотонный груз, и он притапливает «Ра». В полдень Норман порадовал нас своим сообщением о новых координатах лодки, но впереди еще долгий путь, и в памяти у нас свежи неприятные часы на «Ра I», которая хоть и погружалась, но не так быстро. Когда же кончится это погружение? На закате крупная акула атаковала надувной резиновый поплавок, который мы тащим на буксире на случай, если кто-нибудь упадет за борт.

8 июня. Слабая облачность, хороший ветер. Похоже, наша плавучесть улучшилась. Хотели сделать аутриггер, чтобы он перехватывал волны и уменьшил нагрузку на палубу, но веревка лопнула и деревянная конструкция вырвалась у нас из рук. А я перед этим вытянул из воды конец со спасательным поплавком, чтобы аутриггер не запутался в веревке, когда мы будем его заводить за корму. Мы шли довольно быстро, и я с ужасом услышал, как Сантьяго кричит с мостика: «Жорж за бортом!» Я увидел черную голову Жоржа на волне метрах в сорока за кормой «Ра»... Ну, конечно, импульсивный Жорж прыгнул сам в воду, чтобы спасти аутриггер! С облегчением я убедился, что он сперва бросил за борт спасательный поплавок. Он поймал веревку от аутриггера,

а потом ухватился за спасательный конец. Мы подтащили его к ладье, и он дал слово больше никогда не прыгать в океан, что бы мы ни потеряли.

20 июня. Страшно смотреть на исполинские волны, которые обрушиваются на нас. Одно утешение: папирус, из которого «Ра» связана, полностью сохраняет свою прочность. Но долго ли еще он выдержит такое избиение? У Юры болит плечо, Карло соленой водой развело кожу. В полдень Норман определил нашу позицию. Результат ободряющий — даже в таких неблагоприятных условиях мы заметно приблизились к Америке. На рассвете Карло видел над «Ра» птицу, судя по описанию — фрегата. Сделав два круга, она улетела к Южной Америке.

9 июля. Все сыро, все мокро. Щетки, одежда, спальные мешки, матрасы пахнут плесенью. Дождь, дождь... Прошедшая ночь была сплошным кошмаром. Был крепкий ветер, мне не спалось. Вдруг парус захлопал так, словно стреляли из пушки. Я обвязался страховочным концом и выскочил под дождь. «Ра II» развернулась носом на север. В конце концов нам все же удалось правильно повернуть лодку, вернуть ее на прежний курс. Я возвратился в каюту и залез в мокрый спальник. В ту же минуту опять заполоскал парус! Снова трудиться на пределе сил. А «Ра» тут же опять развернулась... Это было опасно. Мы заставили лодку лечь на нужный курс. Сантьяго и Юрий стали на руль. Испуганный крик Сантьяго: «Идем на север!»

Шторм, кругом сущий ад... Выскочив голый во тьму, я на левом борту очутился по колено в воде. То ли мы тонем под тяжестью могучих волн, то ли ветер так сильно накренил «Ра» и хочет ее опрокинуть... Гроза, рев ветра, гул неопикуемый... Если мы не уберем парус, придет конец нашему «дрейфу» на «Ра». В отчаянии я крикнул: «Норман, что нам делать?» Из-за адского шума я не расслышал ответа. Вдруг я подумал о плавучем якоре: в нем наше единственное спасение.

— Отдать плавучий якорь! —скомандовал я.

Карло пропал в бурлящих каскадах воды, но я увидел, как он бросает за борт плавучий якорь. Он тотчас сработал, лодка правильно развернулась. Спасены...

12 июля. Стоя на вахте, я около семи утра отчетливо уловил запах зеленой травы, потом потянуло хлебом... Сразу после этого с запада появился маленький самолет. Он описал над нами круг на малой высоте и покачал крыльями. И вот уже четыре самолета кружат чуть ли не над самой нашей мачтой. В 12.15 раздался громкий крик Нормана, он увидел землю!

Мы пересекли Атлантику на папирусной лодке. В прошлом году нам зтг почти удалось, в этом — на сто процентов.

И вот уже нам подают конец и ведут на буксире в гавань Бриджтауна. После шторма у Канарских островов впервые «Ра II» вошла в тихие воды. Восемь представителей восьми наций крепко пожали друг другу руки.

Перевел с норвежского
Л. ЖДАНОВ

Итак, 12 июля 1970 года папирусный корабль «Ра II» подошел к острову Барбадос. Гипотеза о том, что папирусные суда древних жителей Средиземноморья могли пересекать Атлантику, получила практическое подтверждение. Двухлетний эксперимент Тура Хейердала закончен. О некоторых научных проблемах, которые были затронуты этим экспериментом, рассказывают советские исследователи.

КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В. БАХТА:

Уже много писали о том, что в древних культурах Средиземноморья и Центральной Америки обнаружено немало черт, говорящих о сходстве этих культурных миров. И теперь, после плавания «Ра I» и «Ра II», может быть, стоит всерьез подумать над тем, что некоторые из этих сходных черт — следствие прямых контактов древних средиземноморцев с аборигенами Нового Света. Во всяком случае, возможность такого предположения практически подтверждена плаванием папирусных кораблей Хейердала.

Но, на мой взгляд, дело не только в этом.

Мы не устаем восхищаться дворцовой, храмовой и фортификационной архитектурой древних, их скульптурой, фресками, бесчисленными изделиями их разнообразных ремесел, — короче, всем тем, что приоткрывает перед нами рукотворную картину мира, в котором жили и умирали наши предки.

Да, мир древних цивилизаций, как и мир первобытный, застывший в музеях и памятниках, — это прежде всего удивительный, особенный мир, мир, не похожий на наш. И именно поэтому часто в этом мире незаметно то, что связывает нас и древних единой цепью человеческой культуры — вечная неудовлетворенность и стремление к лучшему.

Об этом, например, убедительно говорят сохранившиеся до наших дней древние мифы, многие герои которых — это люди, действующие наравне с богами, а нередко и вопреки их воле, дерзко преобразующие природу согласно нуждам людей, создающие для людей наиболее существенные элементы культуры, обучающие людей важнейшим ремеслам, умениям, навыкам и так далее. Этим героям мифов, как и их создателям, ведомы порою и страх перед богами, и робость перед силами природы. Но еще более им свойственно стремление преодолевать этот страх и эту робость.

Думается, что вот в таком, так сказать, человековедческом взгляде на людей и общества седой древности — ключ к пониманию значения и цели экспериментов Хейердала, показывающих, что древние, подавляя страх перед непознанным и таинственным, умели преодолевать и преодолевали горы и пустыни, моря и даже океаны, преодолевали с помощью средств, которые кажутся сейчас очень уж примитивными и потому никуда не годными.

Своеобразные опыты Хейердала в том, что он моделирует древние страницы человеческой истории на волнах океана. Потому что скандинавских викингов океан видится столь же закономерной ареной исторических свершений, как и земная твердь. И он, конечно, прав.

Находки японских сосудов эпохи IV—III тысячелетий до нашей эры на берегах нынешнего Эквадора или глубоко зарытый у побережья Венесуэлы клад римских монет IV века нашей эры — эти и подобные им факты доказывают то, что океан был освоен человеком уже в глубокой древности.

Они легли в основу одной из исторических моделей древнего мира, согласно которой через океаны, казалось бы, долгие тысячелетия разъединявшие население разных материков, люди еще в древности могли устанавливать связи. Более того, они свидетельствуют об искони существующем процессе взаимообогащения культур, в результате которого достижения одного народа становятся достоянием всего человечества.

И с другой стороны, эксперимент Хейердала убедительно подтверждает ту истину, что достижения того или иного народа, вошедшие в мировую сокровищницу культуры, не утрачивают своего авторства.

Эксперимент Хейердала — это одна из доказательств того, что древние культуры развивались, с одной стороны, не в отрыве от общеисторического процесса, с другой — не зависели целиком от привнесенного извне. Очень часто они являлись неким сложным сплавом, в основе которого лежит труд, разум и любознательность древних мореходов. Труд дерзких, деятельных и думающих, несмотря на тысячи предрассудков и суеверий, сдерживавших их мозг и руки, несмотря на примитивность их средств воздействия на природный мир.

КАНДИДАТ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК В. ВОЙТОВ:

Плаваниями «Ра» как бы «реконструирован» трансатлантический путь, которым, возможно, пользовались древние жители Средиземноморья. Но закономерен вопрос: а имеем ли мы право на такую реконструкцию, пользуясь современными атласами и картами течений и ветров? Ведь интересующая нас эпоха отделена от XX века несколькими тысячами лет?

Проведенное в Институте океанологии АН СССР исследование показало, что интересующее нас в первую очередь в связи с плаванием «Ра» северное пассатное течение Атлантического океана — или, иначе, северное Экваториальное течение — сохраняет свое положение и средние скорости на протяжении последних ста-двухсот лет.

А в более отдаленные столетия? По теории выдающегося советского океанолога профессора В. Б. Штокмана, северный антициклонический круговорот вод, южным звеном которого является северное пассатное течение, «управляется» Азоро-Бермудской областью высокого атмосферного давления. И есть все основания предполагать, что такая же климатическая обстановка в этой области была по крайней мере в неолите. Поэтому при «реконструкции» возможного пути из Средиземноморья в Америку, по-видимому, правомерно опираться на современные схемы ветров и течений.

И еще. Хейердал ставил перед собой задачу доказать, что мореплаватели Средиземноморья могли выходить на папирусных ладьях в открытый океан и, может быть, совершали трансатлантические

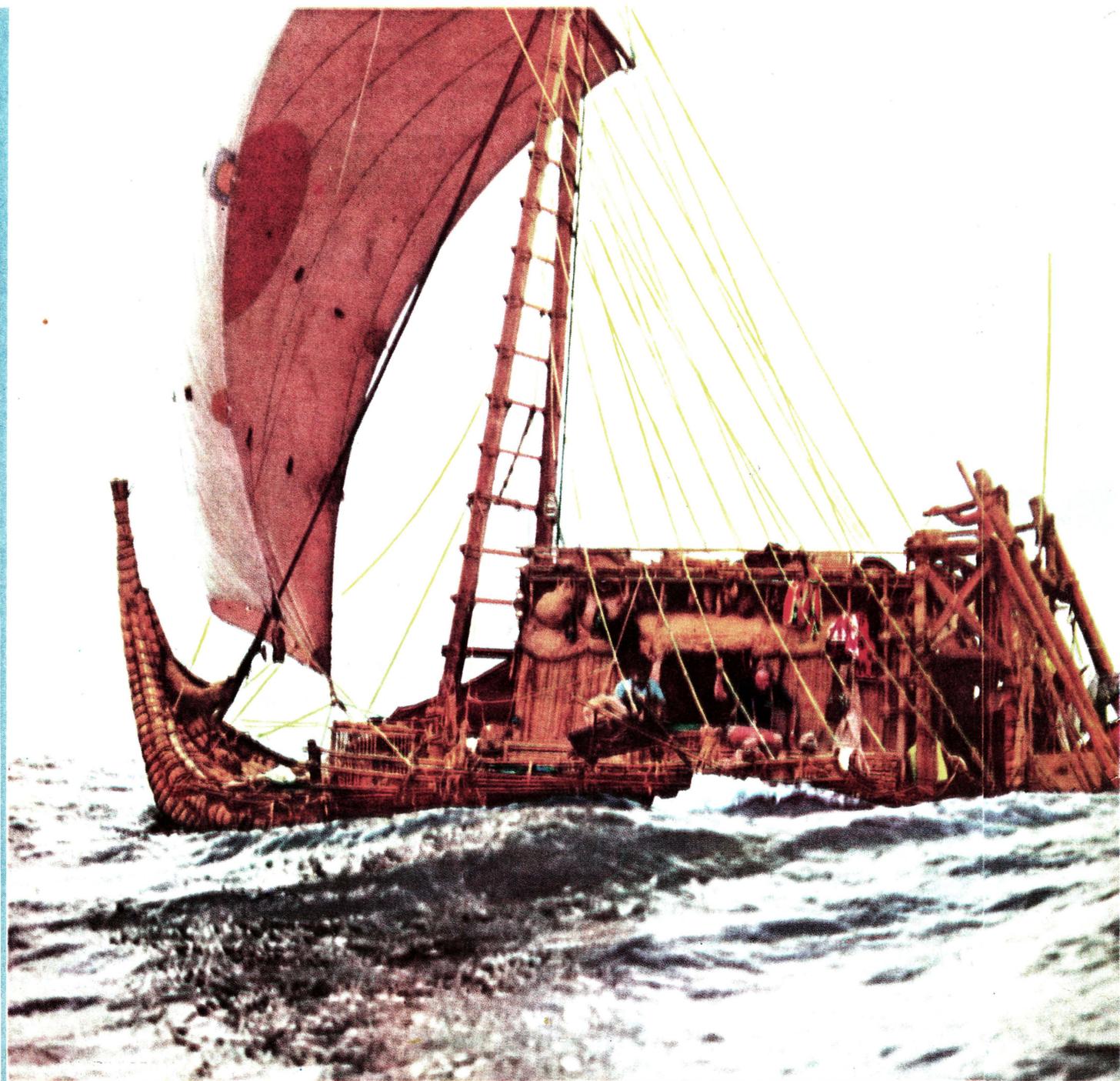
плавания. После плавания «Ра» в Атлантическом океане мореходность папирусных кораблей, по-видимому, можно считать доказанной. И так же можно предполагать с большой вероятностью, что древние мореплаватели могли плавать по маршруту Средиземноморье — Центральная Америка.

Но этот морской путь был односторонним, то есть возможные плавание со стороны Африки следует классифицировать как случайные. Под случайным плава-

нием, в противовес намеренному, мы понимаем плавание «по воле волн», когда мореход плывет, не имея никакой информации.

Но можно ли, глядя только на карту течений, все же предположить, что могли быть и обратные плавание? Могли ли древние мореходы, отплывшие из Средиземноморья, не только достигнуть Мексики, но и вернуться обратно? Каков был бы этот обратный путь и какова его вероятность? По-видимому, этот путь от Юкатана проходил бы по Флоридско-

му течению, затем по Гольфстриму со скоростями до двух-трех узлов и попутными западными ветрами. При переходе в Северо-Атлантическое течение, скорости которого вдвое меньше, мореплаватель встретился бы с более частыми штормами (их число возросло бы на 30 процентов). Около берегов Европы течение разветвляется, и в зависимости от конкретной синоптической обстановки древние мореплаватели попадают либо к Пиренейскому полуострову, то есть

почти домой, либо их относит севернее Англии. Поэтому вероятность возвращения мореплавателей из Юкатана в Средиземноморье не превышает 50 процентов.

Но ведь 50 процентов — это половина шансов. Вспомним — из всей эскадры Магеллана обогнул земной шар только один корабль. А из почти трехсот мореплавателей вернулось всего семнадцать.

А это куда меньше 50 процентов...

МАГНИТНЫЕ ОБЛАКА СОЛНЦА

Советские ученые — доктор физико-математических наук В. В. Виткевич и кандидат физико-математических наук Б. Н. Пановкин, исследуя эффект рассеяния радиоволн вблизи Солнца, обнаружили, что солнечная сверхкорона, состоящая из вытянутых в радиальном направлении облаков плазмы, как бы сцементирована мощным стабильным магнитным полем.

Открытие советских исследователей было подтверждено последующими радиоастрономическими наблюдениями английских и австралийских ученых. А в результате дальнейшего изучения с помощью ракет было установлено, что радиальная структура магнитных полей закономерна для всего пространства между Солнцем и нашей планетой.

— Система «плазма — магнитное поле» является как бы мостом, связывающим процессы, происходящие на Солнце и на земном шаре, — заявил В. В. Виткевич.

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ АНТАРКТИДЫ

Новозеландский ученый профессор А. Т. Уилсон обнаружил в выходах пород на острове Росс в проливе Мак-Мёрдо образцы полудрагоценных камней — оливина. Потом были найдены два месторождения оливина, которые по своим запасам могут считаться промышленными.

Кроме того, геологам найдено свидетельство того, что в Антарктике могут быть месторождения платины и алмазов. Во всяком случае, в районе горного хребта Синтия около $78^{\circ}10'$ южной широты и $85^{\circ}30'$ западной долготы обнаружены так называемые интрузии Дуфека — такие же горные породы, как и в известном алмазном районе Ранд в Южной Африке.

ДРЕЙФ ГЕОМАГНИТНОГО ПОЛЯ

Сотрудник Чехословацкой академии наук доктор В. Буха совместно с американскими учеными Р. Э. Тейлором, Берджером и Э. У. Хори завершил серию палеомагнитных измерений различных археологических материалов, в том числе керамики, найденной в различных местах Центральной Европы, США и Мексики.

Сопоставление всех этих образцов позволило им прийти к выводу, что за 500 лет магнитное поле Земли совершило «дрейф» на 120° в западном направлении, средняя скорость его движения составляет около $0^{\circ}24'$ в год.

«ЯДЕРНЫЕ» РЕАКЦИИ В... ОМАРАХ

Искусственным путем — в ядерных реакторах — химические элементы синтезируют еще в очень небольших количествах, измеряемых десятками атомов. Но вот, как заявил французский биолог Луи Кервран, морские раки — омары с успехом синтезируют в своем организме фосфор и медь в объеме от 5 до 50 миллиграммов за две недели!

Опубликованные профессором Кервраном результаты показывают, что опыты проводились весьма тщательно. Однако исследователь считает, что нужна еще длительная проверка, прежде чем эти выводы можно будет считать окончательными.

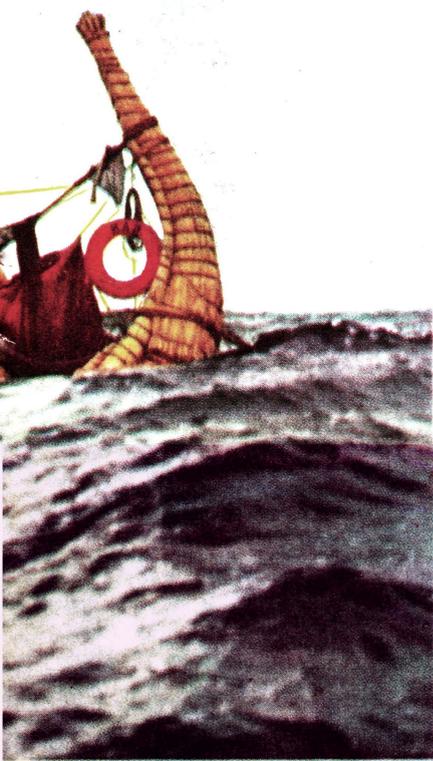
КАРТА ДУХОТЫ

В Институте географии АН Грузинской ССР составлена уникальная карта — карта духоты. Карта составлена на основании обработки многолетних данных об абсолютной влажности воздуха, полученных климатическими станциями в разных точках Земли. Карта наглядно свидетельствует, что количество душных дней в том или ином месте Земли зависит от интенсивности солнечного излучения, соотношения площади воды и суши, морских течений, господствующих ветров.

ПРОЗРАЧНЫЕ ЩУКИ ЛЕДЯНЫХ МОРЕЙ

Сотрудники Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии, изучая животный мир антарктических морей, добыли около сорока видов рыб, приспособившихся к постоянно низкой температуре. Наибольший интерес представляют так называемые ледяные щуки — совершенно прозрачные рыбы, кровь которых не содержит «ни грамма» гемоглобина.

(По страницам советской и зарубежной печати)

*Статья 40 конституции ГДР гласит:
«Граждане ГДР лужицкой (сорбской) национальности имеют право
развивать свой язык и свою культуру. Осуществление этого права
поддерживается государством».*

ЮРИЙ БРЕЗАН,
лужицкий писатель (ГДР)

КРАБАТ И ЕГО ПОТОМКИ

Наш Будышин-Баутцен — город небольшой, но для нас он столица. Это один из красивейших городов

В декабре 1945 года машина с советскими солдатами, ехавшая из Лейпцига в Баутцен, остановилась в нашей деревне. Что-то случилось с мотором, и шофер, основательно повозившись с ним, взял ведро и направился к ближайшему дому. Постучал в дверь и, указывая на ведро, сказал вышедшей крестьянке на ломаном немецком языке:

— Фрау, вассер!..

— Я, я, битте, — закивала головой хозяйка. Она взяла у солдата ведро и крикнула дочке в кухню: — Дай му воды!

— Чудно как-то ты говоришь, — заметил солдат добродушно. — Вроде бы и не порусски, а похоже, а главное, совсем не по-немецки. Вы что, не немцы?

Хозяйка, настороженно слушавшая и, увы, далеко не все понимавшая, кивнула:

— Нёсме, немци. Сме сёрбски люд.

Солдат, однако, никак не мог взять в толк, что же это за люди.

— Поляки вы, что ли, пани? — спрашивал он.

На что хозяйка все так же твердила:

— Сербски люд, сербски люд.

Увы, малый запас взаимопонятных слов, а главное, недостаток времени прервали филолого-

этнографические изыскания шофера, а потому, махнув рукой, он сказал только:

— А, все равно, кто бы ни были, люди, главное, хорошие!

И побежал к машине, крикнув лишь:

Когда мне случается говорить (или писать) о нас, лужичанах, я всегда думаю, что среди моих слушателей (читателей) наверняка найдется какой-нибудь человек, который досконально знает два-три африканских наречия.

Мне хотелось бы рассказать о своем народе немного подробнее, чтобы и вы знали о нем и чтобы вы поняли, что значит для нас сороковая статья конституции ГДР.

Наверное, потому мало кто

ГДР, но когда в «Птахи квас» выходят на его улицы девушки в национальных костюмах, прѣво, он становится еще краше.

— Спасибо! — и по-польски: — Дзенкуем! — И для уверенности по-немецки (Германия все-таки!): — Данке шѐн!

Краткость встречи вряд ли позволила ему понять, что же это за люди, которые живут среди немцев и называют себя «сербски люд».

Люди эти — мы, лужичане, лужицкие сербы (или, как нас еще называют, чтобы отличить от сербов югославских, «сорбы»).

другой вам легко укажет границы расселения амазонских индейцев, но редко, ох как редко встретишь человека, который бы не смутился вопросом: «Что же это за народ, лужичане?»

Ну что ж. Позвольте тогда начать с небольшой справки. Мы самый маленький славянский народ. Нас всего сто тысяч. Живем мы в бассейне реки Шпрее, точнее говоря, в округах Котбус и Дрезден в ГДР.

о нас знает, что более восьми столетий назад мы утратили национальную независимость. А с нею и личную свободу, и во время феодализма (а, как вы знаете, в Германии он подзадержался) мы лишены были элементарных прав: мы были рабами, невольниками, крепостными, нам не разрешалось заниматься никакими ремеслами, кроме «почтенных» занятий живодера, золотаря, гробовщика да

подручного палача. Нам запрещалось жить в городах, мы не могли пользоваться защитой крепких стен крепости Лаузитц даже в случае вражеского набега. Нас преследовали за то, что мы никак не хотели забывать свой родной язык. Например, в Лейпциге еще в четырнадцатом веке был издан указ, который грозил смертной казнью всякому, кто осмеливался произнести хотя бы одну фразу по-лужицки на площадях и улицах города. Много столетий подряд мы были париями, нас угнетали, истязали и считали не людьми, а скотом. Правда, в конце прошлого века положение несколько изменилось, но только в том, что касается феодальных и уж совсем средневековых ограничений и запретов. Главное же оставалось прежним, само слово «лужичанин», «сорб» значило батрак, мужик, деревенщина... Конечно, никто не казнил бы уже за фразу на нашем языке, но ни кайзеровские власти, ни власти веймарской республики не питали ни малейшего сочувствия ни к нашему языку, ни к нашей культуре. И если удавалось издать книжку или календарь на лужицком языке, то только на гроши, собранные по деревням. А когда к власти пришел Гитлер и воцарилась коричневая чума «тысячелетнего рейха», перед нами реально стала угроза уничтожения. И в самом деле, коль скоро всей Европе суждено было (по планам нацистов) стать германской, как можно терпеть буквально под носом чуждый и «расово неполноценный» элемент? Были уже разработаны планы выселения лужичан в Рур, и язык наш был вновь запрещен, чтобы ни следа от нас не оставалось, ни слова.

В самые последние дни войны эсэсовцы из отступавшей армии Шёрнера готовы были перестрелять нас, ибо полагали (и не без основания), что мы ждем не дождемся освободителей. Только победа Советской Армии спасла нас от гибели.

Мы славяне. И хлеб по-нашему тоже «хлеб», вода — «вода», а другие слова у нас непохожи: вот, например, сердце у нас называется «вўтроба», а «квас» означает у нас совсем не квас, а свадьбу.

На лужицком языке говорили обычно в семье да с односельчанами, а по-немецки (немец-

кий все лужичане знают как второй родной язык) с графом или бароном, с управляющим, с горожанами и с соседями из немецких деревень.

И даже с графской скотиной говорили по-немецки, а со своей по-лужицки. «Барской скотиной» считались лошади и собаки, а лужицкой — коровы и кошки. Так уж издавна повелось: у лужичан кошка да корова, у немецкого графа — собака и лошадь. Потому-то, должно быть, и давали лошадям такие имена: Лотта, Лизель, Ганс, Мориц, Фриц. Собак же называли: Каро, Сента или Вальдман. Другое дело — коровы и кошки, у этих всегда были чисто лужицкие имена, и понимали они только нашу речь. Когда в упряжке была лошадь, возница кричал: «*Na, los, Fritz, gehst du'rein!*»¹. Если же в упряжке стояла корова (как часто бывало у безлошадных крестьян), следовало другое: «*Hej, stara, samraj, samraj!*»² Наши предки так объясняли это разделение. Вот старая лужицкая притча:

«И был День Седьмой, и трудом Создателя пришел конец. Все сотворил он: мужчин, и женщины, и горы, и звезды, и реки, и луга, и поляны, и всякую живность... И рыбу в реках, и ячмень, и пшеницу, и «корн» — пшеничную водку, и «прим» — жевательный табак.

Всё это было собрано в одну кучу, и Создатель не знал, что ему со всем этим добром делать, такой кавардак воцарился. Создатель подумал-подумал, махнул рукой и пошел соснуть часок-другой. Когда же проснулся, то узрел нечто невообразимое. В кадке с водкой плавали рыбы — они поводили мордами из стороны в сторону и распевали непристойные песни. Создатель осерчал, топнул ногой и возопил: «Замолчать!» И от гнева божьего рыбы утерjali голос навеки.

Создатель почесал затылок и говорит:

— Значит, так: сейчас я все это стану делить, а вы смотрите да не зевайте! Кому что понравится, тот сразу и кричи: «Мне!» Понятно?

После этих слов Создатель выпростал из общей кучи лошадь и, поднатужившись, поднял ее над головой.

— Мне! — закричал Кра-

¹ Ну, Фриц, трогай! (нем.).

² Эй, старая, пошла, пошла! (сорб.).

бат — прародитель лужицких сербов, но тут услышал, что стоящий рядом человек в кожаных штанах и войлочной шляпе тоже кричит: «Мне!»

— Кто закричал первый? — спросил Создатель.

— Я! — сказали кожаные штаны.

— Я! — сказал Крабат.

— Крикните еще раз, — рассудил Создатель. — Кто громче крикнет, тому и достанется.

У кожаных штанов глотка была луженая, и у него получилось громче. Лошадь досталась ему.

— А ты, — сказал Создатель Крабату, — на вот, получай корову.

Так корова досталась Крабату-лужичанину.

Потом Создатель вытащил на свет божий собаку. И опять повторилось то же самое. Собаку получили кожаные штаны, а Крабату в утешение досталась кошка.

Почувствовав себя «на коне», тот, что был в кожаных штанах, сказал:

— У меня есть лошадь и есть собака — буду теперь ездить на охоту. Для этого мне нужны уголья. Так что давай мне, Создатель, и леса, и поля, и луга!

«А ведь он, пожалуй, прав», — подумал Создатель.

— Уж больно ты разохотился, — сказал Крабат своему удачливому сопернику. — Вот ты берешь себе луга, а где же я буду пасти свою корову? Мне ведь тоже жить надо!

— Корова пусть пасется на моем лугу, а ты за это будешь работать на моем дворе, и под моей крышей жить, да меня называть будешь «господин граф».

Создателю этот спор начал надоедать, поэтому, дав Крабату в придачу жаворонка, он махнул рукой, молвил: «Бог с вами!» — и ушел почивать.

Так Крабату достался еще и жаворонок. Певчий жаворонок...

Таковыми вот сказками наши предки пытались объяснить себе, как взялась на свете несправедливость.

Но пришло время и господину графу сматывать удочки, а батракам — и немецким и лужицким — делить то, что у них веками грабили графы и бароны.

Пришли и к потомкам Крабата — лужицким сербам —

другие времена. Впервые в истории мы признаны полноправными людьми, народом со своей культурой, со своей литературой. И со своей столицей — городом Будишин.

Будишин (по-немецки Баутцен) — один из самых красивых городов республики — наш культурный и административный центр.

Раз в году становится в Будишине особенно пестро от национальных нарядов. Раз в году мы открываем сундуки, достаем народные костюмы и выходим на улицу. У нас праздник. Наш, лужицкий. Праздник этот называется «Птахи квас» — «Птичья свадьба». Никто, даже ученые, которым вроде бы положено знать все, — никто не знает, почему этот праздник называется «Птичья свадьба». Название это вдвойне загадочно еще и потому, что праздник приходится на двадцать пятое января, то есть на такое время, когда даже воробьи и те ежатся от холода, а не то чтобы помышлять о какой-то свадьбе. Но нам, в конце концов, нет дела до этого — когда, да как, да почему: мы празднуем.

Помню свое детское впечатление от «Птичьей свадьбы». Ранним холодным утром меня разбудила мать, наскоро укутала в то, что попало под руку, сунула мне в руку тарелку и говорит:

— Ну-ка, беги за сарай и поставь там тарелку. Как поставишь, сразу назад да смотри не оглядывайся, а то никакого гостинца тебе не будет!

Сон вмиг сошел с меня,

я вспомнил: мать еще вчера говорила мне про «Птахи квас» — праздник, который начнется сразу же, как только я проснусь.

Мигом выскочил я во двор, забежал за сарай, поставил тарелку и что есть духу, боясь нечаянно оглянуться, помчался назад в дом. Минут через десять мать вышла во двор посмотреть, нет ли там для меня какого гостинца от сороки-невесты да от вороны-женухи. Вернулась она с еще теплой белой булкой, поверх которой лежал кусочек сахару.

За завтраком я все допытывался у матери, где же птицы играют свою свадьбу. Мать тихонько посмеивалась и отвечала, что скорее всего они гуляют свадьбу в беседке, которая стоит в графском парке. Помню, как по пути в школу я специально заглянул в беседку, но никакой свадьбы там не застал. «Наверное, опоздал», — подумал я и с неохотой пошел на уроки.

Вечером, когда приходило время спать, мы, ребята, получали по кусочку сыра, и на этом наш праздник кончался. Взрослые между тем собирались по корчмам да по домам, откупоривали припасенную для этого дня брагу, потом, захмелев, принимались петь и плясать под разудалое верещание кларнета, буханье контрабаса и жавороньи трели скрипки...

Теперь в будищенских школах и детских садах день двадцать пятого января начинается с песен о птицах, а после уроков ребята наряжаются птицами и отправляются в шествие по го-

роду, точь-в-точь стая разнопородных птиц во главе со страусом — мальчишкой на ходулях. А вечером мы идем в Праздничный зал города, где в этот день даются большие концертные представления — на сцене выступают певцы, танцоры и музыканты из Государственного ансамбля народного творчества лужичан.

Изменился не только наш праздник. Весь наш край изменился, и столица наша Будишин-Баутцен. В школах преподают наш язык, тот самый язык, что когда-то считался варварским наречием неотесанной деревенщины. Будишинское издательство «Домовина» выпускает книги лужицких писателей. Ученые из Музея лужицкой культуры изучают наследие наших предков — наши костюмы, песни, обычаи, все, что обречено было на гибель, все, что было спасено и любовно, бережно восстановлено.

Приходят на наш праздник и немецкие друзья, вместе с нами поют они наши песни: ведь мы дети одной земли, вместе мы живем, вместе работаем.

Поют вместе с нами и гости. Много их приезжает к нам со всех концов республики и из-за границы. Мы вместе с ними идем к памятнику Тельману, у подножия которого круглый год стоят живые цветы.

И долго звучит над Будишином наша песня, которой никогда бы не зазвучать, если бы не тот майский день, который принес нам Освобождение.

Перевел с немецкого
Б. ПЧЕЛИНЦЕВ

БЕРЕСТА «ЗАГОВОРИЛА» ПО-ЛАТЫНИ

Мировой науке уже известны сотни берестяных грамот, найденных в Новгороде и некоторых других городах. Все эти грамоты — деловые и житейские письма, торговые договоры, любовные послания — написаны по-древнерусски, хотя летописи и древние хроники свидетельствовали о том, что «берестяное письмо» было распространено в Скандинавии, странах Северной Европы и даже в Индии. И вот в этом году советские археологи, ведя раскопки на территории Готского двора (бывшей шведской торговой фактории в Новгороде), нашли бересту с латинским текстом — первый обра-

зец западноевропейского письма на «северном папирусе».

ТАЙНА ДРЕВНИХ КАРТ

Историкам давно были известны загадочные рисунки в древнейших тибетских книгах. И вот советские востоковеды Л. Гумилев и Б. Кузнецов, исследуя эти книги, пришли к сенсационному предположению: рисунки, которые раньше считались то схемами каких-то мифических земель, то «магическими таблицами» буддийских монахов, на самом деле настоящие карты Земли, на которых можно видеть даже... Америку.

Если предположение исследователей подтвердится, то можно будет с уверенностью сказать, что

еще во втором тысячелетии до нашей эры — именно этим временем датируются сведения, положенные в основу карт — географы Азии знали о существовании Нового Света.

В ПЕЩЕРЕ НАЙДЕН ЛЕВ

Кость ископаемого пещерного льва, вымершего более десяти тысяч лет назад, обнаружил владивостокский спелеолог Е. Г. Лешок в одной из открытых им пещер.

Эта находка тем более ценна, что до сих пор считалось, будто пещерный лев обитал только на севере Азии и в Европе.

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

Роберт Руарк

СТАРИК И МАЛЬЧИК

Памяти моих дедов, моего отца и всех моих названных дядей, черных и белых, которые вырастили меня, посвящаю я эту книгу.

С ДЖЕНТЛЬМЕНОМ НУЖНО ОБРАЩАТЬСЯ ПО-ДЖЕНТЛЬМЕНСКИ

Старик знает все или почти все на свете. Но, как правило, своими знаниями вас не подавляет. Поясню свою мысль: мальчишкой он побывал в Африке, убил пару тигров в Индии, по крайней мере так он утверждает, и достаточно на своем веку повоевал в разных краях. При всем этом он может объяснить вам, почему перепела спят, сбившись в кучу, или почему индюки летят, не разбирая пути.

Выглядит Старик, прямо скажем, непрезентабельно. У него большие торчащие уши и кустистые прокуренные усы. Он курит изогнутую трубку и стреляет из старой двустолки, такой же потрепанной жизнью, как и сам он.

Он вечно ходит в мятых штанах и плюется метко, как плевались люди в те времена, когда почти все взрослые мужчины жевали «яблочный табак».

Что мне нравится в старике, так это то, что он охотно говорит о том, что знает, и никогда не смотрит сверху вниз на любопытного мальчишку. Если вы дожили до его лет, то вы знаете массу всякой всячины, которую воспринимаете как нечто само собой разумеющееся. Вы забываете, что не все прошли такую тяжелую школу, как вы, и не больно-то стараетесь сеять знания.

Вот, например, кликнули мы со Стариком как-то собак и отправились в рошу посмотреть, нет

ли там перепелов. Случилось так, что они там были. Пит, пойнтер наш, кружил как сумасшедший, а потом вытянул хвост в струнку и застыл на углу горохового поля, будто собрался зазимовать там.

— Что-то мне не хочется стрелять, — сказал Старик. — Давай-ка лучше ты. Возьми мое ружье и зайди в хвост Питу. Иди осторожно и подними птицу так, чтобы не напугать собаку, а я посмотрю, сумеешь ли ты взять одну птицу. О второй не задумывайся, просто сосредоточь все свое внимание на первой. Чтобы убить вторую птицу, надо сперва убить первую. Это, что называется, правило, проверенное на практике. Ну-ка попробуй,

посмотрим, что у тебя получится.

Я обошел Пита, и птицы взлетели, как фейерверк в День независимости, и я поступил так, как поступают поначалу почти все: начал палить по всем птицам разом. Я стрелял по ним дуплетом, и на землю не упало ни одной. Ни единой.

Я посмотрел на Старика, он на меня, каким-то, я бы сказал, печальным взглядом. Он покачал головой, взял в руку трубку и тщательно утрамбовал в ней табак. Зажег спичку и раскурил трубку.

— Послушай, сынок, — сказал он. — На своем веку я много раз давал маху и, конечно, промажу еще не раз, были бы птицы. Но одно я знаю, и ты должен хорошенько запомнить это: никто не может убить весь выводок разом, даже если стрелять по птицам, которые бегут гуськом по кукурузному полю. Перестрелять их можно только по одной.

Старик сказал, что надо дать собакам время, так как, когда выводок разлетится в разные стороны, птицы первое время сидят не двигаясь, и учуять их можно только верхним чутьем. Так что, почему бы нам не посидеть, пока он выкурит свою трубку, а потом уж идти поднимать одиночек. Старик сказал, что он не знает, кем я буду, когда вырасту, и ему, собственно, наплевать на это, но, сказал он, мне следует научиться уважать перепелок хотя бы ради практики, чтобы потом научиться уважать людей.

— Маленький перепел, — говорил мне Старик, — это же джентльмен, и обращаться с ним нужно по-джентльменски. Ты должен холить его и лелеять, на что у него есть все основания рассчитывать, потому что перепелов не так уж много и они заслуживают того, чтобы в них стреляли с почтением. То, как ты будешь обращаться с перепелкой, так или иначе потом на тебе скажется.

— Представь себе, — говорил Старик, — что стая перепелов — это члены твоей семьи. Ты обращаешься с ними надлежащим образом, и они живут у тебя до конца твоих дней. Они трудятся в твоём саду, поедая там букашек, а по вечерам тешат тебя своим пением. Твои собаки довольны, потому что у них есть развлечение, а когда ты стреляешь перепелок, ты стреляешь

их ровно столько, сколько нужно, а потом уже больше в тот год не стреляешь. Нужно ведь оставить какое-то количество птиц, чтобы они принесли тебе на следующий год новый выводок. Нет ничего приятнее, чем снять ружье с крючка, крикнуть собак и отправиться на поиски перепелиного выводка, если ты знаешь, что у тебя есть хорошие шансы найти его. Эта маленькая пташка весит не более пяти унций, зато каждый грамм ее веса — это грамм высшей пробы. Перепел всегда глядит в оба, и каждый раз, охотясь на него, ты доказываешь себе, что и сам чего-то стоишь.

— Я не знаю никого, кто, поохотившись на перепелов, не стал бы хоть чуточку вежливее, чем прежде, — сказал Старик. — Ведь они джентльмены, а с кем поведешься, у того и наберешься. Если ты собираешься охотиться на перепела, то должен помнить такие вещи, как... ну вроде того, что нельзя бить кроликов на глазах у собаки, а то она потеряет интерес к перепелам. А потом ты должен и о собаках позаботиться. Собака, для которой стойка не является делом... «делом чести» — вот верное слово — и мешает другим собакам, — никчемная тварь, и ее лучше пристрелить. Одно из несчастьев этого мира состоит в том, что все живое сбивается в кучу и толкает, и пихает друг друга, и, если твоя собака не имеет хорошего воспитания, у нее нет никакого права на существование.

Взять, к примеру, хотя бы собаку, гонящихся за кроликами: если это гончая, пусть гоняет кроликов в свое удовольствие. А вот сеттер или пойнтер не имеют никакого права гоняться за кроликами. Люди из Вашингтона называли бы это «непроизводительной роскошью». И собака и человек должны делать то, что им положено, и делать так, чтобы оправдать свое назначение.

Старик улыбнулся и пососал трубку.

— Я хорошо помню одну суточку-сеттера по кличке Лу. Она принадлежала моему старому другу, некоему Джо Хескиту. В поле я, пожалуй, бестолковой собаки не видел. Но она была по-настоящему предана своему делу. И уж если она делала стойку, то это была мертвая стойка.

Кроме нее, у Джо была другая, хорошо натасканная собака, — большой старый сеттер-гордон,

черный как смоль. Его звали Агат. Когда он делал стойку, он становился похож на обгорелый пен. Такой же он был черный и такой же неподвижный. Поэтому Лу всю свою жизнь делала стойки около пней. Идешь, бывало, по слоновой траве в саванне и непременно наткнешься там на бедную старушку Лу, которая примерзла к обгорелому пню. Кроме стоек, Лу мало на что была способна, но это была самая «стойкая» собака, которую мне довелось видеть. Она сделала на этом свою карьеру и ничуть не прогадала. Только в конце концов ей изменило зрение, и она погибла. Она сделала стойку у пожарного крана посреди шумной улицы и не сочла нужным посторониться перед автомобилем, который шел на большой скорости.

Старик усмехнулся своей обычной ехидной усмешкой и перешел к новой лекции.

— Человек может многому в жизни научиться, наблюдая собаку, — говорил он. — Вот хотя бы взять их отношение к змеям и черепахам: лучшая в мире подружейная собака сделает стойку и над черепахой и над змеей. Но от черепахи она не попятится, а, сделав стойку над змеей, она тут же отбежит прочь. Это она, так сказать, исполняет свой «гражданский долг». Но когда хорошая собака делает стойку на кролика, она поднимает уши поособому и воровато оглядывается на тебя, будто крадет на твоих глазах яблоко с фруктового лотка и ждет, что ее будут бить. Если собаке повезло с родословной и у нее есть чутье и понятие о приличиях, то все ее промахи случаются исключительно по твоей вине.

Старик сказал, что он несколько отклонился от вопроса о перепелах, и объяснил это тем, что даже старый человек может увлечься. После чего он вернулся к первоначальной теме. Он сказал, что ни один здравомыслящий человек никогда не сгонит семейство перепелов с его родного, насиженного места.

— Перепел — член твоей семьи, — повторил он, — и, как всякого члена семьи, его нужно кормить. Поэтому ты сеешь для него горох, леспеду или мало ли что там еще. Ты сеешь это неподалеку от такого места, куда он мог бы прилететь, чтобы спрятаться. Перепел на редкость постоянен в своих привычках. Утром он покидает место ночлега, но дом свой не забывает.

Очень жаль, — сказал Старик, — что люди не делают для себя из этого нужных выводов.

Но в перепеле, — продолжал Старик, — как и в человеке, сидит дурь. Ему все кажется мало. И он затевает войны, вместо того чтобы заниматься делом. И если ты как следует не прижмешь перепелов экономически, то вся твоя стая переделается, вырождается и в конечном счете уничтожит сама себя. Петушки начнут драться между собой, курочки станут поедать собственные яйца, и в один прекрасный день ничего от стаи не останется.

А это плохо для всех, включая птиц, букашек и самого тебя, не говоря уже о собаках. Поэтому ты должен отстреливать птиц каждый год, но, конечно, в разумных пределах. Скажем, у тебя вывелось двадцать птиц. Предположим, ты перебил половину из них. Часть оставшихся переловят лисы, еще часть — одичавшие кошки, и из двух отложенных яиц каждое второе погибнет от погодных условий. Но если ты будешь заботиться о стае и не станешь жадничать, то сможешь сохранить ее у себя на заднем дворе на веки вечные.

Как раз перед тем, как я встретил твою бабушку, — сказал Старик, — я окопался в одном местечке на Юге и занялся воспитанием собак. Я жил там тридцать лет и натаскивал всех собак, что у меня перебивали за это время, на своем заднем дворе, на одной и той же стае. Вместе с собаками я натаскивал и ребят. Французы обычно называют это *laissez faire*¹.

Я приучил птиц селиться поближе к дому. И приучил собак относиться с уважением к птицам во время кладки и высживания яиц, а ребят я приучил относиться в это время с уважением к собакам. Я никогда не охотился на эту стаю больше чем три раза в год и никогда не стрелял за раз больше трех птиц. И все время я что-нибудь сеял для них.

Я бы мог многое рассказать тебе о птицах, — сказал Старик, — но я и так стал что-то слишком уж болтлив в последнее время. Если ты будешь помнить о том, что не нужно спешить и никогда не будешь палить по всему выводку, если запомнишь, что за перепелами нужно ухажи-

¹ *Laissez faire* — заставлять делать что-либо.

вать и кормить их, и если не забудешь, что собак нужно научить уважать птиц...

О черт! — сказал Старик, — то, что я сейчас тебе нагородил, — это проповедь на тему об уважении. Могу тебе сказать, что она охватывает наибольшее количество жизненных ситуаций, независимо от того, с кем ты имеешь дело: с перепелами ли, с собаками или с людьми.

— Это недорогое ружье, — заметил Старик. — Оно не больно-то красиво, и на нем нет затейливой гравировки. Но оно выстрелит туда, куда ты его наставишь, и, если ты правильно прицелишься, уж оно-то не промахнется. Когда-нибудь, когда ты будешь работать и заработаешь много денег, ты сможешь съездить в Англию и купить там пару двустволок, а то и здесь заказать себе ружье с золотой насечкой в виде дичи и охотничьих собак. Но, чтобы научиться стрелять, это ружье как раз то, что тебе нужно.

Наверное, это было прекрасное ружье, если Старик решился доверить столь опасное огнестрельное оружие восьмилетнему мальчишке. Небольшое, двадцатого калибра, оно стоило всего двадцать долларов, но в те времена двадцать долларов были большими деньгами, и вы могли купить на них кучу разных разностей.

Старик набил трубку, сунул ее под усы и посмотрел на меня, наострив свои торчащие уши, словно сеттер над кроликом, которого, по идее, должен игнорировать.

— Сейчас, — сказал он, — я свистну собак и разрешу тебе воспользоваться этим ружьем наилучшим образом. Но перед тем, как мы пойдем с тобой в лес, я хочу сказать тебе одну вещь: теперь моя репутация в твоих руках. Твоя мать думает, что только такой старый свихнувшийся дурак, как я, может дать в руки такому клопу ружье, которое чуть ли не с него ростом. Я сказал ей, что лично отвечаю и за тебя, и за ружье, и за то, как ты будешь с ним обращаться. Я сказал ей, что самый подходящий момент для мальчишки начинать учиться владеть ружьем — это тот момент, когда он для этого созрел, вне зависимости от того, сколько ему лет. А приучаться к осторожности и вовсе никогда не рано. Ты сейчас держишь в руках опасное оружие. Оно может убить тебя,

или меня, или собаку. Ты должен зарубить у себя на носу, что заряженное ружье превращает человека, в чьих руках оно находится, в потенциального убийцу. Смотри, никогда не забывай этого.

Я пообещал, что не забуду. И всегда помнил об этом.

Старик надел шляпу и свистнул Фрэнка и Сэнди. Мы отправились на задний двор, где обитала наша «домашняя» стая. Был славный ноябрьский день: пригревало солнце, и легкий ветерок шевелил осенние листья со все еще не потухшими красками. Мы подошли к изгороди — низкой изгороди из колючей проволоки, и я стал перелезать через нее, подняв ружье в одной руке и обхватив столб другой. Я уже перенес было ногу через изгородь, но тут вдруг зацепился мотней за колючку.

— Тпру! — зорал Старик. — Если бы ты только видел, какой у тебя дурацкий вид! Сам вишишь на колючке, помахивая ружьем, а ноги — одна в воздухе болтается, а другая проволоку под собой нащупывает.

— Могу себе представить, — ответил я.

— Некоторое время я буду с тобой строг, — пообещал Старик. — За каждый промах я буду тебя нещадно ругать. Я знаю, что ружье у тебя не заряжено, так что никто все равно не пострадал бы от того, что тебе взбрело в голову лезть через забор с ружьем в руках. Но это может войти в привычку, и тогда в один прекрасный день ты полезешь через забор с заряженным ружьем, оступишься, курок зацепится за колючку, ружье выстрелит, и заряд попадет в тебя, в меня или в кого-нибудь еще, и тогда уж будет поздно жалеть.

В лесах и на полях, — продолжал он, — много изгородей, так что давай-ка лучше сразу приучайся делать это по всем правилам. Собравшись лезть через забор, поставь ружье на предохранитель и положи его под изгородь, футах в десяти от того места, где ты собираешься перелезть, причем так, чтобы стволы были направлены от тебя; а перелезешь — вернись, подними ружье и посмотри, по-прежнему ли оно на предохранителе. Это тоже должно войти у тебя в привычку. Ведь нетрудно время от времени поглядывать на предохранитель.

Скоро мы притопали на дальний конец кукурузного поля.

Сэнди — белый с желтыми пятнами английский сеттер — забегал вдоль его края, держа нос по ветру. Фрэнк — старый и медлительный — усердно обнюхивал землю. Через минуту Сэнди что-то учуял и опрометью кинулся вперед. Он бежал сломя голову и вдруг замер у зарослей кустарника. Фрэнк, шедший по следу, надал ходу и направился к Сэнди. И тут он поднял голову, увидел Сэнди на стойке и тотчас замер сам. Может быть, вы и видывали более прекрасную картину — я не видел.

— И я правда могу сейчас стрелять? — спросил я.

— Заряди ружье, — ответил Старик, — потом подойди, и, когда птицы взлетят, выбери одну и стреляй по ней.

Я зарядил ружье, подошел к собакам и сдвинул предохранитель. Он щелкнул едва слышно, но Старик уловил этот звук.

— Тпру, — сказал он, — дай-ка сюда ружье.

Я был озадачен и обижен, потому что это было мое ружье. Старик сам подарил его мне и вот теперь отнимает. А он передвинул трубку в другой угол своего спрятанного под усами рта и зашел позади собак. Он даже не взглянул туда, где были птицы. Он смотрел прямо перед собой, небрежно держа ружье у живота и направив стволы куда-то в бок и вверх примерно под углом в 45 градусов. Птицы взлетели, и Старик вскинул ружье. В то же самое время его большой палец сдвинул предохранитель, приклад угнездился у него под подбородком, и в следующие мгновения грянул выстрел. На расстоянии 25 ярдов одна из птиц упала на землю.

— Принеси, — приказал Старик, разряжая второй ствол.

— Почему ты забрал у меня ружье?! — завопил я. Я был в бешенстве. — Черт побери, это не твое ружье, это мое ружье!

— Ты еще мал, чтобы ругаться, — заметил Старик. — Ругань — это привилегия взрослых: как и все прочие права, ты должен сперва заслужить право ругаться. Ругань хороша для лущей выразительности. А когда каждое второе слово ругательства, ругань теряет всякий смысл и становится скучной. Сейчас объясню, почему я взял у тебя ружье. Ты ведь никогда не забудешь об этом, а?

— Еще бы! — ответил я, все еще злясь и едва сдерживая слезы.

— Я предупреждал, что буду с тобой строг. Хотя бы ради спокойствия твоей матери. Это просто входит в программу обучения. Теперь уж ты никогда не подойдешь к стае — или к чему там еще — без того, чтобы не вспомнить день, когда я отобрал у тебя твое первое ружье, так?

— Но я даже не знаю, почему ты его отобрал, — ответил я. — Что я такое сделал?

ты споткнешься об нее и упадешь в яму или налетишь на камень, ружье выстрелит, что тогда?

— Но ведь если ты собираешься стрелять, когда-то же ты должен сдвинуть предохранитель?

— Великое дело привычка, — ответил Старик. — И плохие привычки прилипают с той же легкостью, что и хорошие. Стоит тебе усвоить какую-нибудь при-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— А предохранитель, — сказал он. — У человека, таскающего без дела ружье со спущенным предохранителем, нет никаких оправданий. Ты не знаешь, куда устремятся птицы, взлетев, собака указывает тебе только место, где они сидят. А может, они побегут на тебя? Собака сорвет стойку, бросится тебе под ноги,

и ты от нее уже не отделаешься. Бессмысленно сдвигать предохранитель, пока ты не представляешь себе, во что будешь стрелять. У тебя будет для этого больше чем достаточно времени, когда ты вскидываешь приклад. Во всяком случае, стрельба из ружья построена на рефлексах.

А стрелять очень просто: ты держишь ружье поперек живота стволами от человека, который охотится с тобой, и смотришь прямо перед собой. Когда птицы взлетят, ты выбираешь одну из них, и тут срабатывают твои рефлексы, ты вскидываешь ружье, одновременно твоей большой палец сдвигает предохранитель, а указательный ложится на курок. Ты прицеливаешься, нажимаешь спуск, ружье стреляет, птица падает. Проще простого, если ты с самого начала приучишься правильно проделывать все это. Потренируйся немного, несколько раз пощелкай затвором, целясь во что-нибудь, в шишку, например.

Я вскинул ружье и нажал курок. Оно выпало с таким грохотом, что я с перепугу уронил его на землю.

— Хорош! — саркастически хмыкнул Старик. — А я-то думал, что у тебя хватит ума проверить патронник, перед тем как нажимать на курок. Если бы ты это сделал, то увидел бы, что я незаметно зарядил ружье. Эдак ты можешь застрелить меня или собаку, если будешь принимать такие вещи на веру.

Так закончился мой первый

урок. Теперь-то, конечно, я намного старше, но до сих пор помню, как Старик отобрал у меня ружье, спрятал патрон в кулаке и потом опять вложил его в ствол, для того чтобы приучить меня к осторожности. Самые сильные слова ничто по сравнению с таким простым и наглядным методом обучения. А когда мы возвращались домой, он сказал мне еще одну вещь:

— Чем ты будешь становиться старше, тем осторожнее. И, дожив до моих лет, станешь так бояться огнестрельного оружия, что все твои знакомые молодые ребята будут называть тебя старой барышней. Но старые барышни не отстреливают голов

у своих товарищей на утиной охоте и, стреляя наугад по кустам, куда ушел олень, не обнаруживают там своего лучшего друга с простреленной грудью.

Мы вернулись домой и поднялись в комнату Старика. Он развел огонь в камине, сходил в чулан и принес оттуда бутылку старого кукурузного самогона. Налив себе полстакана, он отхлебнул глоток и облизнул губы.

— Кстати, — сказал он, — думаю, что когда ты подрастешь, то начнешь курить и пить такую вот дрянь. По крайней мере курят и пьют, за малыми исключениями, все. А потому не мешало бы тебе запомнить, что никто еще не пострадал от ружья, если откладывал выпивку до окончания охоты, когда можно сесть спокойно у камин, предварительно почистив ружье и поставив его на место или упрятив в чехол. Я вижу, ты еще не удосужился разобрать свое ружье, не говоря уже о том, чтобы почистить, а просто сунул в угол, где до него могут добраться дети или повалять собаки. Предлагаю тебе почистить ружье теперь же. Таким образом, ты сразу узнаешь, не остались ли в нем патроны. Таким образом, оно не будет ржаветь. И поскольку, прежде чем почистить ружье, его нужно разобрать, ты с тем же успехом можешь убрать его в чехол.

Вам может показаться, что Старик просто куражился, потому что и я, признаться, тогда так думал. Но теперь я пересмотрел свое мнение. Я видел почти все, к чему может привести небрежное обращение с ружьем. Один мой знакомый парень любил постоять в позе Даниэля Буна, опираясь на дульный срез обеими руками. Однажды по каким-то совсем непонятным причинам ружье выстрелило, и теперь у него нет больше кистей на руках, что, конечно, доставляет ему известное неудобство.

Я видел, как пьяные возились с «разряженными» ружьями, а потом эти ружья вдруг выстреливали в доме, принося горькое похмелье. Однажды на утиной охоте у меня взбесился винчестер и стрелял до тех пор, пока в магазине оставались патроны. Он прыгал у меня в руках и лягался, как дикая лошадь; слава богу, у меня вошло в привычку держать ружье стволами от человека, иначе я непременно застрелил бы своего товарища. Я видел человека, отстрелившего

почти начисто себе ступню из ружья, из которого, как он думал, были вынуты все патроны. Я видел другого человека, который на оленьей охоте выстрелил в кусты, куда ушел олень, и сделал вдовой жену своего лучшего друга.

Старик пилил меня и обтесывал

ровкой, изображавшей собак и перепелок, а к прикладу была прикреплена серебряная пластинка с моим именем.

Старик ублажал свою язву спиртным, когда я ворвался к нему, прижимая к груди новое ружье. Он ухмыльнулся мне поверх стакана.

вал около трех лет. Однажды, когда я, забывшись, полез через изгородь с заряженным ружьем, он огрел меня палкой.

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, Старик выкрал у меня ружьецо двадцатого калибра. Он ехидно улыбался и объявил, что это был «индейский дар» в самом прямом смысле этого слова. Это озадачило меня, но не очень, потому что Старик вообще был с чудачествами: эдакий хитрый деятель. Позже я пошел в свою комнату и увидел на кровати двустволку в кожаном чехле, на котором стояло мое имя. Ружье было с серебряной грави-

— Это подарок по случаю окончания курса, — сказал он. — Вот уже три года, как мы открыли эту лавочку, и пока что я цел. И собаки тоже. Я полагаю, что теперь можно снять с тебя опеку. Но ежели ты возмнишь себя чересчур уж взрослым и начнешь вольничать с этим ружьем, я отберу его у тебя.

Теперь я уже достаточно большой, чтобы ругаться. Я вдоволь насмотрелся на дураков, не умеющих обращаться с оружием и запугивающих осмотрительных людей до полусмерти. Но у них не было такого учителя, как Старик. Не всем везет.

БЛАГОДАРЯ РЫБЕ МЫ ИЗБЕГАЕМ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Быстро наступило южное лето, с крепким запахом деревьев и розами, распускающимися в саду мисс Лотти. Вот уже и магнолия зацвела большими, словно восковыми, цветами, коричневеющими от первого прикосновения.

Как-то мы играли в салки. Старик вышел посмотреть на нашу игру, а когда мы кончили, позвал меня и сказал, что сейчас самое время отправиться на рыбалку. Только весь вопрос в том, сказал он, на какую.

— Теперь у нас лето, — говорил Старик, — а лето не время для серьезной рыбалки. Лето не время для тяжелой работы. Я мыслю себе летнюю рыбалку так: берешь ты удочки, лески и усаживаешься где-нибудь на берегу тихой бухты половить черных окуней, а то можно взять лодку и отправиться к какому-нибудь хорошему омуту, где пятнистая форель так и кишит, и половить ее на одну леску без удиллица. Главная цель летней рыбалки, — продолжал Старик, — не в улове, а в том, чтобы уйти из дома и немного поразмышлять на досуге. Да и у женщин в летнее время характер портится, так что чем меньше ты будешь слоняться по комнатам, тем меньше у тебя шансов навлечь на себя неприятности.

Я сказал, давай, мол, выгребем на середину канала, отыщем себе омут с форелью, забросим леску, а там уже дальше видно будет. Старик согласился, что, пожалуй, это неплохая мысль, но добавил, что даже летняя рыбалка требует некоторых приготовлений. Он порылся в кармане, отыскал десятицентовую монету и швырнул ее мне.

— Спустишь к лавке и купи на эти деньги креветок, — сказал он, — и смотри, чтобы они были мелкие и свежие. Нет, постой, я передумал, давай-ка деньги назад. Мы наловим их сами. Ты заодно научишься пользоваться накидкой, это тебе всегда пригодится. И это почти то же развлечение, что и сама рыбалка, если, разумеется, делать все как положено.

Я отправился на кухню промыслить какой-нибудь еды и набрать воды в кувшин, а Старик полез под дом, где у него хранились палатки, запасные лодки и дамское седло мисс Лотти, оставшееся еще от тех времен, когда женщины ездили верхом амазон-

кой. Он вылез обратно чертыхаясь, с ломотой в спине, в руках у него была аккуратно свернутая накидка. Старик сам плел ее, словно прелестную тонкую паутинку, равномерно распределяя по кайме свинцовые грузила. Это было произведение искусства. Как я припоминаю, он потратил на нее всю зиму, если не считать охоты и игры на скрипке; правда, он еще трудился над миниатюрной моделью парусника в полной оснастке...

Мы спустились к воде. Старик нес накидку, перебросив ее через плечо, и пару лесок, аккуратно намотанных на деревяшки с зарубками на концах, в которые были глубоко воткнуты крючки, грузила же свободно болтались. У меня была коробка с завтраком, бутылка с водой и коробка, полная запасных крючков, грузил и поплавков. Старик всегда очень серьезно относился к запасному снаряжению. Он говорил, что рыбаку, потерявшему крючок, просто нечего делать, если у него нет запасного, а охотник, не имеющий хоть самого дрянного запасного ружья, понапрасну тратит время в лесу.

Наша лодка лежала высоко на берегу и жарилась на солнышке. Мы перевернули ее. Пятясь, я вошел в воду, босиком, конечно, и мы столкнули ее в веселую, пол-летнему искрящуюся зыбь. Мы сложили наши припасы, Старик взял шест и оттолкнулся от берега, направляя лодку к краю болота, где стоял скверный, бьющий в нос запах тины, но зато там, добавляя лишней ряби, ходили стайки кефали и креветок. Старик положил шест в лодку и взял накидку. Он тряс ее до тех пор, пока она не развернулась и не повисла, словно тяжелая юбка, и затем очень осторожно опустил в воду, чтобы она намокла и не спуталась при броске.

Если вы не знаете, что такое накидка, — так это штука, похожая на юбку «солнце-клевш», в подол ее вдегы бечевки, концы которых пропущены сквозь узкое роговое кольцо горловины. При броске подол раскрыт, накидка скатертью ложится на воду, и свинцовые грузила быстро увлекают ее парашютом вниз. Простым рывком бечевки накидку можно превратить в закрытый сетчатый кошель — надежную ловушку для всего, что окажется внутри. Конечно, накидкой можно

пользоваться только на мелко-водье, на глубине выше четырех-пяти футов от нее мало проку, а забрасывать ее, как я убедился, — это настоящее искусство и самый верный способ раздобыть наживку с минимальной затратой сил.

Старик встал и легким движением расправил накидку, подобно тому как тореадор расправляет свой плащ. Он взял одно грузило в рот, левой рукой он держал бечевки, а правой сжимал кусок подола. Таким образом, получилось треугольное построение: правая рука, рот и левая рука, которой он придерживал левый внешний край подола. Не выпуская его, Старик завел левую руку за спину, правая рука его легла поперек груди, и он швырнул сеть. Она закружилась и, грациозно развернувшись, распласталась на поверхности воды, словно громадная круглая бабочка, накрыв стайку брыкающихся креветок. Погружаясь, она увлекла их за собой. Старик дернул левой рукой за бечевки и потащил сеть к лодке.

Бечевки стянули тяжелый подол, накидка захлопнулась и превратилась в надежный капкан. Когда схлынула вода, внутри сетки оказались крошечные дрыгающиеся серовато-желтые креветки. Старик втащил накидку в лодку, ослабил бечевки и осторожно вытряхнул ее. Сотня, а то и больше креветок запрыгала, заметалась по дну лодки. Старик собирал их пригоршнями и опускал в ведро с соленой водой.

— А теперь попробуй ты, — сказал он. — Это не так легко как кажется. Помни, когда бросаешь накидку, она должна у тебя раскрутиться, словно дамская юбка в вихре вальса, и, если ты забудешь про грузило во рту, это может тебе стоить пары передних зубов. И еще нужна сноровка, чтобы выбрать момент, когда дергать за бечевки. Ты должен дать ей время накрыть креветок, но не копайся, иначе они уйдут из-под низу. Ну, давай крутани.

Я провозился с этой сетью почти все утро. От грузила у меня болели зубы. Сеть все время запутывалась у меня в руках, и я дергал за бечевки то слишком рано, то слишком поздно, а иногда просто бросал ее на пустое место. Наконец я научился раскручивать ее и забрасывать в на-

меченное место и в конечном счете наловил фунта два креветок и мелких, трехдюймовых кефалей. Много лет спустя я получал огромное удовольствие, рыбака с накидкой на мелководье и вылавливая вполне приличную рыбу, которая приходила поохотиться на мелочь. Но тогда утром я едва не вывернул плечи из суставов, пока Старик наконец не сказал: «Довольно, давай перекусим и порыбачим на отливе».

Мы отошли от берега приблизительно на милю, туда, где вода образовала широкую воронку. Там Старик бросил якорь и вытравил всю слабину. Лодку отнесло в сторону, и она остановилась поодаль от воронки носом к быстрине. Мы начали разматывать лески и опускать их в воду,

чтобы намокла крученка. Потом вытащили их, одновременно смазывая, и уложили аккуратными влажными витками на дно лодки. Старик полез в ведро и выбрал креветку порезвей. Он насадил ее на крючок, осторожно расправил спинку на бородке и забросил удочку. То же самое проделал и я.

И наловили же мы в тот день рыбы! Мы вытаскивали крупную морскую форель, которая заходит иногда в заливы и, бывает, весит по три-четыре фунта — чудесную пятнистую форель, яростно бьющуюся на крючке. Клевали окуни и ворчуны, которые хрюкают, словно обиженная свинья. Мы даже поймали несколько больших окуней. Мы рыбачили до тех пор, пока наши руки, потрескавшиеся и изрезанные лес-

кой, не устали вытаскивать рыбу.

Теперь я склонен думать, что летний сезон обычно переоценивают. Он чреват солнечными ожогами, ядовитыми травами и отпуском, который влетает вам в копеечку. Но для мальчишки, каким я был тогда, лето было временем огромной, почти непереносимой радости. Занятий в школе, конечно, не было, и мы распевали бодро: «Нет ни книжек, ни уроков, ни учительских попреков». Лето было временем, когда я вырывался на волю от папы и мамы и жил у Старика. Лето — это время июньской мошкеры и светляков, которые то включают, то выключают свои крошечные дорожные огоньки.

Если ты совсем маленький мальчишка, то что может быть лучше лета, проведенного у мо-

ря! Есть какая-то ласка в солнечном свете, танце легкой зыби, свежем морском бризе, дующем тебе в лицо, во вкусе соли на губах. Так было в тот день, когда Старик учил меня забрасывать накидку, и, казалось, вся рыба только и ждала, чтобы проглотить серых креветок, которых мы наловили у края смрадного болота.

Солнце стояло низко, когда Старик объявил, что с нас на сегодня хватит, и заставил меня грести к берегу. Мое сожженное на солнце лицо пылало, и, казалось, я весь был пропитан солью, натертые ладони болели, но я безропотно согнулся над веслами, слушая Старика, который обращался преимущественно к самому себе.

— Главное в рыбалке, — говорил он, — не то, сколько и какой рыбы ты наловишь. На мой взгляд, превращение рыбной ловли в профессию — пустая трата времени, потому что рыба в конце концов всего лишь рыба, и, когда ты затрачиваешь на нее слишком много сил и усердия, рыбная ловля становится бессмысленным занятием.

Рыба, живущая в глубинах, которой ты не видишь, — это некий символ мира на земле и человеческого благоволения. Рыбалка дает человеку время для размышлений. Она дает ему время разобраться в своих мыслях, уточнить и привести их в порядок.

Когда лодка на якоре, а наживка на крючке, ничто не мешает твоим размышлениям, кроме разве клева. Но даже идиот, обладающий рефлексом, может вытащить рыбу, не нарушая хода своих мыслей. Спешу добавить, что все это не относится к спортивному лову — лову ради количества, такой лов требует огромной концентрации внимания, мастерства и массу труда.

Иными словами, когда ты чувствуешь, что у тебя устала голова, тебе надо съездить на рыбалку, вроде как мы сегодня. Это будет тебе отдых от самого себя и от всего того, чем человек осложняет себе жизнь. Сидишь ты в лодке, и ни твоя мама, ни твоя бабушка до тебя не доберутся. Тут нет ни телефона, ни почты, ни радио, ни автомобилей. Тут только ты и глупая рыба. Поэтому ты наживляешь крючок и забрасываешь удочку, и если даже ты ничего не поймал, то все-таки проведешь чрезвычайно приятный денек на

воздухе, где все дышит покоем, и только морские чайки шумят и суетятся.

Время от времени, — продолжал Старик, — человеку хочется уйти от всех житейских сложностей, и, насколько я знаю, рыбалка, — единственное подходящее место в таком случае. Позднее мы займемся с тобой серьезной ловлей рыбы, которая есть настоящий труд, но я думаю, что этим не следует заниматься в летнее время. Серьезная работа в летнее время — это одна из причин, почему люди вдруг берут и умирают.

А теперь, к примеру, взгляни на нас, — сказал Старик. — Мы прекрасно провели время вдаль от женщин. Мы не докучали друг другу сложными вопросами. Ты научился бросать накидку, и мы наловили уйму рыбы. И возвращаемся домой с разглаженными морщинами, голодные, усталые, нам бы только дорваться до обеда и до постели. Женщины будут рады нам, потому что мы не путались у них под ногами весь день, и главное, нашего улова хватит на всех жителей нашего квартала. В некотором смысле мы герои, и только потому, что у нас хватило ума незаметно для окружающих весь этот день провалить дурака.

Когда-нибудь ты поймешь, — сказал Старик, обращаясь ко мне, — что ни в коем случае нельзя бездельничать на глазах у кого бы то ни было. Безделье прекрасно, но энергичные люди просто из себя выходят, если ты не слишком усердствуешь в их присутствии. Особенно этим грешат женщины. У них внутри динамо-машина, которая заряжает их энергией. Они просто не переносят вида мужчины, прохлаждающегося без дела. Собственно, поэтому и была изобретена рыбная ловля. Она уводит тебя из поля зрения трудолюбивых людей. Лениня — самые лучшие рыбаки и обычно в конце концов достигают кое-чего, потому что у них есть время разгрузить свои мозги и подвести под свои размышления прочную основу.

Излишне трудолюбивые люди не вызывают у меня восхищения. Вот уж кто из-за деревьев леса не видит. Они всегда так суетятся с какими-то дурацкими делами, что у них просто нет времени сесте и немного пораскинуть мозгами... А ну-ка приналяг на весла. Что-то я проголодался.

Мы подошли к берегу, вытащили лодку, спрятали под нее весла, сняли уключины и выбрали веревку, на которой рыба тащилась за лодкой. Потом мы поднялись вверх по холму и пошли домой, голодные, обгорелые и усталые.

Когда мы подошли к дому, на парадном крыльце стояла мисс Лотти, взбудораженная, потому что мы немного запоздали к ужину и еще потому, что звонила моя мама и хотела что-то узнать у меня, но, поскольку меня дома не оказалось и с мамой я не поговорил, вопрос был как-то улажен. Мы поели немного, потому что в те времена основательная еда готовилась днем, а на ужин большей частью подавались яйца, ветчина и мамалыга, да еще кофе с печеньем, иногда кусок пирога. К концу ужина я уже зевал во весь рот, и вдруг Старик послал меня на задний двор:

— Пойди-ка почишь рыбу, сынок, — сказал он. — Я слишком стар и к тому же очень устал. А тебе не мешало бы усвоить, что каждый охотник или рыбак должен привести свою добычу в съедобный вид, прежде чем ложиться спать. Иначе все его труды потрачены впустую, а добывать пищу для того, чтобы ее потом выбросить, — грех.

Я почти засыпал, сидя на корточках, под смоковницей и чистя эту рыбу. Я никогда не видел такого множества рыбы. Мне казалось, что мы выловили всю рыбу из океана. Но в конце концов вся она была почищена, разделана и выпотрошена, промыта соленой водой и уложена в ледник. Я пошел было спать, спотыкаясь от усталости, но тут Старик опять закричал мне:

— Пойди умойся! Даже отсюда я чувствую, что от тебя несет рыбной лавкой. Если ты перепачкаешь рыбой безупречно чистые простыни мисс Лотти, она закатит нам скандал, и это будет конец нашим рыбалкам.

Я сходил умылся и трупом упал в постель. Последней моей мыслью было, что Старик прав, утверждая, что наша рыбалка совсем не работа, а развлечение. Только слова относились к нему, а не ко мне. В жизни я не работал так много, но все это окупилось наутро, когда на завтрак старая кухарка Галена подавала нашу форель.

Перевел с английского В. ЖЕБЕЛЬ

«МОИ УСТНЫЕ ПОЦЕЛУИ»

В 1943 году мой отец вернулся с фронта. Для нашего маленького села это было большим событием. Все село сбежалось в наш дом. И все смотрели на наш пустой стол. Потом председатель колхоза сделал знак бухгалтеру, тот вышел, а за ним вышел кладовщик, и через полчаса они ввалились в наш дом, словно у нас свадьба была какая — у одного из них был барашек на плечах, другой нес бочонок с вином, они выложили на стол полкило меду в поллитровой банке, килограмм масла и хлеб. Мой отец, рассказывавший в это время что-то про Моздок, вдруг замолчал, полез в

довщик, так, чтобы Мушег и отец мой не слышали. «Да разве я не знаю, что нету... только видишь, положение какое», — тихо сказал председатель. Тогда мой отец сделал знак моей матери, мать вышла, и через несколько минут на столе у Мушега появилось полкило меду в поллитровой банке, масло, хлеб. И никто больше не смотрел на стол, все слушали, что рассказывают вернувшиеся с войны солдаты про Моздок.

В школе детям воинов раздавали картошку, крупную, рассыпчатую, вкусную картошку. Одной такой картофелины хватало бы мне на целый день, но с некоторых

призадумалась, и выяснилось, что буквы-то она, оказывается, знает. После этого рассуждения о погоде и адрес на конверте писала соседская девчонка, а моя мать тайком от нее снова распечатывала и добавляла: «Милый, милый, милый, прими мои устные поцелуи». Поцелуй есть поцелуй, но устный поцелуй — что бы это значило? А значило это, что существует на свете совсем иной мир, мир красивых и непонятных слов, которые единственные бы выразили все то, что накопилось на душе у матери, если бы она их знала. Это значило, что мать очень соскучилась по отцу, совсем по-

Рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

карман за махоркой, да так и не смог свернуть сигарку. Потом в комнату влетел запыхавшийся мальчишка и выпалил одним духом, что Даниэлян Мушег тоже вернулся с фронта... Все переполошились и побежали из нашего дома к Даниэлян Мушегу. Там все снова разместились вокруг стола, и опять потекла беседа, и опять все смотрели на пустой стол, а председатель с надеждой и просительно поглядывал на кладовщика. «Нету, ей-богу, нету, клянись тобой, детьми своими клянись, нету больше, вот те крест...» — шепотом божился кла-

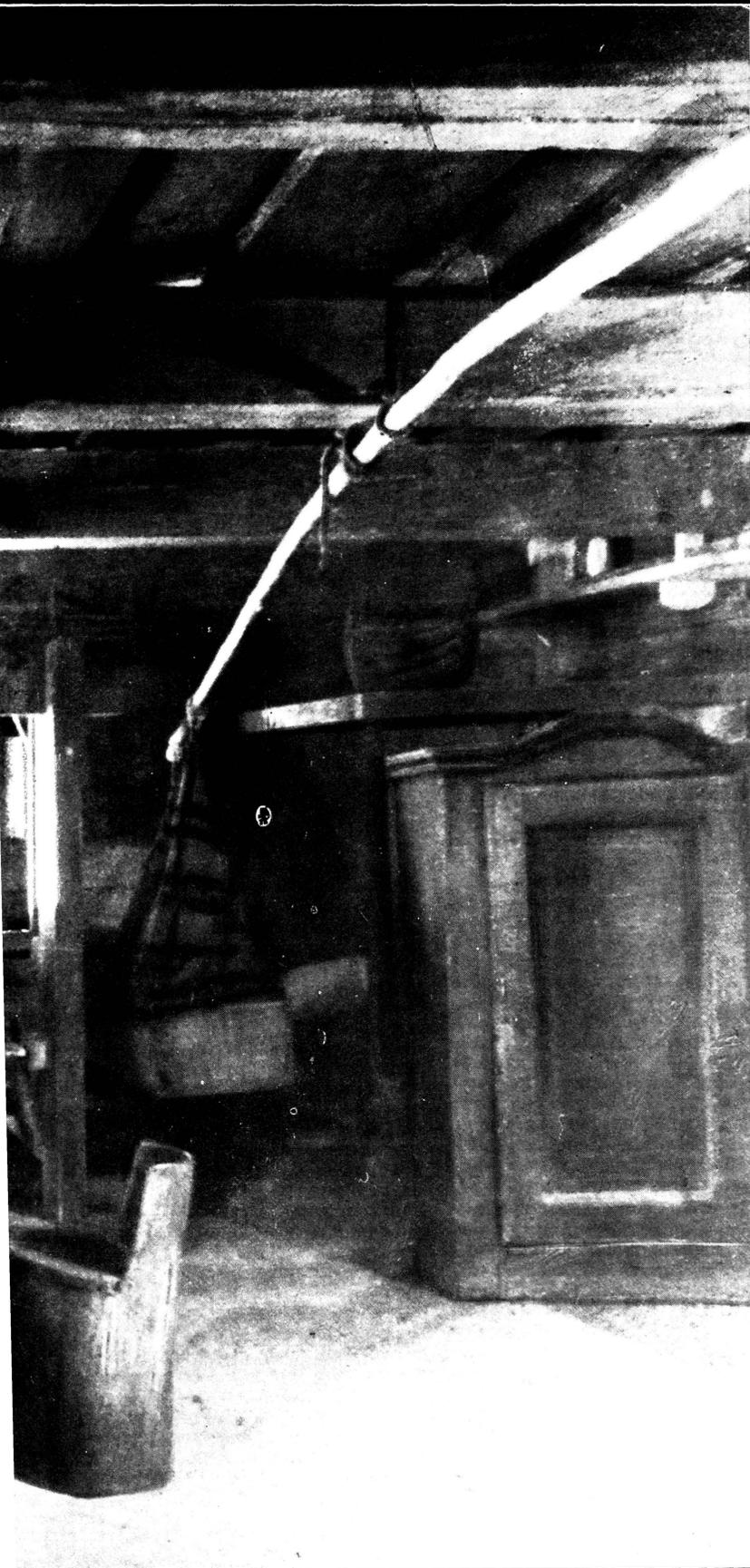
пор мне не доставалось картошки, потому что отец уже вернулся с фронта и не был больше военным.

Моя мать была неграмотна. И когда отец еще был на фронте, письма ему посылали соседская девчонка под диктовку моей матери. Мать наказывала отцу, чтобы он берег себя, сообщала, что сами мы «живы-здоровы, чего и тебе желаем», что погода у нас стоит хорошая, что новостей у нас особых нет и что пусть он почаще шлет весточки. Мать всегда оставалась недовольна этими письмами. Но однажды моя мать

другому соскучилась и тоска эта не может быть выражена обычными словами. С возвращением отца «устным поцелуям», естественно, настал конец. Спустя много лет, когда мою мать как передовую колхозницу хотели выдвинуть на какой-то пост и выяснилось, что она неграмотна, мать серьезно, с еле заметной улыбкой сказала отцу: «И зачем ты так рано вернулся, я уже и писать было научилась, и потом... такой далекий ты был лучше, — и показала головой. — Мои устные поцелуи...» Перевела с армянского

АНАИТ БАЯНДУР

НАДИР САФИЕВ,
наш спец. корр.

СКРИП СТАРЫХ ДВЕРЕЙ

...**Я** осторожно тронул ка-
литку, она поддалась,
заскрипела и открылась. В ма-
ленькой будочке у входа, где
обычно продают билеты, никого
нет. Тихо. Избы словно осели,
стали меньше под тяжелыми
шапками снега на камышовых
крышах. Иду по единственной
протоптанной тропинке. Все, что
связано с людьми, без людей ка-
жется осиротевшим, как эта бу-
дочка, эти заснеженные дома, и
оттого становится грустно.

Два года назад я был здесь в разгар осени, когда от лета не осталось и следа, а до зимы было еще далеко. Я специально приехал рано утром, чтобы походить одному, пока не съехали туристы, но оказалось, что музей еще закрыт. В будочке сидела старушка в черном халате с белыми манжетами и воротничком и вязала какой-то узорчатый рисунок. «Еще рано, — сказала она, — все помещения закрыты. Но если хотите, идите гуляйте. Будете уходить — возьмите билет». Она вышла, открыла мне калитку...

Теперь я один — и не по себе. Должно быть, так уж мы устроены...

В стороне, возле курной избы, неожиданно увидел двух девушек. Стоят на валунах, прислонившись к стене. Одна из них что-то быстро говорит, вторая внимательно слушает и поглаживает пестрой вязаной варежкой темное дерево стены. У той, что рассказывает, из-под шапочки спадают на плечи прямые цветастые волосы. Она тербит их пальцами, заплетает косу, вдруг легонько подбрасывает, и они вновь рассыпаются на плечо. А рука опять тянется к пряди... Я подошел ближе. Увидев меня, говорунья сказала:

— Музей закрыт. Правда, сегодня дежурит Эрвин Веверис, научный сотрудник. Он занимается мельницами. Ветряными...

Проговорила она это быстро, словно хотела рассказать сразу все. Я поблагодарил и пошел, но едва взобрался на бугорок, как услышал ее смех:

— Только он совсем не похож на Дон-Кихота...

В стороне от остальных изб стоит дом под черепичной крышей — научная база Латвийского этнографического музея. Из трубы вьется дымок. Значит, Эрвин на месте, и я смогу еще раз, уже с ним, пройти по этому деревянному городку. Он лежит в основном бору, сквозь который проходит дорога — главная улица, и по обе стороны от нее — постройки. Усадьба с вросшими в землю избой и подсобными строениями под камышовыми крышами, церковь, мукомольня с колодцем, мельница — они привораживают, подолгу стоишь, и не хочется уходить. Тропинки, убегающие от дороги в лес, тоже оказываются небольшими улочками, по которым выходишь к другим усадьбам с банями, бат-

рацкими хижинами со скотными дворами. Как будто ходишь по маленькому городку, перенесенному сюда из времени. Избы уютно расположились в низинах, а вокруг холмы с высокими соснами. Поднимаешься по холму, и вдруг неожиданно возникает озеро Югла. На берегу Портовый склад, будка для сетей, вдоль берега рыбацкие лодки тех, кто жил здесь очень давно, и тебя так и тянет сесть в лодку и выйти на середину озера...

Пошел снег. Хлопья плавно опускаются на деревья, на крыши. На глазах происходит обновление этого деревянного островка. Идет снег, а кажется, будто слышишь, как идет Время.

Эрвин взял связку ключей и повел меня к крестьянской усадьбе. Усадьба курземского крестьянина огорожена — редкие врытые в землю столбы с двумя поперечными бревнами. Жилой дом — широкий, с высокой камышовой крышей. Здесь на участке усадьбы клеть для хранения зерна, П-образный скотный двор, который кажется таким низеньким, что человек может войти в него, лишь согнувшись. За оградой — будка для водяного насоса... Все расположение построек сохранено в том прежнем виде.

Эрвин поворачивает ключ в большом висячем замке, который отзывается сухим скрипом. Какой-то старый звук, старый и седой. Как вздох старого человека. Здесь все звуки имеют свой цвет и вызывают в воображении образы никогда прежде не виданные, но почему-то удивительно знакомые... Густо-коричневый звук открывающейся двери дома. Я бы не удивился, если, войдя в этот уже оживший для меня дом, увидел батрачку, которая тут же подседа на пенек подле деревянной маслобойки и начала бы ловко орудовать ее деревянными ручками.

Жилая половина дома разделена печью и не достигающей потолка перегородкой на две части: батрацкую и хозяйскую. Первое впечатление такое, будто в батрацкой половине все предметы случайны и просто выставлены как экспонаты, прямо на земляном полу. Шкаф стоит у стены, но торцом. Напротив — ткацкий станок, и между ним и шкафом небольшой проход. Еще дальше в углу выдвинутая кроватка с навесом. У окна прят-

ка и хозяйственная утварь. Приглядевшись, понимаешь, что это угол женатого батрака, все предметы здесь расположены относительно друг друга очень рационально и просто, соответственно незамысловатому, угрюмому-тяжелому укладу той жизни. К потолку, возле кровати, прикреплен конец деревянного коромысла из гибкого, упругого дерева, а на другом конце его подвешена люлька... В ближнем углу, у входной двери ютились холостые батраки. Вдоль стен — широкие лавки и двух- и трехъярусные нары, на которых они спали. Здесь же рядом стоят выдолбленные пенки с крышкой и невысокой спинкой — стул и шкафчик одно-временно.

Из батрацкой двери ведет в хозяйскую комнату. Пол дощатый. Кровать, шкаф, стол, стулья — все резное или расписанное цветными рисунками. Стебельки, цветочки, листики — бесхитростные, милые, как те, что видел я осенью на полянах этого городка, на его тропинках и берегах озера.

...Вспомнилось раннее осеннее утро. Была та лесная тишина, куда лишь изредка врываются звуки проезжающих по шоссе машин, они становились все глуше и отдаленнее по мере того, как я уходил в глубь леса. Все отчетливее слышалось постукивание дятла и шум ветра в верхушках деревьев. Тогда я неожиданно увидел, как к одному из домов подходит женщина в черном халате с белым воротничком и манжетами. Мы поклонились друг другу. Сквозь деревья я увидел вторую женщину в таком же халате, с сумкой. Она шла к усадьбе курземского крестьянина, той самой, куда привел меня сейчас Эрвин, и я направился вслед за ней. Она вошла во двор, положила сумку на камень, открыла настежь дверь дома и закрепила ее крючком, чтобы ветер не закрывал ее, затем пошла на скотный двор и так же настежь распахнула все двери. Войдя в дом, она открыла створку шкафа, на котором вырезана была дата — 1829 год, и достала скатерть в национальных узорах, шали, керамическую посуду. Мы поздоровались... Было такое ощущение, что она здесь живет, так просто и по-хозяйски она постелила скатерть на стол, застелила постель, поправила подушки, расставила посуду и пошла за водой с керамическим горш-

ком. Вернулась с цветами и поставила их на стол. Потом я узнал, что вот так в каждом хуторе, в каждом доме работают женщины, и их называют хозяйками. Их присутствие, убранные постели, занавески на окнах, посуда на столе — все создавало атмосферу жизни. Сразу же оживали рисунки на шкафах. Стулья, спинки которых своей формой напоминали тело скрипки, казалось, готовы были принять усталого человека. В ее движениях была уверенность человека, прожившего здесь много лет, и в то же время почтительность, как будто она ухаживала за древними отцом и матерью. Приведя в порядок обе половины дома, она села на стул, достала из своей сумки клубок ниток и начала вязать так спокойно и буднично, как это делают хозяйки, когда все готово для угощения гостей, но до назначенного часа еще есть время...

...Чем больше мы ходили с Эрвином по этому городку, тем реже он говорил. Точнее, Эрвин своим молчанием как бы давал мне возможность освоиться с окружающим и, увидев предмет, понять, для чего он нужен здесь. Иногда предметы повторялись, и в них появлялись новые детали, дополняющие увиденное в предыдущей избе, и тогда он немногословно объяснял... В курземской усадьбе я увидел расписной сундук, под рисунками стояли две даты: 1846 и 1859. Когда я спросил, что это означает, он скупо ответил:

— Первая — дата орнамента. Вторая — год, когда хозяйка вышла замуж.

— И так всегда было? Ну что они отмечали дату замужества?

— По крайней мере, они любили, когда о таких событиях им напоминают даже вещи... В общем-то мы должны быть благодарны им за это — здесь все говорит о них.

Собранные со всей Латвии дворы как бы дополняли друг друга. То, чего не было в одном хозяйстве, было в другом. В латгальском уголке города я видел гончарную мастерскую и тут же рядом горн, в видземском — улей для пчел, солнечные часы — в земгалском... В Курземе занимались рыбной ловлей. В этом уголке я заметил будку для рыбацких сетей. Возле изб по краю дороги лежали даже камни, привезенные сюда из

разных районов... Просто камни.

Наконец мы с Эрвином вышли к мельнице. Она стояла на берегу озера Югла. Молча, задрав головы, смотрели мы на лопасти, на прозрачное зимнее небо.

— Вот с такими мельницами, наверное, и воевал Рыцарь Печального Образа...

— Да, но это было нелепо, — неожиданно заявил Эрвин. Помолчав немного, сказал: — Санчо Панса понимал эту нелепость, даже посмеивался над своим хозяином. Но оставь Дон-Кихот драку с мельницами, Санчо было бы грустно...

Эрвин не договорил и умолк. Но слово «нелепо» прозвучало у него как-то особенно. Он не утверждал нелепость, а скорее удивлялся и восхищался нелепыми и смешными проявлениями Дон-Кихота. В каждом из нас есть второе «я», как Санчо Пансо — второе «я» Дон-Кихота. И все же мы, наверное, немножечко больше Санчо, чем рыцари, и смущенно это скрываем. Вот так и Эрвин, пряча смущение, вдруг очень по-деловому заговорил о, казалось бы, внешне забавном, но очень для себя необходимом, что уже позади, уже преодолено.

— Я ездил по районам севернее города Резекне и в хуторах расспрашивал, где есть старая ветряная мельница. Крестьяне показывали, куда ехать. Приезжаешь в хутор — отсылают еще дальше. Было лето, стояла хорошая погода, и я объездил уже много хуторов, но нигде мельницы не увидел. И вот когда уже отчаялся, за поворотом на холмике увидел ее, маленькую, круглую и не обшитую деревом, а обложенную тростником и перевязанную гибкими прутьями. И сразу стало как-то легче на душе. Когда подъехали близко, я увидел избу и хлев под одной крышей и тут же гумно. На гумне хозяйка-латышка лет восьмидесяти цепами обмолачивала зерно. Как будто специально для нас она не только сохранила этот дом далеко от дороги, в глухом месте, но и по доброй воле жила здесь и поддерживала его. А ведь так оно и вышло... Я заговорил с хозяйкой и увидел, как она обрадовалась, что нашлись люди, кому нужна ее старая мельница, построенная руками ее покойного мужа. Маленькую мельницу мы недавно привезли в музей, я вам показывал фотографии...

Возвращаясь на базу, Эрвин показал мне на церковь и предложил войти. Снаружи церковь напоминает большой деревенский клуб. Построена на каменном фундаменте, обшита по вертикали досками, крыша покрыта дранкой. Пол выложен красным кирпичом, алтарь украшен барочной резьбой по дереву и скульптурными украшениями. Над входом небольшой балкон, и видны клавиши органа. На карнизах балкона пустые подсвечники. Ангелы на потолке похожи на комедиантов и напоминают ярмарочные рисунки на клеенках. За нами скрипнула оставленная открытой дверь. Кажется, сейчас заиграет орган, и вернется то время, и войдут уставшие рыбаки, только что сидевшие в своих курных избах, на камнях перед очагом. Войдут люди, жившие трудно и просто. Я вспомнил, как Эрвин говорил, когда мы были в курной избе, что весь дом сделан из дерева, с деревянными гвоздями. «Видите, как крепко сделано. Сами жили и нам оставили смотреть. Идут из леса — принесут корни, то вешалку сделают для сушки одежды, то якорь. Сидели при лучинах, прями, чинили сети».

Кажется, вот сейчас войдут они в церковь, так похожие друг на друга во всем мире, пахнущие морем и рыбой, и за ними так же заскрипит на ветру дверь...

Мы вернулись на базу. Я заметил, что дом этот так же стар, как и все здесь, только сейчас он утеплен, поднят на каменный фундамент, обшит новым тесом.

— Кофе будем пить на моем столе, — сказала девушка с волосами цвета льна. Одна быстро убрала чертежи, рисунки, оставив свечи и маленьких кукол-крестьянок. Вторая девушка перед каждым постелила салфетки с бахромой и узорами. Откуда-то появилась сахарница и горьковатые кофейные печенья...

Тепло, сухо. Все смешалось: старый дом, и в нем сидят люди; в большой белой печи потрескивает березовая кора, по стенам мечутся тени, и запах дыма из открытой дверцы печи влетает в запах кофе.

— Приезжайте к нам летом, — неожиданно прервал тишину Эрвин. — Поставим ту маленькую мельницу и будем молоты ячмень. Для пива. — Он улыбнулся, и были в этой улыбке сдержанность и ненавязчивая доброта.

ТЮМЕНСКИЕ ДОРОГИ

▼ со стр. 7

лись буровые станки, трубы; все чаще среди пассажиров стали появляться геологи, геофизики.

Помнил Болин, как в сентябре 1953-го кто-то из друзей-речников привез весть, что на берегу речки Вогулки, у села Березово, открыли газ. И фонтан гремит, ревет... Потом прослышали про нефть в Шаиме. И под боком, в Усть-Балыке, было обнаружено огромное месторождение. Каждая сваяжина требовала полторы-две тысячи тонн оборудования и материалов. А кто их мог доставить в условиях тюменского бездорожья, кроме речников?

Из Усть-Балыка Болин вместе с капитаном Николаем Луневым повел первую нефтеналивную баржу. То была экспериментальная проводка: искали наикратчайшие пути и способы буксировки барж в лабиринтах протоков. По пути, проложенному ими, потянулись караваны барж на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Густо забегали по реке суда, на пассажирские линии вышли скоростные «Ракеты». При таком насыщенном движении и без того сложные участки — от Александровского до устья Иртыша, Нялинские перекаты и прочие — могли стать грозой для судоводителей без четкой путевой службы.

...Наш катер между тем начал мелко трястись и понемногу сполз носом с береговой отмели. Он поворачал немного на одном месте, пустил крутой бурун и стал не торопясь забирать влево.

— Для начала отсюда посмотрим, — показал Болин в сторону далеких плавучих кранов. — А потом уж и к новому порту... — По-видимому, он решил обстоятельно показать весь Сургут с воды.

— Леонид Васильевич, поглядите, остров уже торчит, — высунулся из рубки парень с удивленной физиономией. — Вчера еще не было...

Из воды и вправду торчал низкий островок.

— Вода падает, — объяснил мне Болин. — Но это еще ничего. Сезон такой. А вот на Романовских перекатах — километрах в двадцати пяти вниз

отсюда — гляжу, остров нарастало. Из подводного серёдка — целый остров. И название уже такое красивое придумали — «Золотые косы», вроде пляжа выходит. А мы там в свое время ходили спокойненько. Да. — И он вдруг надолго задумывается...

Мы рассматривали новый порт Сургута. Вроде бы только вчера Болин бродил здесь по пустым откосам с крошечной дочуркой. А нынче вот и дочь подросла — в школу отправляется, в первый класс. И пустых откосов уже нет — бетонная площадь порта...

— Так куда ты дальше отправляешься? — спрашивает, не поворачиваясь, Болин. — А, на Самотлор... Говорят, там под озером-то целые нефтяные моря, и границ еще не нащупали — куда ни ткни — всюду нефть, да. Приятель мой все туда на рыбалку раньше ездил. Зимой чаще на нартах. Вот таких окуней по мешку привозил. Теперь-то небось и сам нефтяником стал.

ДЕНЬ В ВОЗДУХЕ

Последний час в Сургутском аэропорту. Билет уже в кармане, дожидаюсь объявления посадки.

Рев моторов, густая пыль висит над рыжим полем. Здесь я оставляю много хороших знакомых. Вон не спеша прошел в здание Николай Быков — командир авиаподразделения. Сейчас он войдет в знакомый кабинет, где на стене — карты, схемы и ободряющий плакат: «Пилот, помни: возврат из-за плохой погоды — не позор, а проявление высокой дисциплинированности».

А вон Иван Терентьев, из того же подразделения — плотный, скуластый, в кожанке — командир гидросамолета. Махнул приветливо рукой, прыгнул в аэропортовский автобус. Опять, наверное, в гидропорт, к своему АН-2 на поплавах, а там — в облет с пожарниками-десантниками, или геофизиков перебазировать с озера на озеро, а может, и куда-нибудь подальше, к Тарко-Сале, за пятьсот с лишним километров — обслуживать поисковые партии... Где только не

бывает экипаж Терентьева — в Салехарде, Тазовске, Нефтеюганске, Мегионе... Свежую рыбу в рыболовецких бригадах забрать — и на комбинат вывезти, выполнить заявки с газовых и нефтяных месторождений, патрулировать леса... И никаких тебе аэродромов — было бы озеро для посадки подходящее. А озер в Тюмени хватает. «Озер-то хватает, — вспоминаю я рассказы Ивана. — С ориентирами плоховато. А как летать без ориентиров? Вон на юге... Изба Рымкова, да изба Тайлакова. Теперь поселки, конечно, как грибы растут... Издалека видно — свежее дерево, тес — светлые дома на фоне темной тайги...»

Через толпу пассажиров у калиточки пробирается на поле высокий, улыбчивый, с ямочками на щеках пилот Сергей Павлушин, вертолетчик. Портфель его против обычного набит битком, а на плечах, не смотря на солнышко, плащ. Значит, собрался Павлушин куда-то далеко и надолго, вероятно, на север. Вчера, когда мы провели с ним день в воздухе, летали вдоль Оби, он был одет полегче.

...С непривычки было все-таки трудновато вот так целый день: вверх — вниз, взлет — посадка. Опять вверх и снова вперед, над согрой — болотистыми низинами с угнетенным лесом, над реками и озерами. Даже в редких промежутках, на земле, в ушах все равно вой и грохот, и всякие пустяки начинают раздражать.

А Павлушину хоть бы что — как сел за штурвал своего зеленого МИ-1, сбросил за спину выдавший виды портфельчик, так целый день. Достанет из кармана теплое яблоко, пожуёт — вот тебе и обед, огрызок в форточку выбросит. Поглядит вниз — ага, вот уже и Ватинский Еган, петлявая речка. А справа, далеко-далеко, сплошная синь — Обь. Где-то впереди рыбаки должны стоять.

Карту и не трогает — любые воздушные маршруты облетаны им не раз и не два.

Целый день я трясусь в кабине рядом с Сергеем Павлушиным между небом и землей. «Километров пятьсот прошли», — подсчитывает он вечером. А я припоминаю стоянки: Самотлор, Локосово, Тромъеган...

Самотлор. Озеро со свиной водой. Километров двенадцать в длину, шесть в ширину. Знаменито не само озеро, а то, что под ним, на глубине двух километров. Сегодня нефтяники всего мира знают: Самотлор — название одного из самых больших на планете месторождений нефти.

К буровой вышке на берегу озера я подошел с буровым мастером Геннадием Левиным.

— Номер скважины? — переспросил меня Геннадий. — Какой именно? У нас их тут под вышкой будет пять. Все вместе именуется «Куст № 19».

Когда начали разбуривать Самотлор, сразу столкнулись с такой задачей: озеро окружено зыбунами, кисельными торфяниками. Глубина их местами достигала десяти-двенадцати метров. «Пять процентов суши, остальное море», — не весело шутили буровики. Попробуй перетаскивать вышку от скважины к скважине и каждый раз делать новое прочное основание, площадку под буровую.

— Теперь освоились... — говорит Геннадий. И добавляет, усмехнувшись: — Вроде бы... Мы же всей бригадой сюда приехали из-под Куйбышева. Там-то попроще. Ну, а здесь, конечно, специфика: шагу не шагнешь — болота. Вот и приноравливаемся — побольше скважин пробурить с одного и того же места. Называется это — кустовое наклонно-направленное бурение...

Село на берегу Оби — Локозово. Садимся рядом с красным вертолетом. У Сергея здесь какие-то служебные дела, надо заскочить в оперативное отделение охраны лесов. Красный вертолет — машина воздушных пожарников. Недалеко и сам дом, где размещается отделение. В доме за столом сидит задумчивый мужчина в зеленых пижамных брюках. «Летчик-наблюдатель», — представляет Сергей. «Начальник оперативного отделения Березовский», — дополняет его задумчивый мужчина и протягивает мне руку. Разговор у них получается долгий — о процентах, вертолетах и налетанных часах. Но кое-что о работе вертолетчиков в Локозове узнаю и я.

Недавно был пожар. На шестьдесят четвертом километре нефтепровода Нижневартовск — Сургут, где стоит

старая буровая, загорелся поваленный лес. Пожар был сильный, и не подоспел люди вовремя — натворил бы бед ой-ей-ей! Глядишь, и верховой бы пошел, а страшнее верхового пожара в тайге ничего нет. Но вылетели вовремя, рассказывает Березовский. Четыре пожарника и инструктор с мотопомпой («С мотопомпой — уже, считай, шестеро...» — вставил Павлушин и хохотнул. Березовский только покосился).

Кругом здесь кедровые леса — вон, с крыльца видно: стоит зеленая стена — цены им нет. И потом, когда тайга горит, а рядом газ, рядом нефть — шутки плохи...

Сергей глядит на часы. «Пора домой. Сорок минут полетного времени осталось». Вертолет должен успеть в Сургут до захода солнца.

В последний раз оглядываем светлые петли речушек и проток. И вдруг машина круто ложится на бок, идет вниз.

Из-за мыса показываются брезентовые пологи палаток, скопление лодок и баркасов у берега, люди в оранжевых куртках. Бригада рыбаков обосновалась на берегу реки Тромъеган. Почти все собрались уже у костра. Котел с окуневой ухой дымит на дощатом столе. Обсыхают невода на сушилах.

Кто-то приносит к костру двух остроносых серых рыб, показывает нам: «Стерлядь... На Тромъегане, правда, гость редкий. Вот на Оби...»

С лодок в деревянную бадью выплескивают черпаком щук, язей, окуней. Другие, уже полные посуды, стоят поблизости рядком — завтра их отправят на консервный комбинат.

Последний баркас, треща мотором, заходит к берегу. На носу — облитая красным светом солнца фигура обского рыбака...

Дороги, дороги... Я знаю: если приеду в Тюмень еще через пару лет, увижу стальные нити, проложенные там, где сегодня тайга и болота. Увижу причалы новых портов, и к дальним, неизвестным пока точкам — буровым — будет улетать вертолет...

Новые дороги расскажут о новых богатствах, открытых человеком в тюменской земле.

ЗАГАДКИ, ПРОЕКТЫ, ОТКРЫТИЯ

ПЧЕЛЫ И... МАТЕМАТИКА?

На столике выкладывали две фигуры — треугольник и квадрат. Около каждой ставили чашечку. В одной был прозрачный сироп, в другой — чистая вода. И выпускали пчелу. Пчела, летав над столиком, находила чашечку с сиропом.

Опыт повторяли, ставя сироп около одной и той же фигуры. Через некоторое время пчела смело садилась только около этой фигуры, даже если потом ее передвигали на другое место или меняли ее величину, а рядом ставили чашечку с водой.

Справились пчелы и с задачей посложней: они отличали карту с двумя кружками от такой же карты с одним или тремя кружками независимо от их размеров.

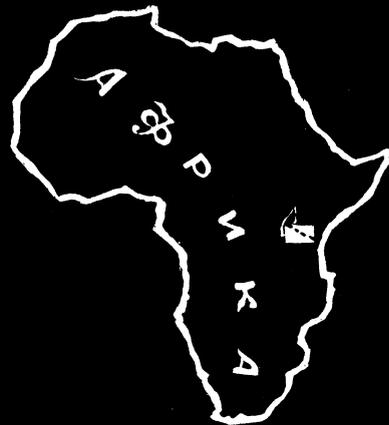
До сих пор подобная способность к «обобщению» считалась привилегией исключительно высших животных и некоторых птиц. Опыт, проведенный сотрудниками Института проблем передачи информации АН СССР, вселяет надежду, что примитивный мозг пчелы послужит объектом для изучения механизмов мышления.

«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» АВСТРАЛОПИТЕКА

В ходе раскопок, проводимых тремя группами археологов из Франции, Кении и США в долине Омо в Эфиопии, были получены ценные данные, свидетельствующие о том, что в этом районе жили древнейшие предки современного человека — австралопитеки. Было обнаружено древнейшее из до сих пор найденных примитивных орудий, изготовленных предком человека, — грубо отесанный осколок кварцевой породы с волнистым лезвием. Ученые датируют его 2200-м тысячелетием до нашей эры.

В соседних горизонтах, относящихся приблизительно к 1800-му тысячелетию до нашей эры, французские археологи нашли также зубы, принадлежавшие крупному австралопитеку и его низкорослому собрату. Судя по этим зубам, первый был травоядным, а второй — всеядным. Однако оба вида жили приблизительно в одно время. Это открытие подтверждает мнение многих ученых, что эволюция человека не была однолинейной и постепенной.

(По страницам советской и зарубежной печати)

ДЖОРДЖ ШАЛЛЕР,
американский зоолог

ТРИ ГОДА СО ЛЬВАМИ

Равнина Серенгети. Несметные стада зебр и антилоп. В тени кустов возлежат два льва. Над землей клубится раскаленный воздух, а на востоке, над нагорьем Нгоронгоро, собираются грозовые тучи.

Я поднимаю ружье и, когда один из львов поворачивается, словно подставляя бок, нажимаю на спуск. Шприц вонзился в бок царя зверей, лев недовольно заворчал, приподнял голову. Потом снова улегся. Через три минуты, когда начало действовать снотворное, ему уже трудно было держать голову. Прошло еще две минуты, и лев растянулся на бок.

Я подвезжаю поближе и выхожу из машины.

Второй лев, отойдя футов на пятьдесят, с любопытством наблюдает, как я продеваю в уши его приятеля красные металлические номерки. Взяв кровь для анализа, я некоторое время слежу за дыханием зверя. Все идет нормально. Спустя пятнадцать минут он поднимается, полностью «отрезвевший». Теперь я узнаю его, где бы ни встретил на необозримых просторах национального парка Серенгети.

О львах писали много и охотники и зоологи, но глубоко и подолгу их никто, в сущности, не изучал. Поэтому я очень обрадовался, когда дирекция национальных парков Танзании пригласила меня в исследовательский институт в заповеднике Серенгети. Я должен был заняться довольно малоизученным вопросом: как влияют хищники-львы на жизнь других обитателей парка. Знать это необходимо для того, чтобы сохранить фауну Серенгети. На мою долю выпали львы, а моим коллегам достались другие хищники: гиены, леопарды, а также животные, на которых хищники охотятся.

Мне удалось пометить 150 львов и благодаря этому изучить передвижение животных по заповеднику, их режим питания и взаимоотношения между собой.

Полевые обследования, рассчитанные на три года, начались в июне 1966 года. Я поселился вместе со своей женой Кэй и маленьким сыном на территории администрации парка в Серонере,

идеальном месте для изучения львов. Во дворе у нас пасутся жирафы, у порога щиплют траву газели, во время своих ночных обходов забредают львы.

Работа со львами требует времени, терпения, а иногда и немалой расторопности. К примеру, однажды, отметив у львицы после инъекции перебои дыхания, я начал растирать ей грудь. В это время на меня ринулась другая львица. Пришлось спасаться в машине.

Обычно я работаю в одиночку — так мне легче сосредоточиться, но иногда с кем-нибудь в паре. В одной из поездок со мной был радиотехник Говард Болдуин. Нам нужно было «вшить» льву под кожу специальный термометр-передатчик. И вот, едва Говард начал зашивать разрез на лвиной шее, как действие снотворного кончилось. Лев, свирепо зарывчав, выкатил глаза и забил по воздуху огромными своими лапами. Я вцепился ему в гриву, пока Говард пытался зашить разрез.

— Быстрее! — отчаянно шепчу я. — Он вот-вот поднимется.

Говард продолжал невозмутимо шить, будто пуговицу к пиджаку пришивал. Не знаю, что я только не передумал, пока он наконец не возвестил: «Готово!» Мы успели впрыгнуть в «лендровер» за несколько секунд до того, как лев вскочил на ноги.

«Лендровер» — мой самый верный помощник. Машина почему-то не раздражает львов, и я могу приближаться к ним на двадцать-тридцать ярдов. Но пешего человека львы чувствуют тотчас, и реакцию их предсказать трудно.

Чтобы познакомиться с «общественным строем» львов, я сначала научился узнавать всех львов на территории в двести пятьдесят квадратных миль вокруг нашего дома. Многих из них легко отличить по таким отметинам, как шрамы, рваные уши и тому подобное. Так что довольно скоро, когда мы всей семьей выезжали на машине и встречали своих старых знакомых, я мог рассказывать об их похождениях.

— Вон ту даму с загнутым левым ухом зовут Флопер. Очень преданная мамаша. Она уже вырастила четырех львят, а когда им было год девять месяцев, родила еще этих трех ребят, что около нее. А вот эта со шрамом потеряла всех львят от двух оков в прошлом году... Рядом с ней Старушка. Видишь, как сточились у нее клыки. Ей, наверное, лет двадцать.

— Трудно ей, бедняге, добывать себе пропитание.

— Хорошо еще, что она не одиночка, — отвечаю я. — В своем прайде она может всегда поест то, что добыли другие.

Большинство львов объединены в группы, которые охотники и зоологи называют прайдами¹. В маленьких прайдах по четыре-пять львов, бывают прайды и гораздо больше. В одном из изучаемых мною прайдов — два льва, тринадцать львиц и двадцать львят. Львы обычно придерживаются определенной территории. Ее размер — иногда более ста квадратных миль — зависит от обилия дичи. Лев не в состоянии вести тщательный надзор за всей громадной площадью, поэтому он оставляет — в назидание чужакам — предупредительные знаки: подходя к кустикам, орошает их. Получается визитная карточка.

Члены прайда знают и любят друг друга. При встрече трутся друг о друга. Они вместе отдыхают и охотятся. Львята сосут всех матерей без разбора. Чужаков прайд встречает недружелюбно. Иной самец, возможно, и приветил бы чужую львицу (а то и воспылил к ней любовью), но львицы наверняка ее прогонят. И наоборот, львица может благосклонно отнестись к пришлому льву, но местные блюстители нравственности не дадут ей впасть в грех.

Впрочем, до драки дело доходит редко. Лев может гнать нарушителя с диким рыком целых две, а то и больше миль, но настаивает противника редко. Мне всегда казалось, что он даже не старается догнать преследуемого.

Но сражения между львами все же случаются. Как-то на рассвете я набрел на льва, лежавшего на боку и тяжело дышавшего. Золотистая его

грива разметалась по траве. Глубокие раны покрывали все тело. Рядом тихо подвывала львица. На беднягу, охранявшего свою подругу и тушу зебры, напали трое пришлых львов. Он издох через час после того, как я его обнаружил.

Второй лев из того же прайда был не в силах совладать с налетчиками, совершавшими глубокие вылазки на его территорию. Однажды утром я видел, как два чужака гнали его целую милю, а потом наткнулись на кусты, где были спрятаны три львенка. Злодеи тут же загрызли их.

Львов-самцов в литературе обычно изображают тунейдцами, за которых охотятся львицы. Верно, львы охотятся мало, это делают за них львицы. Но паразитами их не назовешь. У них есть свои функции: они охраняют от посягательств территорию прайда, а это позволяет львицам спокойно растить малышей. Мне удалось подметить, что в прайдах, где не хватало самцов, дела с выращением потомства шли из рук вон плохо. В одном из них, где за два года появилось двадцать шесть детенышей, выжили только двое. В соседнем же прайде, охраняемом тремя самцами, осталось в живых двенадцать львят из двадцати.

Днем лев-самец предпочитает спать в тени. Он вял и бездеятелен. Только ночью полностью проявляется его львиный характер. Ночью лев в своей стихии. Он гордо шествует по своим владениям, и в лунном свете играют его мускулы, а рыжеватая шкура отликает серебром. Первоначальная тишина саванны внезапно оглашается громоподобным ревом, долго не затихающим над потрясенной и поверженной землей.

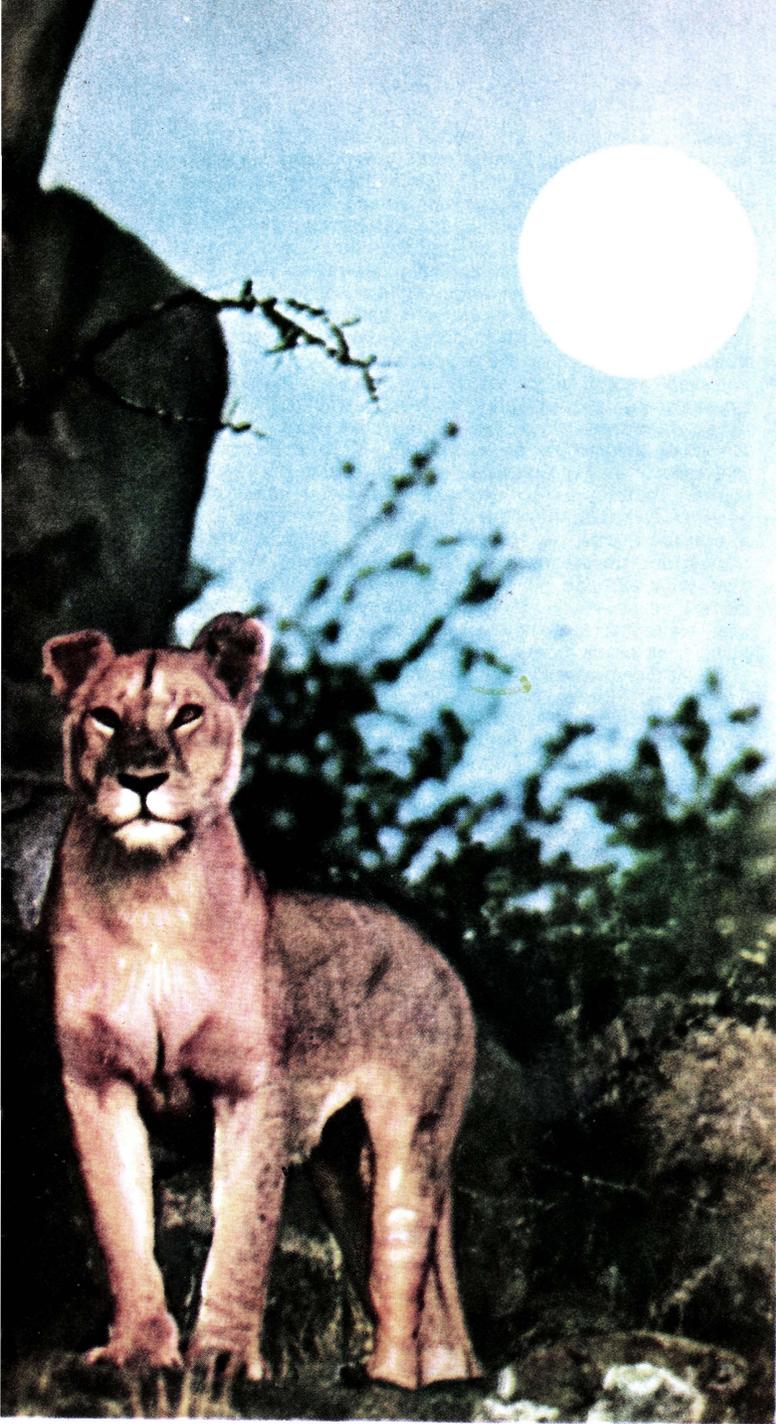
Львиный рык для меня — это голос самой Африки. По ночам мы засыпаем под его раскаты.

Львиный рев имеет несколько значений. Тихим протяжным завыванием мать призывает детенышей выйти из укрытия, где они ждут ее возвращения. Когда какой-нибудь член прайда ищет своих товарищей, он громко рычит, затем замолкает и ждет ответа. Чужой лев, слышав рев, спешит убраться подальше от греха.

Большинство львов Серенгети проводят всю жизнь на территории своего прайда. Я установил, что они не кочуют за стадами зебр, антилоп и газелей Томсона по их сезонным маршрутам, как в этом уверено большинство авторов популярной литературы о львах. Это распространенное мнение вызвано тем, что некоторые львы ведут бродячий образ жизни, разбойничая на чужих землях, пока их не выгоняют законные владельцы. Среди таких бродяг встречаются львицы, покинувшие прайд из-за недостатка дичи. Кроме того, когда львята достигают трех лет, отцы изгоняют своих потомков мужского пола. Если изгнанным не удастся силой изгнать самцов из чужого прайда, они обречены на пожизненное бродяжничество, ибо все пригодные для жизни земли в Серенгети разделены между «оседлыми» львами. Я насчитал примерно двести таких «странствующих рыцарей».

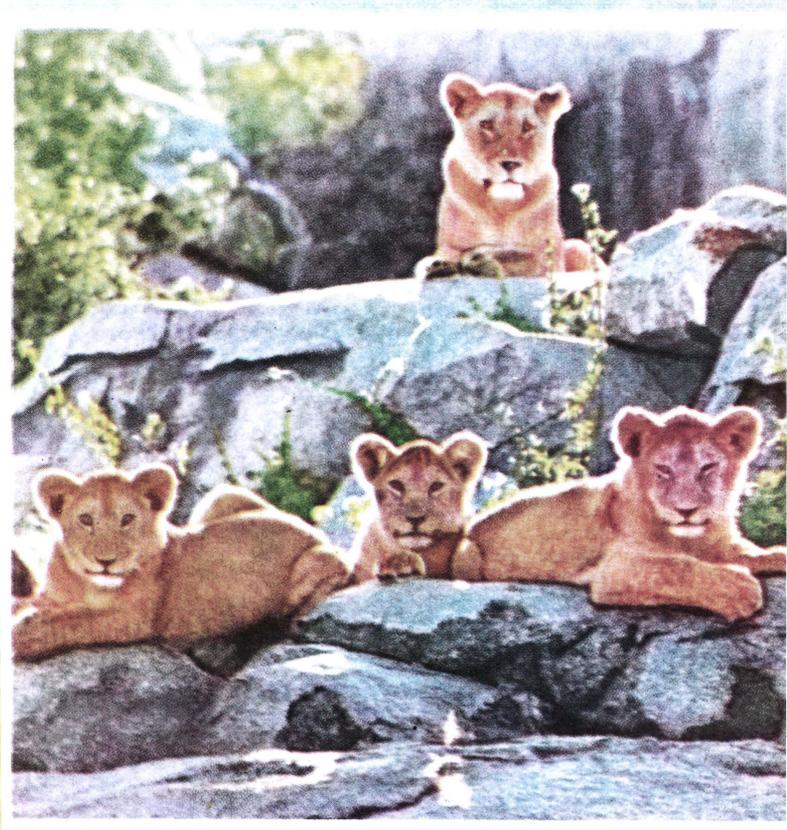
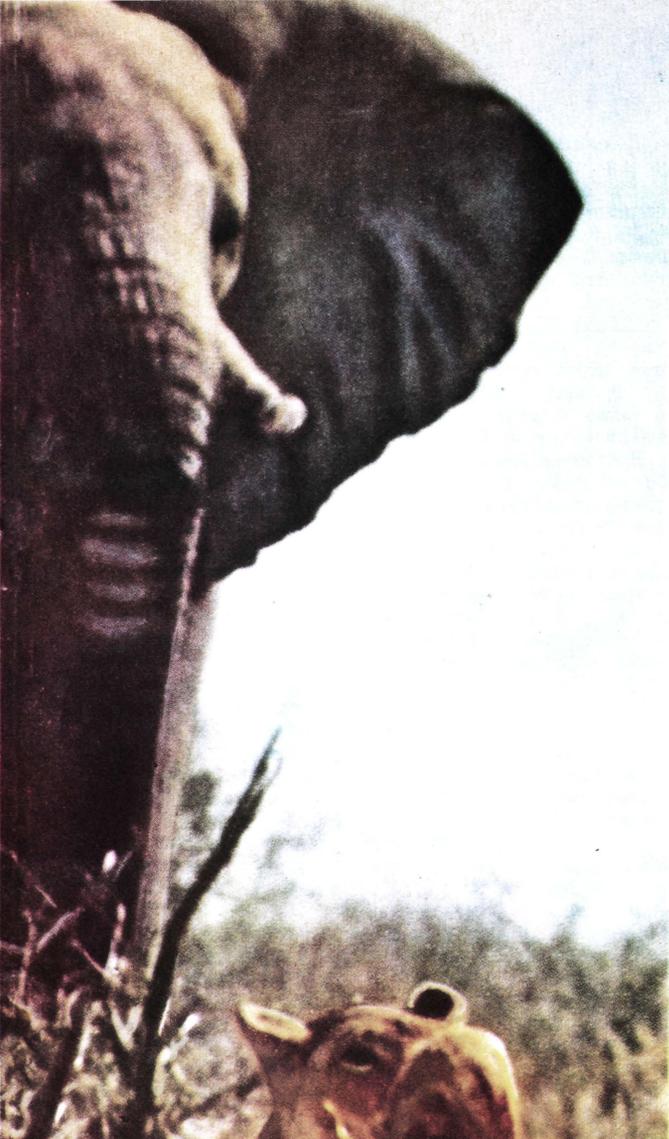
Чтобы узнать, как львы распределяют свое время, я слежу за определенными животными днем и ночью на протяжении многих суток. По ночам львы гораздо смелее, чем днем, и могут даже подойти и пожевать шины моего «лендровера». Мое присутствие их не смущает. Лишь однажды молодой лев выразил недовольство моим присутствием. Он поднял хвост, грозно зарычал, бросил

¹ Выражение «прайд» относительно сообщества львов соответствует «стае» для волков, «стаду» для антилоп и т. д. (Прим. ред.)

В львином прайде, где обязанности строго разделены, больше всего забот у львиц. Они выслеживают добычу для себя и для самцов, они выхаживают потомство.

ся на машину, вцепился в крыло и прокусил две большие дыры.

В безлунные ночи следить за львами труднее. В парке меня снабдили двумя маленькими передатчиками, вделанными в ошейники. Я надеваю один из них на шею усыпленному льву и устраиваюсь в машине, где у меня приемник, ловящий сигналы передатчика и сообщающий о местонахождении подопытного.

Вместе со своим помощником я двадцать один день неотрывно следил за одним львом. Это был большой зверь, с пышной гривой, проживший уже лучшие свои годы. Он с приятелем и несколькими львицами обосновался на территории в семьдесят пять квадратных миль. В конце своей суточной вахты мой помощник отчитывался о подвигах нашего поднадзорного:

«В восемь вечера они с дружкой прошли к востоку около двух миль и сожрали кусок зебры, отнятый у гиены. Потом поехали на запад, одолели милю и встретили львицу с двумя детенышами, ту, что мы уже видели с ним раньше... Все остальное время провалялся без дела».

Днем, когда охота на равнине невозможна из-за отсутствия укрытия, лев отдыхал. Отдыхал он и большую часть ночи — в среднем двадцать часов из двадцати четырех.

По ночам он лежа прислушивался к ночным звукам — не упустить бы лакомый кусок. Заслышав вдали крик гиен, лев немедленно трусил туда, зная, что там идет дележ добычи. Однажды ночью он конфисковал полгазели у леопарда. Другой ночью его подруги загнали антилопу, и он присоединился к их трапезе. За двадцать один день он ел семь раз и всегда чужую добычу. Единственной его попыткой поохотиться была безуспешная погоня за дик-дик, малюткой-антилопой, весом всего в десять фунтов.

В сезон дождей 1968 года мне удалось много раз видеть львиные пиршества. Примерно в половине случаев львы пожирали плоды собственной охоты, четверть продовольствия была заимствована у предпринчивших гиен. Относительно источников пищи в остальных случаях я не располагал достоверными данными.

Не следует, однако, думать, что только львы отбирают у гиен добычу. Случается и наоборот, хотя гиен принято считать трусливыми. Однажды ночью мы видели, как две львицы поедали убитую ими зебру. Неожиданно нагрянули гиены, поодиночке и парами. Вскоре их набралось штук пятнадцать. Глаза их алчно горели в свете моего фонарика. Около полуночи гиены поднялись точно по сигналу и со страшным ревом и рычаньем двинулись на львиц. Львицы пустились наутек.

Другой раз я видел, как стая гиен — без всякой видимой причины — приставала к большому льву. Лев лежал отвернувшись, выражая полную покорность, — король, униженный толпой, да и только. При появлении еще нескольких львов гиены удалились.

Лев не брезгает никакой падалью, большой и малой, свежей и тухлой, подобранной после обеда гепарда и погибшей от болезни. На равнине, где в период дождей собирается до полумиллиона зебр и антилоп гну, рацион львов состоит в основном из представителей этих двух видов. В других частях заповедника львы кормятся буйволами, газелями, топи, антилопами импала. Некоторые прайды месяцами сидят на однообразном меню из одних только газелей Томсона.

В саванне львы обычно устраивают засады ночью, но при случае могут поймать зверя и днем. А в буше, где можно подкрасться незамеченным, львиная охота происходит днем.

Львица на охоте — одна из самых захватывающих сцен Африки. Медленно, шаг за шагом, крадется она к своей жертве. Мощный торс напряжен, кончик хвоста подрагивает, выдавая волнение. Стоит животному поднять голову, как львица замирает и остается неподвижной до тех пор, пока жертва не успокоится. Готовая к прыжку львица припадает к земле. Только дрожь в боках выдает ее волнение. Она ждет, подпуская поближе ни о чем не подозревающую жертву.

Волнение львицы передается и мне. Ловлю себя на том, что сдерживаю дыхание и весь неловко подвигаюсь. Прыжок — и жертва придавлена к земле...

Лев, как боксер-тяжеловес, создан, чтобы подавлять своей мощью. Но догнать копытное животное льву трудно, его предельная скорость — 35 миль в час. Большинство животных, на которых он охотится, бегают гораздо быстрее (к примеру, газель Томсона может свободно делать 50 миль в час). Лев должен приблизиться как можно ближе к избранной им жертве, прежде чем прыгнуть, иначе ему нечего надеяться на успех.

Все это не секрет для зебр, газелей и других животных из львиного рациона. Они прекрасно знают, на каком расстоянии от льва могут разгуливать спокойно. Я часто наблюдал такую сцену: стадо антилоп — все настороже — выстроилось «парадным строем», а лев с равнодушным видом прохаживается, как бы делая смотр войскам. Видимый лев не страшен, и сам он это хорошо понимает, а потому зря не мельтешит. Он поворачивается и медленно уходит. Весь его вид говорит: неохота со всякой мелочью возиться...

Не удивительно, что лев целую неделю может ходить голодным. Он приспособился к режиму «то густо, то пусто». Но уж когда еды много, царь зверей нажирается до отвала. За день пятеро львов свободно могут умять зебру весом в 600 фунтов.

Чтобы установить, сколько может съесть за одну ночь лев, за которым я наблюдал, я подбросил ему вечером взвешенный кусок мяса. Утром я взвесил остаток. Лев съел 73 фунта — почти одну пятую собственного веса!

Обычно же львы питаются куда скуднее. Тринадцать дней я следил за обедами двух львов и трех львиц. Дичи в это время было много, и моим львам удалось добыть четырех антилоп. Я подсчитал, что каждый лев съедал в день по пятнадцать фунтов мяса.

Лев больше других кошачьих склонен к коллективизму. Дело в том, что льву не трудно справиться с животным размером с зебру. Однако зверь покрупнее может дать льву отпор и даже выйти победителем. Поэтому на крупных животных львы охотятся сообща.

Об этой охоте писали много. Указывалось, например, что самцы с оглушительным ревом гонят жертву туда, где залегли самки. Я видел другое: по одному, по два львы покидают прайд, кружат вокруг избранной ими жертвы и молча гонят ее к остальным львам.

Эту охоту лучше всего наблюдать в июле — августе, когда газели Томсона переходят из степей в леса. Львы охотятся на них днем в высокой траве и зарослях по берегам рек.

Целые дни я провожу со львами, ожидая, когда начнется охота. Жарко. Холмы окутаны дымом пожаров, частых в сухой сезон. Медленно тянется время. Наконец показалось несколько газелей. Одна из львиц настороженно поднимает голову, и вот уже все львы всматриваются в даль. Затем развернутым строем они переходят в наступление.

Одна львица бросается на газелей, пробегающих метрах в двадцати от нее. Испуганные животные бросаются враспынную, и при этом хотя бы одно из них несется как раз туда, где спряталась другая львица. Из высокой травы взметнулись две лапы и на лету подхватили газель.

Но даже такая охота не всегда приносит добычу. Успех зависит от многих обстоятельств: от густоты растительности, от того, на какое животное идет охота. Когда засада на газелей Томсона устраивается в местах с низкой травой, успешной бывает одна попытка из шести, а в высокой траве — одна из трех.

Зоологи никак не могли прийти к единому мнению, какую жертву предпочитает хищник. Мне удалось сделать некоторые выводы. Слабых и больных животных львы убивают при первой же возможности. Молодых газелей, которых еле видно в траве, хватают на ходу. Ковыляющая, пораженная недугом зебра моментально становится их добычей. Но в отличие от волков, которые неутомимо и неотступно преследуют намеченную жертву, львы, атака которых стремительна и мгновенна, не ищут тех, что послабее. Их жертвой чаще всего бывает вполне здоровое животное.

К добыче собирается весь прайд, и тут коллективизм львов как рукой снимает. Каждый думает только о себе. Даже малыши отчаянно дерутся за любой кусок. Любый находящийся поблизости самец подскочит и отберет «львиную долю» без всяких. Таков неписанный закон прайда: самки подчиняются более сильным самцам, а малыши — самкам.

Львята — в одном помете их бывает от одного до шести — рождаются слепыми и весят около килограмма. Мать вынашивает их три с половиной месяца, а первые несколько недель своей жизни они проводят спрятанными в камнях или в густых зарослях. Мать часто отлучается на охоту, по суткам иногда не возвращаясь. Вначале мать кормит детей молоком (а отнюдь не разжеванным мясом, как об этом пишут).

Когда львята начинают вставать на лапы, мать впервые подводит их к убитому животному. Бывает, что она приносит им немного мяса, но только после того, как сама вдоволь наестся. По человеческим понятиям львицы ведут себя со своими детьми совершенно чудовищно. Когда еды ма-

ло, мать всегда насыщается первой. А если детеныши пытаются урвать кусок, львица их немилосердно лупит.

Почти во всех книгах про львов пишут, что каждой львице с львятами помогает бездетная «тетушка». Однако, по моим наблюдениям, никакая львица не станет охотиться для чужих львят.

При нормальном развитии событий примерно половина выводка погибает, ибо беспомощного львенка подстерегает слишком много опасностей, родительской же заботой он не избалован.

Высокая смертность — одно из средств, с помощью которых природа контролирует численность львов. К тому же взрослые львы гибнут в драках, от рогов буйволов и носорогов, от болезней. Браконьеры и охотники тоже берут свое. Тем не менее можно сказать, что взрослому льву по сравнению с другими животными мало что угрожает. У меня создалось впечатление, что в Серенгети имеется как раз столько львов, сколько там может просуществовать, — примерно тысяча.

В Серенгети обитает более миллиона копытных, и казалось бы, что и львов там должно быть больше. Дело, однако, в том, что львы (кроме бродяг-одиночек) животные оседлые, а копытные — в большинстве своем — вечно кочуют из леса в степь и обратно. Поэтому львы месяцами вынуждены довольствоваться буйволами, топи и импала, а тех далеко не так много. Не будь сезонных миграций, Серенгети мог бы прокормить гораздо больше львов.

Львов, как и других хищников, обвиняют в истреблении животных. Но именно благодаря хищникам численность копытных поддерживается на нужном уровне. Иначе копытных развелось бы столько, что они в конце концов погибли бы от голода. Так что царь зверей правит не во вред, а на пользу Серенгети и его обитателям.

Львиный нрав необычайно противоречив. Злобность, лень и эгоистичность уживаются в нем с нежностью и преданностью. Можно презирать льва за жестокость и склонность к иждивенчеству, можно превозносить его за красоту и силу.

Я не делаю ни того, ни другого. Я люблю львов такими, какие они есть, — за бездонность их янтарных глаз, за могучую их грацию, за сложную и суровую жизнь. Люди племени туркана так объясняют скрытый смысл львиного рева: «Кто хозяин этой земли?.. Кто хозяин этой земли?.. Я-аа... Я-аа... Я-аа!..»

Мне нечего им возразить.

Перевела с английского А. РЕЗНИКОВА

КОММЕНТАРИЙ К ЭКСПЕРИМЕНТУ

КАНДИДАТ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В. ФЛИНТ:

Джордж Шаллер, несмотря на молодость, успел уже завоевать мировую известность. Его исследования по биологии горных горилл в Центральной Африке, цикл работ по орангутангам на Калимантане, интереснейшая книга о тиграх Индии

выдвинули Шаллера в ряды наиболее популярных экологов современности.

Последние три года он провел в Танзании, в национальном парке Серенгети, где занимался всесторонним изучением биологии львов.

Проблема сохранения уникального животного мира Африки стала проблемой интернациональной.

Как известно, стада крупных копытных, еще в XIX веке неисчислимы, к началу XX века были практически уничтожены. Жалкие остатки их сохранились лишь на территории немногих национальных парков и резерватов. Стараниями правительств молодых африканских стран и энтузиастов (среди которых в первую очередь нужно назвать профессора Б. Гржимека и его сына Михаэля) эта сеть «последних убежищ» укрепилась. Торжествовать победу, однако, было рано. Опасность пришла совсем не с той стороны, откуда ее ждали. Под охраной человека травоядные животные стали беспрепятственно размножаться на охраняемых территориях, тем более что для того, чтобы это размножение шло еще интенсивнее, были уничтожены хищники. В результате национальные парки очень скоро оказались перенаселены — ведь биологическое равновесие было нарушено. Пастбища начали необратимо деградировать, а животные — голодать. Мигрировать же им было просто некуда, так как все земли вокруг парков приспособлены под нужды сельского хозяйства. Для того чтобы найти выход из создавшегося положения, необходимо изучить биологию всех видов животных, населяющих национальные парки, и прежде всего — хищников. Ведь хищники, охотясь на копытных, регулируют их численность.

В начале 60-х годов был создан международный институт имени Михаэля Гржимека по изучению биологии африканских животных с главной квартирой в Серенгети, крупнейшем национальном парке Восточной Африки. Туда-то и был приглашен Джордж Шаллер. Круг вопросов, стоявших перед Шаллером, был необычайно широк, и надо сказать, что работу свою он выполнил.

Методы Шаллера не новы, но при изучении львов они применялись впервые. Я имею в виду телеметрию, обследования обездвиженного животного, наблюдения за маркированными зверями и т. д. У нас такие исследования тоже входят в практику, в частности, в отношении белого медведя. В будущем они сулят интереснейшие перспективы.

Конечно, достаточно объективно и полно оценить значение работы Шаллера можно будет лишь после появления научных публикаций. Но даже этот небольшой очерк значительно расширяет наши знания о львах. Наиболее неожиданными, а потому интересными мне представляются сведения о необычайно высокой смертности среди молодняка, о каннибализме, о взаимоотношениях с гиенами, об оседлости большей части львов. Старые представления об отношениях хищника и жертвы пересматриваются повсеместно, и работа Шаллера дает прекрасный материал для решения вопроса в целом.

Мне выпало счастье многократно наблюдать львов в их родной обстановке в Танзании, Кении и Уганде, и я полностью разделяю симпатии Джорджа Шаллера. Действительно, есть что-то покоряющее, что-то глубоко волнующее во внешности и поведении взрослого льва. Однако не следует забывать, что лев — опасный зверь и работа с ним требует не только терпения, времени и расторопности (как пишет Шаллер), но и изрядного мужества. Проведенное недавно в Африке статистическое обследование всех случаев гибели людей от нападения животных показало, что льву в этом печальном списке принадлежит второе после крокодила место.

Л. СЕРГЕЕВА

ХОЗЯЕВА

МОРСКОГО

ЛАБИРИНТА

Вылепив замысловатый Индокитайский полуостров и кувшинообразную Малакку, Верховный Дух-Создатель изящно соединил их узким перешейком Кра и удовлетворенно стряхнул оставшуюся землю с рук. Так в лазурном Андаманском море появились островки архипелага Мергуи. (Так, хотя и несколько ненаучно, объясняли древние обитатели Индокитая создание архипелага.) Сотни островов похожи друг на друга, как братья-близнецы: неширокая полоска белого кораллового песка, а за ней сразу же зеленая стена леса. До сих пор ни на одном из них не увидишь признаков присутствия человека: ни хижины, ни возделанных участков, ни сохнувших на берегу лодок. А между тем архипелаг населен.

После первой англобирманской войны в 1824—1826 годах Мергуи, как и прибрежные провинции, перешел под власть британской короны. В кадастре новых территориальных приобретений против него была проставлена лаконичная пометка: «Необитаем». Однако через несколько лет английский путешественник Уильям Гамильтон опубликовал в «Ист-Индия газет» пространную статью, в которой утверждал, что острова Мергуи заселены «весьма пугливым племенем, члены которого внешностью отличаются и от таи, и от малайцев». Он приводил бирманское название этого племени — «чалоны», или «пасе», и писал, что, по рассказам местных рыбаков, чалоны во время северо-восточного муссона прячутся в чаще леса и выпадают в спячку.

Рассказ Гамильтона вызвал в ученом мире скептические улыбки: слишком уж невероятной казалась возможность существования неуловимого племени, да еще в таком оживленном месте, как западное побережье Малакки. Ведь там издавна пролегли морские и сухопутные пути из Сиамского залива и Южно-Китайского моря в Индийский океан. Сообщения Уильяма Гамильтона были благополучно забыты на долгие годы.

Вторично племя открыли в начале нашего века. Впрочем, и на этот раз в описаниях его, составленных со слов посещавших Мергуи китайских торговцев и малайских контрабандистов, правда прочно переплеталась с вымыслом. Причем в зависимости от богатства фантазии авторы «достоверных историй» приписывали мокенам — так называло себя это племя — самые невероятные качества: мокены дики, они, дескать, не знают огня и не умеют ловить рыбу. Однако могут часами находиться под водой, а кроме того, умеют становиться невидимыми при появлении чужестранцев.

Первые действительно достоверные сведения о мокемах собрал в 1936 году австрийский географ-исследователь Бернаттик. В своем отчете он указывал, что мокены постоянно живут в лодках и лишь на время сезона дождей переселяются на сушу. Обычно они выбирают укромные заливчики и бухты, на берегу которых из листьев и ветвей строят хижину и занимаются починкой своих лодок. Впрочем, и Бернаттик не смог

в деталях ознакомиться с образом жизни мокемов. Мокемы, правда, приняли его вполне дружелюбно и даже построили ему хижину. Ученый устроился в ней на ночлег, не без иронии вспоминая все рассказы о недоверчивости мокемов к чужим. Когда же он проснулся, ему пришлось констатировать, что племя исчезло в неизвестном направлении. Больше месяца исследователь настойчиво пытался разыскать мокемов, но в конце концов был вынужден отступить. Главный же вопрос — почему мокемы ведут кочевой образ жизни, непрерывно странствуя среди растянувшихся на четыре сотни километров многочисленных островов, так и остался без ответа.

В последующие годы среди этнографов постепенно все же сложилась теория о причинах поразительной непоседливости мокемов. Согласно ей члены этого племени являются потомками коренного населения Малакки, вытесненного в древности со своей прародины воинственными пришельцами — бирманцами и таи — и нашедшего убежище на архипелаге Мергуи. Поскольку же и на новом месте мокемам не давали покоя пираты, контрабандисты и разные авантюристы, они стали кочевать по морю, нигде подолгу не задерживаясь.

Эта общепринятая точка зрения никак не удовлетворяла географа из Франции, русского по происхождению, Пьера Иванова. Дело в том, что архипелаг Мергуи и окружающее его море никогда не кишели пиратами (в отличие, скажем, от Малаккского пролива или Южно-Китайского моря). Нет, скорее загадка мокемов кроется в другом. И чтобы разгадать ее, географ решает отправиться к мокемам.

«Однако осуществить задуманное оказалось гораздо труднее, чем я предполагал, — признается Иванов. — День за днем я скитался на маленьком катере между островами, потеряв им счет и не встречая ни малейшего намека на мокемов. Временами я готов был поверить, что они действительно невидимки. Выход подсказал один старик-торговец, с которым я познакомился в прибрежном городе Бокпине. Оказывается, скорее всего мокемов можно встретить у источников пресной воды, например, на острове Аладдина.

...Четыре раза с первыми лучами солнца, пригласив мотор,

мы входили в эту широкую бухту, окруженную сплошной зеленой стеной, и четыре раза ни с чем возвращались обратно. Наконец наша настойчивость была вознаграждена. Метрах в пятнадцати от берега на воде чуть покачивались восемь легких суденышек. Вопреки моим опасениям приглушенное пофыркивание нашего мотора поначалу не вызвало тревоги. Через несколько минут я отчетливо различал сплетенные из пальмовых листьев двускатные крыши над лодками и привязанные на корме желтые рулоны. Это были, как я узнал позднее, паруса, сделанные из тех же пальмовых листьев. Эти листья сначала распаривают, чтобы сделать их гибкими, затем раскатывают толстыми бамбуковыми «скалками» и, наконец, шивают ратановыми волокнами. Кстати, сами «скалки» в обычное время служат флягами для питьевой воды, они используются и для других хозяйственных операций, являясь, так сказать, «многоцелевыми узлами» в немногочисленной утвари мокемов.

Я не слышал никакого сигнала тревоги, но внезапно в лодках возникла паника. Мокемы, как горох, посыпались за борт и наперегонки поплыли к близкому берегу. Через несколько минут все они исчезли в густых зарослях. Мы медленно объехали опустевшие лодки и пристали к берегу. Выбравшись на песок, я направился к опушке, крича во все горло по-малайски: «Судар! Судар! Сайя ада теман! Сайя ада теман!» — «Друзья! Друзья! Я ваш друг! Я ваш друг!» Ответом было гробовое молчание. Делать было нечего, я решил ждать. Вместе с экипажем моего катера, состоявшим из двух полуголых малайцев, мы расположились на еще прохладном после ночи песке, отрезав убежавшим мокемам дорогу к лодкам. Прошел час, другой, но из зарослей по-прежнему никто не показывался. Игра в прятки явно затягивалась.

Тогда мне пришла в голову мысль отослать катер с малайцами в море. Может быть, когда пугливые кочевники убедятся, что я один и без оружия, они все же выйдут ко мне? Мы быстро выгузили на берег ящики с рисом, консервами, галетами и несколько кусков материи, захваченной для подарков, после чего

на стр. 76 ►

В фондах отдела драгоценных металлов Государственного Исторического музея хранится немало сокровищ ювелирного искусства, происхождение которых до недавнего времени было загадочным, а имена мастеров, изготовивших их, неизвестны.

О некоторых экспонатах музея, лишь недавно «расшифрованных», рассказывают заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук М. М. Постникова-Лосева и научный сотрудник музея Б. Л. Ульянова.

Путь золотого орла

На этом украшении нет ни надписей, ни каких-либо знаков мастера или бывших владельцев его. А в инвентарной книге музея сказано лишь, что это изделие найдено в Троицком соборе Архангельска и передано Государственному Историческому музею в 1935 году Севкраймузеем.

Кем и для кого оно было изготовлено, как попало в Архангельск?

После тщательных исследований и самого украшения и тех отрывочных древних свидетельств о нем, что по крупицам удалось извлечь из старых книг и архивов, постепенно, шаг за шагом удалось восстановить пройденный этим изделием путь.

Его повелел изготовить для своей чалмы семилетний мальчик — турецкий султан Мухаммед IV при вступлении на престол в 1648 году.

Имя мастера пока неизвестно, но можно указать, где, среди каких ювелиров искать его. Дело в том, что самые сложные заказы на драгоценные изделия выполняли для султана стамбульские греки-ювелиры, славившиеся во всем мире искусством шлифовать и оправлять драгоценные камни, покрывать металл золотой эмалью такого чистого и яркого цвета, что перед ним меркли даже самоцветы.

Эти ювелиры могли удовлетворить самый причудливый и изощренный вкус. По свидетельству Эвлия Челеби, дипломата и путешественника, написавшего многоотомную «Книгу путешествия», эти мастера-греки «имеют индийские алмазы, бадахшанские рубины, бирюзу из Нишапура, рыбий глаз из Судана. Особенно хороши драгоценности, отделанные кораллами, а агатовых зерен даже гуси не клюют!». Он пишет, что эти искусные мастера выполняют заказы султана и «посланников других стран, которые просто слепнут от блеска и великолепия».

И можно представить себе, как, получив приказание султана, мастер-грек начал работу. Прежде всего он пересмотрел все имевшиеся в наличии драгоценные камни. Он отбросил, как слишком простые, камни, недостойные украшать чалму Мухаммеда IV, — сердолик и агат из индийских рек, цейлонские и сиамские сапфиры различных оттенков, от нежно-голубых до темно-синих, и остановил свой выбор на самых модных в ту пору у ювелиров Стамбула камнях. Это были чистые и холодные, как капли утренней росы, индийские алмазы из песков и глинистых наносов Голконды, красные с малиновым оттенком рубины, светло-розовые турмалины из Бирмы и зеленые, как первая ве-

сенняя трава, изумруды, или «испанские смарагды», как их тогда называли, вывезенные из Колумбии.

А «главным камнем» мастер выбрал изумруд с крупное голубиное яйцо величиною, глубокого зеленого цвета, уже обработанный, отшлифованный неровными мелкими гранями... Ведь, гласят древние сказания, изумруд отгоняет дурные сны, отводит черные мысли. Змеи и скорпионы не приближаются к тому, кто носит изумруд, — змея слепнет, и из глаз ее льется вода, если перед ней держать изумруд. Если на изумруд поглядеть с утра, то весь день будет легким и на сердце будет светло.

Долго всматривался мастер в таинственную зелень прекрасного камня, пока в его воображении не возник четкий рисунок того украшения, которое он сделает для султана, — золотой цветок граната, легкий и нежный, в самом центре которого будут гореть загадочные огни дивного камня.

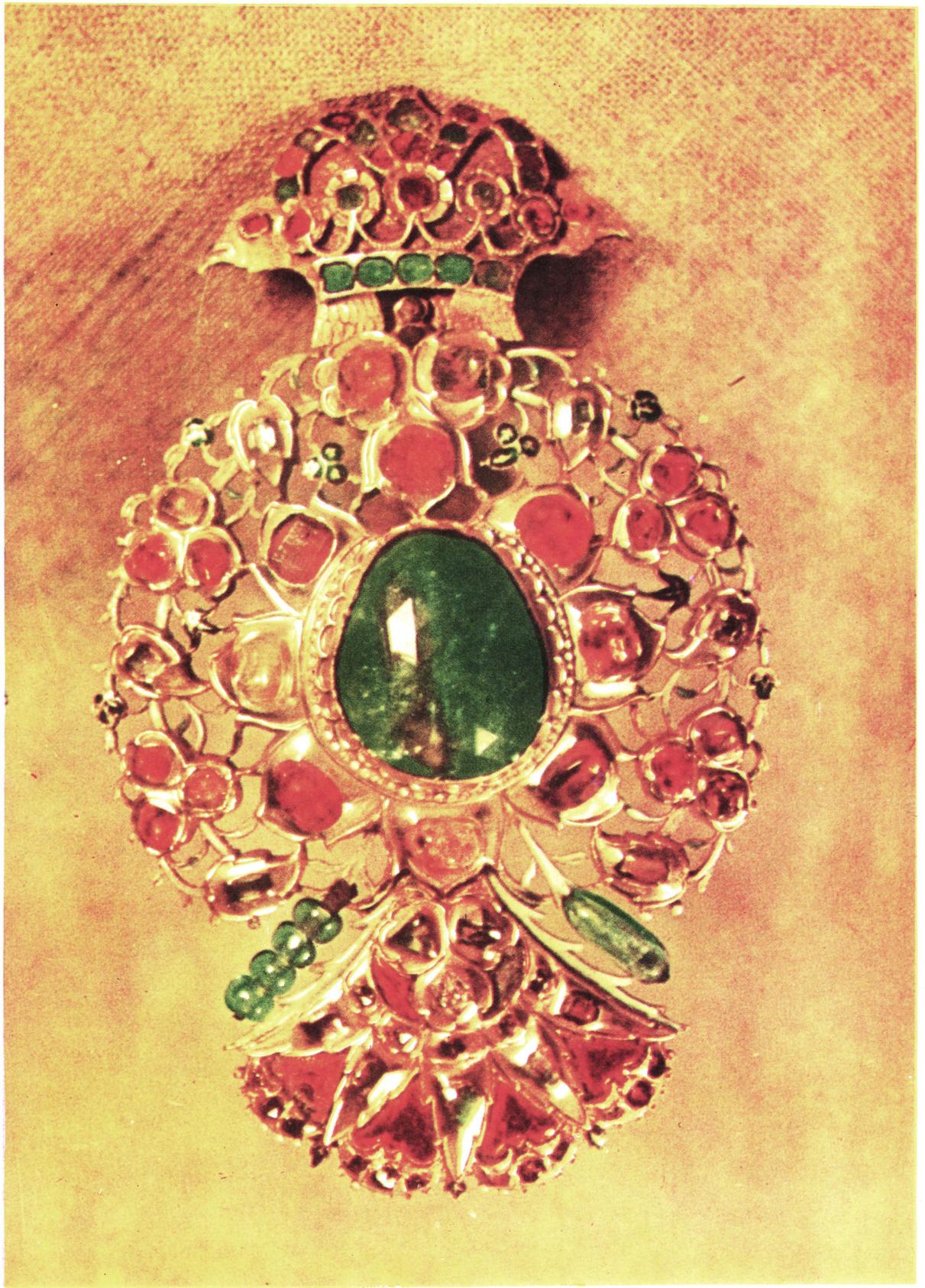
Такую работу нельзя выполнить быстро.

Прежде всего надо хорошо отшлифовать мелкие камни, которые украсят обрамление изумруда. Надо приготовить эмаль различных цветов. Многие дни и ночи не угасал огонь в горне, пока мастер окрашивал и плавил стекловидную прозрачную эмальевую массу. С большим искусством и неистощимым терпением вел мастер кропотливую работу. Добавив в стекловидный сплав окись олова, он получил белую эмаль, окиси железа и серебра дали ему зеленый и желтый цвета, окись меди — различные оттенки голубого. Иридий дал ему возможность получить блестящую черную эмаль, и, наконец, он приступил к самой дорогой окраске — золотом и получил прозрачный, ослепительно яркий красный цвет. Затем, растерев куски эмали в тончайший порошок, мастер рассыпал его по баночкам и залил водой. Получилась жидкая цветная кашица. Неспешно, терпеливо накладывал он теперь эмаль цвет за цветом, ставя после каждого наложенного слоя золотое украшение в печь, чтобы эмаль расплавилась. И после каждого обжига надо было еще шлифовать и полировать эмаль, пока она не станет идеально гладкой и блестящей.

Под большим изумрудом, укрепленным на шарнире, мастер сделал углубление, залил его зеленой эмалью, куда можно будет вложить и благовония и яд — как будет угодно султану.

Но и на этом работа не кончилась. Надо было тщательно отделать и обратную сторону украшения — рассыпать на белом, голубом, синем и зеленом фонах мелкие золотые цветы.

Наконец настал день, когда украшение со встав-

От Стамбула до Архангельска —
таков путь этого золотого с изум-
рудом украшения султанской
чалмы.

Каравелла с фигурой Петра I на капитанском мостике —
неизвестная ранее работа выдающегося русского скульптора
М. Антокольского.

Серебряные ковш и кубок, украшенные резцом Григория Ива-
нова — новгородского мастера.

ленными в него перьями было прикреплено к султанской чалме.

Но золотое украшение с изумрудом на чалме султана красовалось недолго. В далекой Москве готовилось посольство с султанской грамотой, в которой Мухаммед IV просил русского царя оказать ему «свою любительную дружбу». Посла нельзя было отправить с пустыми руками, он должен был везти богатые дары.

В Московском Кремле посольство турецкого султана было принято в Грановитой палате. В торжественной обстановке посол явил привезенные дары султана и визиря.

Здесь были седла, украшенные по серебряной оправе бирюзой, и шелковые кушаки с золотой каймой на концах, и лук бухарский с камышовыми стрелами, и круглый, бархатом обтянутый щит в серебряной золоченой оправе, и золотые украшения с плоскими, хорошо отшлифованными камнями и эмалью. И, наконец, поверх всей этой груды даров слуга положил золотой с изумрудом цветок граната.

Дьяки осматривали, мерили, взвешивали, скривя гусиными перьями, вписывали в толстые книги и относили все ценности на Казенный двор — хранилище царской вещевой казны. И на много лет легло там, среди цепей, серег, перстней и нашивок золотое украшение с большим изумрудом.

Затем на много лет сведения об этом украшении исчезают. Вновь они появляются в 1683 году — и эти сведения оказались связанными с одной из страниц истории России. Выяснилось, что царевна Софья послала его в подарок Афанасию Любимову, архиепископу Холмогорскому — человеку широкообразованному, знатоку латыни и греческой словесности, политическому деятелю, пользующемуся доверительным расположением Петра. Что же заставило Софью, опирающуюся в своей борьбе за российский престол на реакционные силы, одаривать Афа-

насия Любимова? Ответ может быть только один — Софья искала сторонников и среди тех, кто поддерживал начинания Петра.

...Грамота заготовлена, в ней стоят три имени: ее, Софьино, имя рядом с именами царей Ивана и Петра. И вместе с грамотой Софья посылает подарок — золотой цветок граната.

7 апреля 1683 года после месячного путешествия посланец из Москвы прибыл в Холмогоры и вручил Афанасию дар царевны. С низким поклоном принял Афанасий царскую грамоту и подарок царевны Софьи.

Но что делать с этой вещью? В казну прятать жалко, а как использовать — неизвестно. И передал он подарок холмогорскому серебрянику, который превратил цветок граната в двухголового орла, перевернув украшение вверх ногами. Хвостом золотого орла стал выступ для перьев, раскрытыми крыльями — округлые ажурные боковые части украшения, а серебряные две головы мастер сделал сам и приклепал, украсив мелкими красными и зелеными камешками.

Носил ли Афанасий это украшение, словно обретенное под руками архангельского мастера вторую жизнь, неизвестно. Но хранил его бережно среди других сокровищ. А вскоре Афанасий, с неукротимой энергией помогавший Петру I в постройке Новодвинской крепости, в защите и укреплении русских границ и оставивший после себя не только громадную по тому времени библиотеку, но и такие свои рукописные труды, как «Сочиненный реестр из дохтурских наук» в 54 главах и «Описание трех путей из России в Швецию, со сведениями о стратегическом состоянии шведских городов, их укреплений, торговле, географическом положении и прочее», от «чахоточной скорби» умер.

А золотой орел с изумрудом сказочной величины осел в ризнице Троицкого собора до тех пор, пока советские исследователи не пометили его ярлычком «Музейная ценность»...

Каравелла Марка Антокольского

 то изображение Петра I, стоящего на капитанском мостике серебряной каравеллы, символизирующей устремленную в будущее Россию, — точная копия всемирно известной скульптуры выдающегося русского скульптора Марка Матвеевича Антокольского. Антокольский часто копировал сам свои монументальные скульптуры в уменьшенном виде, создавая на их основе новые скульптурные композиции. Не принадлежит ли к числу таких работ и эта скульптурная серебряная группа, хранящаяся в нашем музее как работа неизвестного мастера конца XIX века? Вот что предстояло выяснить.

В музейных архивах никаких документов, связанных с этой скульптурой, не сохранилось. Правда, при расчистке каравеллы удалось обнаружить гравированную надпись: М. Antocolsky. Вряд ли эта надпись могла означать то, что эта каравелла была подарена скульптору, или то, что автор ее просто отдал дань уважения Антокольскому. Видимо, это была надпись мастера, М. Антокольского. Дальнейшее исследование открыло еще одну надпись на скульптуре — это было имя известного французско-

го ювелира конца прошлого века Люсьена Фализа. Значит, серебряная каравелла была изготовлена в Париже в конце века? Именно в Париже жил в это время и Антокольский.

Мы исследовали все дневниковые записи, переписку Антокольского, высказывания и воспоминания современников, относящиеся к этому периоду жизни скульптора. И вот в воспоминаниях критика В. Стасова проскальзывает сообщение, что президент Академии художеств лично заказал М. Антокольскому подобное серебряное украшение. А в одном письме, датированном октябрём 1896 года, скульптор пишет, что заказанное ему украшение готово. Заказ на украшение от президента Академии художеств скульптору мог быть дан не ранее осени 1891 года, так как есть сведения, что именно тогда состоялась первая встреча Антокольского с президентом академии.

Итак, между 1891 и 1896 годами Антокольский создал серебряное настольное украшение с фигурой Петра I. Известно, что в 1896 году

отмечался двухсотлетний юбилей русского флота, созданного Петром I. И есть все основания утверждать, что серебряная каравелла с Петром I на капитан-

ском мостике — неизвестная ранее работа выдающегося русского скульптора М. Антокольского — и посвящалась этому событию.

Серебряные сады Григория Новгородца

Луч света тонко очерчивает на серебряных стенах сосуда диковинные листья, причудливые цветы, распустившиеся в хитросплетении сказочных растений, среди которых глаз улавливает очертания зайцев, собак, птиц, заботливо выющих свои гнезда; внизу, в тихой и чистой воде, дремлют тяжелые рыбы — средневековый символ мира и спокойствия... Им нет предела, этим зарослям, и кажется, что этот сосуд виделся мастеру неким подобием Земли, которую он украсил бесконечным цветущим садом.

На сосуде нигде нет подписи мастера, прошло уже около трехсот лет с тех пор, как вырос этот серебряный лес, и все же удалось узнать имя человека, взрастившего его.

Далеко за пределами Руси славились в XVI—XVII веках новгородские серебряных дел мастера — серебряники, создавшие свою школу резьбы и чеканки по серебру и золоту. Украшенные ими стаканы и чаши, кубки и ковши поражали современников узорами, в которых символика христианства переплеталась с отзвуками полузабытых языческих представлений предков, ибо традиции серебряного дела в Новгороде были не моложе самого города: многочисленные инструменты серебряников, ювелирные изделия и заготовки были обнаружены археологами даже в слоях X века. О размахе же ювелирного дела в Новгороде свидетельствуют бесстрастные записи в писцовых и лавочных книгах: в конце XVI века, например, здесь работало 93 серебряника, не считая крестечников, сережечников, колечников...

Сейчас изделия новгородских мастеров разбросаны по многим музеям страны, зачастую они безымяны — летописи почти не сохранили имен ювелиров, резчиков, чеканщиков. И только изредка среди записей — сколько какого серебра отпущено тем или иным монастырским владыкой на изготовление сосуда — мелькнет имя мастера.

В нашем музее, Государственной Оружейной палате, Русском музее Ленинграда хранятся шесть серебряных сосудов: четыре больших стакана, ковш и кружка, покрытые затейливым, изощренной фантазией узором. Исследование узоров позволило сделать вывод, что все они сделаны рукой одного и того же мастера-новгородца. Но кто этот мастер, было неизвестно.

Ключом к разгадке явились как бы продолжающие орнамент две надписи, сделанные на стаканах. На стакане, хранящемся в Оружейной палате, выгравировано: «Стокань великого гсдна преосвященного Питирима митрополита великого Новгорода и Великих Лук зделанъ ис казенного серебра». Надпись на другом стакане гласит, что он принадлежит «святейшему Питириму патриарху Московскому и Всея Руси» и изготовлен 1 сентября 1672 года.

Известно, что Питирим был новгородским митрополитом с 1644 по 1672 год, а затем был избран патриархом всероссийским и переехал в Москву. Значит, работа новгородского серебряника, украсившего

первый стакан, так понравилась Питириму, что, даже став одним из могущественнейших людей Руси, уже будучи в Москве, где были свои придворные ювелиры, он не забыл мастера с волховского подворья. И тогда появилась надежда, что имя столь знаменитого мастера может где-нибудь проскользнуть в писцовых книгах.

После длительных поисков в архивах удалось найти запись о том, что к 1 января 1672 и 1 января 1673 года по заказу патриарха московского изготовлено два стакана «по образцу против прежнего», который «новгородец Григорий серебряник... прислал зделав преж сего в келью патриарха».

Может быть, это упоминание относится к каким-то другим стаканам? Но дотошные писцы, кроме имени мастера, указали: «а в деле в тех двух стаканах вес 4 фунта 62 золотника». Вес исследуемых стаканов совпадал с древней записью.

Итак, мы узнали не только имя мастера, но и смогли проследить, как от года к году, не изменяя выработанному стилю, мастер Григорий усложнял свои узоры, вводил в свои сюжеты новые образы, свидетельствующие о его обширных познаниях как «книжной мудрости» и европейской графики, так и народного искусства русского севера.

А дальнейшие архивные поиски позволили установить, что молва об искусстве новгородского мастера разнеслась далеко за пределами Новгорода. И не только митрополит Питирим, покинув Новгород, увез с собой память об этом серебрянике, но и в Пскове, где были свои знаменитые резчики и чеканщики, заказывали ему драгоценные сосуды и церковную утварь. Сохранились записи, датированные 1674 годом, о том, что из Псково-Печерского монастыря «в Великий Новгород серебрянику Григорию Иванову делать ковши новые в монастырь». По аналогичным записям, сохранившимся в архивах, можно судить, что подобные заказы Григорию посылались неоднократно.

Но казалось странным, что Григорий, работавший по заказу московского патриарха, не покидал Новгорода. Почему Питирим, переехав в Москву, не вызвал туда и полюбившегося ему мастера? Ведь так обычно поступали со всеми ювелирами, изделия которых нравились царю или патриарху, нередко насильно, против воли отрывали их от родного насиженного места, присылали за ними подводы и переселяли в столицу, где они работали в художественных мастерских Московского Кремля...

И этому нашлось объяснение в архивах. В переписных книгах Новгородского «на Софийской на Торговой стороне посада» от 1677—1678 годов указан двор на «Славкове улице», в котором живет посадский человек Григорий Иванов, серебряник, с семьей, и сделана лаконичная, но о многом говорящая приписка: «Он — Григорей безногий».

Пока это все, что мы можем сказать о Григории Иванове. Известны точно только шесть его работ. Мы не знаем, ни когда он родился, ни когда умер. Но в истории русского искусства появилось имя еще одного мастера.

БОРИС ПИСЬМЕННЫЙ
Фото В. ОРЛОВА

СОЧИНЕНИЕ В ЦВЕТАХ И ЛИСТЬЯХ

Стоял теплый летний день, один из тех, что так приятно припомнить зимой. Кроме того, был праздник — «День цветов», первое воскресенье августа. Поэтому не удивительно было оказаться в этот день на центральной площади праздника, в Главном ботаническом саду.

Сначала я шел мимо открытых газонов, на которых цветы — такие обыкновенные и знакомые, а рядом таблички объясняют по-латыни, что цветы эти не так уж обыкновенны и будто бы даже неизвестны. Потом дорожки сада привели меня в выставочный павильон. Здесь букеты, освещенные солнцем, пристроены в корзинках, на березо-

вых поленьях, на фоне зеленого кафеля стены, в овальном проеме окна, некоторые даже подвешены на нитях.

Но самое интересное было, когда, спустившись по ступенкам, попал я в подсобную комнатку. Пахло ароматами всех цветов земли, и будто бы все цветы земли, в горшках, ведрах, кувшинах и банках заполнили здесь и подоконник, и столы, и подставки. На одной из свободных табуреток лицом к окну сидела женщина. Она составляла букеты.

В немного вогнутую стеклянную тарель, словно в опрокинутую линзу телевизора, она кладет металлическую щетку — кэнзан, плотно усаженную иглами, и затопляет в воде. Потом берет большой глянцевый лист бразильской лианы (с таким вычурным полным латинским именем «монстера делициоза»). Лист лапчатый, и внутри его фигурные окна. Женщина накалывает его мясистую лапу на иглы подставки, и лист остается стоять над озерком в тарели, как задник на сцене.

Это первое ее действие, видимо, не вызвало сомнения: она давно присмотрела лист и знала, что сделает с ним «что-нибудь». Дальше было сложнее. Лист стоял красивый, и на сцене перед ним ей, должно быть, виделись цветы в разных сочетаниях. Одно лучше другого. Видения путались и уплывали, а лист оставался стоять один с крепко приколотой лапой. Потом, решившись, из груды букетов, окружающих стол, она выхватила желтый ирис и положила ветку у основания лианы. Желтизна вспыхнула на зеленом, и конструкция приобрела объем. Это было что-то вроде обещания красоты, и от этого женщине стало хорошо и спокойно.

Дальше придвинула ближе охапку огневых, крапчатых роз «лавит» и, выдернув одну, тоже приложила к лиане. Роза, такая красивая сама по себе, начисто перечеркивала приготовленную сцену, а ведь тоже красивую... Грубо. Убрала розу. Сидела на табурете неподвижно, скучно глядела в окно, по сторонам. Мерно капала вода в раковине позади, гипсовый амур, некогда стоявший в парке, отвернулся к стене. Рассеянными движениями, будто машинально, стала она смахивать ветки и листья со стола перед собой. Постепенно поле перед ней очищалось, прояснялось что-то и внутри ее.

И тогда, как давно задуманное, выбрала она гладиолусы, что стояли за спиной. Неяркие, розовое с желтым. Ветку за веткой, уверенно, почти безжалостно обрезая стебли и «лишние» цветы, поместила она пучок гладиолусов фонтаном... Закончить композицию было делом техники. Техники и того драгоценного чувства, может быть, одного из самых важных, что приказывает: остановись вовремя.

Букет готов. Она стряхивает лепестки, усыпавшие халат, и выносит работу в зал.

Елену Сергеевну Саркисову, мастера такой еще редкой профессии — составителя букетов, можно встретить в Главном ботаническом саду Академии наук СССР, где она и работает. Энергичная женщина с живыми черными глазами, закигаясь, рассказывает о своем увлечении, о все растущем интересе к искусству аранжировки цветов, об истоках этого искусства...

Здесь я позволю себе отступление и назову наконец слово, широко уже популярное у нас и которое вроде бы нельзя не назвать.

Итак, икебана. Слово, непривычно звучащее и потому запоминающееся: не так много японских слов прижилось в русской речи. А это уже вставляют в кроссворды — куда как не признак популярности. В переводе икебана — нечто похожее на «оживленные цветы». Оживленные, конечно, не ботанически, а художественно. Растение «оживает» и по-настоящему становится самим собой, когда его помещают в правильное положение и в правильном окружении. Эти правила как раз и составляют предмет искусства икебаны. Только правила эти не таблица умножения, все их нельзя просто перечислить и заучить, хотя, как и во всяком искусстве, есть в искусстве икебаны то, что можно выделить и даже назвать. В общем же правила икебаны воспитывают очень человеческие качества: чуткость к живой природе, искренность и внимание, понимание художественной гармонии и чувство изящного. «Изящного» в прямом и строгом смысле этого слова. Букет изящен, когда из него и зъ я т о все постороннее. Как скульптор вырубает из бесформенной глыбы фигуру, будто освобождая ее от лишнего камня, так мастер икебаны должен из случайного вороха цветов выбрать несколько согласных, «работающих» совместно и подчеркивающих друг друга. Притом выбрать по возможности самый минимум цветов, ограничение в использовании выразительных средств — один из главных законов «оживления» цветов.

Японская икебана сейчас — это целая наука со множеством понятий, рекомендаций и обязательных правил. Достаточно представить себе руководство по икебанае: как учебник по геометрии, испещренный схемами, он точно указывает, какова должна быть подставка и материал, на сколько градусов требуется отклонить самый длинный стебель — «шин», промежуточный — «сои» и короткий — «хикай».

Бесконечно число композиций. И в каждой из них есть что-то от иероглифа. Цветочный иероглиф расскажет посвященному, какие чувства хотел передать автор, чему посвящен букет или даже какое конкретное понятие или символ он представляет. Композиция с хризантемой, например, старинный знак императорской фамилии. Стилизованная хризантема — традиционная императорская печать на документах, почтовых марках и барельефах... Существует и как бы толковый словарь — наивный и многозначительный, таинственный и забавный «язык цветов». Из него вы узнаете, что ветка ириса означает послание, анемон — предчувствие, ожидание, цикламен — скрытность и застенчивость, тюльпан — симпатию, гиацинт — развлечение, герань — меланхолию, лотос — жизнь долгую-долгую, скабиоза — несчастную любовь, нарцисс — конечно, самовлюбленность... Цветы разных сортов и оттенков наделены свойствами выражать разные движения души.

Безлистная сухая ветка с замшелыми растопыренными пальцами сучьев, тут же пятнами белой пены цветы жасмина в свежих зеленых листьях и неровно обожженный кувшин с рельефом на стенках и прозеленью...

В тонком синего фарфора блюдце на красной подставке танцующая ветка вишни сакуры, и на ней несколько бело-розовых цветков, сидящих настороженно, как бабочки...

В гладкой узкой вазе откинулась плоским веером мелколистная акация, и на ее зеленом фоне две головки хризантемы...

Не тратьте лишних слов для объяснений — составьте букет, и вас поймут, такое трогательное своеобразное эсперанто...

Как ни примечательно само по себе искусство икебаны, оно всего лишь часть целого — исключительно бережного и тонкого отношения к природе. Рассказывая о стране, туристы неизменно упоминают о знаменитых японских садах перед домом — маленьких моделях мира с расчерченными граблями участками песка — пустынями, валунами, поросшими мхом — горами, корытцами с водой — океанами; об удивительном значении малого ландшафта, когда дом подстраивается под вид из его будущего окна, как костюм под пуговицу.

Истоки икебаны и одухотворения природы можно отыскать в самых начальных эпохах буддизма, только не буддизмом это все объясняется. Подобно Голландии с ее землей, буквально вручную собранной человеком, где поля тюльпанов и картофеля, стада овец и даже лесная дичь — всё это завоевания человека (которым и посвящено искусство: знаменитые натюрморты, торжествующе выставляющие дичь, цветы, хлеб и вино), Япония — островная страна, плывущая в море, как бесценный дар принимает каждый холм, поросший лесом, каждый сад и каждый букет цветов — как святой иероглиф, напоминающий всякий раз о великой Природе, часть которой и сам человек.

Икебаны в Японии обучают специальные школы (окончившим выдают дипломы). Из традиционных школ одна из самых знаменитых — токийская Согецу. В противовес традиционным появились и экспериментальные школы авангардистов.

Уже не один раз приезжал в нашу страну директор школы Согецу профессор Софу Тесигахара. Он, его дочь и лучшая ученица Тасуми встречались с любителями цветов, демонстрировали свои работы. Знакомство, таким образом, состоялось. Но случилось так, — и это, пожалуй, любопытно, что, несмотря на первое, довольно внешнее знакомство с основами древнего искусства, оно сразу же вызвало энтузиазм, будто с готовностью раскручивалась пружина. Садоводы, художники и просто любители цветов, не столько приняв «правила игры» (грудно говорить о детальном знакомстве с требованиями икебаны), сколько полагаясь на свое собственное художественное чутье и вкус, принялись составлять композиции.

Использовали при этом, как и положено, вместе

с цветами сухую траву, кору, пеньки, коряги, плетеные кузовки, тарелки всевозможных видов, кувшины и вазы. Фантазировали, что бы еще можно? Ведь это вид живой растительной скульптуры, живописи из настоящих цветов, меняющих окраску и тон от времени дня, освещения, соседства друг с другом. У художника в тубиках краски, и, чтобы подобрать цвет лепестков, скажем, розы, нужно смешивать краски и расставлять мазки. К тому же цвет выписанного лепестка сам по себе ничто, он будет зависеть от тона соседней краски, от фона. А тут в ваших руках настоящая роза, ее цвет, форма, аромат и капли росы!

По-разному объясняли мне составители букетов, что руководит ими в работе. Одни рассказывали, что, приступая к аранжировке, задумывают определенный сюжет, иногда прямо-таки литературный. Так одна из выставленных композиций называлась «Образ Насти из пьесы М. Горького «На дне»». Автор решил представить персонаж через равновесие цветочной конструкции, через сочетание растений сочных, живых и высушенных, бесцветных.

Очень многим хотелось бы найти сходство цветочных композиций с музыкой. Они готовы слышать аккорды цвета в раскраске лепестков, мелодии — плавные или изломанные — в линиях стеблей и листьев. Несовместимость растений по краскам и форме для них очевидна, как диссонансы в музыкальной фразе. Таково это искусство...

Вернемся теперь в тот летний день, в «День цветов». Хозяйка павильона выносит в зал очередное произведение. Две розы и ветка сосны в плоском плетеном кузовке — нечто нежное, мечтательное и простодушное.

Ее тут же плотным кольцом окружают посетители. Начинается импровизированная лекция, каких мне пришлось услышать немало. Десятки нетерпеливых вопросов:

— Сколько листьев снимать со стебля, чтобы выделить цвет?

— Как подольше сохранить растения?

— В холодильнике можно?

— С какой стороны смачивать лист, чтобы придать свежесть?

И главный:

— Нет ли такого секрета, чтобы составлять букеты и всегда получалось красиво?

«Такого» секрета нет... По крайней мере, я его не узнал.

ЧЕРНЫЙ ГОД ГРЕЙС ХЕЛСЕЛЛ

Американская журналистка Грейс Хелселл решила проделать эксперимент: решила побить, как она выразилась, в «негритянской шкуре». Свои голубые глаза она скрыла коричневыми контактными линзами, а знакомый доктор Лернер, специалист по пигментации кожи, снабдил ее вкорваленом: стоило попринять препарат две-три недели, усилению при этом загорая на солнце, и кожа приобретала — примерно на год — глубокий черный цвет. Очевидно, Грейс переусердствовала с солнцем. Пришлось обратиться к врачу. Тут и начался эксперимент. Ни в одной поликлинике для белых ее не приняли, а в Гарлемской больнице белый врач, мельком взглянув на ее ноги, пробурчал:

— Дел-то всех, волдыри... Мыться чаще надо! (Когда «волдыри» осмотрел доктор Лернер, он ахнул: это были ожоги третьей степени).

Грейс удалось устроиться машинисткой. Из ста сорока долларов жалованья сто нужно было платить за скверное жилье: в битком набитом нью-йоркском гетто цены на него растут не по дням, а по часам.

Грейс решила перебраться на юг, в город Джексон. Здесь с жильем оказалось еще хуже. Перед ее носом просто захлопывали двери.

Устроиться на работу (машинисткой или секретаршей) было не легче, чем найти кров. Когда однажды она зашла в кафе, чтобы позвонить по объ-

явлению, хозяин заорал: «Вали отсюда!»

Наконец удалось найти место прислуги в семье Вилеров. Но и его пришлось скоро покинуть. Хозяин (как и положено истинному южанину) полагал, что цветная должна уступать любому его требованию. Грейс дала решительный отпор. Пришлось срочно покинуть дом Вилеров.

...Такси отвезло ее на вокзал. Три часа ожидания в душном зале для цветных. На следующий день она была уже в Вашингтоне. Доктор Лернер помог ей снова стать белой.

Когда через некоторое время Грейс появилась в кругу своих знакомых, те спросили: «Что с тобой? Да ты постарела на десять лет! Уж не в тюрьме ли ты была?»

«Завидую журналисту, который через несколько десятилетий возьмет интервью у специалиста по астероидам, — сказал наш корреспондент А. Самойлов после встречи с директором Института теоретической астрономии АН СССР профессором Глебом Александровичем Чеботаревым. — К малым планетам — астероидам я, подобно многим, относился без особого интереса. Это же не Луна, Марс, Венера... Но в конце беседы передо мной словно раскрылись страницы захватывающего научно-фантастического романа. Впрочем, судите сами».

ЧЕМ БЫТЬ АСТЕРОИДУ?

Еще недавно известный астрофизик А. Койпер сетовал, что астрономия стала почти исключительно наукой о звездах, а планеты оказались как бы на обочине. Сейчас после зондажа венерианской атмосферы, высадки на спутник нашей планеты, полета советской автоматической станции «Луна-16» положение изменилось. Но никто и ничто еще не приближалось к астероидам. Значит ли это, Глеб Але-

ксандрович, что прогресс в их изучении за последнее время был несущественным? Спрашиваю вас об этом как специалиста по изучению малых небесных тел.

— Малые небесные тела изучать действительно труднее, чем планеты. Те хорошо видны в телескопы и движутся по устойчивым орбитам. До некоторых из них удалось дотянуться радиолучом. С астероидами сложнее. Если не удалось установить орбиту астероида, если положение его на небе отмечено всего раз или два, то найти его затем в звездной россыпи совершенно невозможно. «Потеряно» в общей сложности около четырех тысяч малых небесных тел, так как не удалось установить их орбиту. Это в два с половиной раза больше числа астероидов, попавших в каталоги.

Но зато мы располагаем уникальными возможностями. Астрофизик, чтобы получить «кусочек» другой планеты, должен отправиться туда в экспедицию. Астероиды сами ложатся на стол исследователя — их обломки выпадают на Землю в виде метеоритов. С другой стороны, некоторые астероиды приближаются к нам намного ближе больших планет — в это время их можно успешно наблюдать и даже лоцировать.

Частные особенности нашей работы, те специфические трудности, с которыми мы сталкиваемся, пожалуй, станут ясней, если я расскажу историю недавнего открытия двух новых вращающихся вокруг Земли лун.

— Лун?

— Да, я не оговорился. Речь идет именно о лунах, которые в несколько раз больше нашего естественного спутника и движутся примерно на том же расстоянии от Земли, что и Луна.

— Чеховский герой на моем месте не преминал бы воскликнуть: «Этого не может быть!..»

— Наоборот, не быть этого не может. Еще великий Лагранж в восемнадцатом веке решил так называемую ограниченную задачу движения трех тел. Допустим, пылинка движется под действием притяжения какой-либо планеты и Солнца. Если принять все орбиты круговыми, то, оказывается, в пространстве есть точки, в которых пылинка может находиться сколь угодно долго. Это как бы «гравитационные ловушки», куда рано или поздно должны попасть все пылевые частицы и камни,

попавшие в зону притяжения планеты. Им не дает оттуда вырваться равнодействие тяготеющих сил.

— Вы имеете в виду пылевые спутники Земли, об открытии которых не так давно сообщалось в печати? Но тогда мне неясно другое. Если, как вы говорите, точно было известно, что «пылевые луны» должны вращаться вокруг Земли, если можно было рассчитать их местонахождение, если сами они крупнее Луны, то почему же открытие их произошло лишь недавно?

— Вот это-то я и хочу объяснить. Ясно, что чем крупнее планета, тем более массивный спутник она способна удержать в своих «гравитационных ловушках». Вот почему астрономы внимательно наблюдали за гигантом солнечной системы — Юпитером. Там предсказания Лагранжа блестяще оправдались, там были открыты две группы спутников-астероидов. Понятно, что того же ждали и в околосолнечном пространстве. Однако все наблюдения за «гравитационными ловушками» вблизи нашей планеты оставались бесплодными.

В чем дело? Быть может, положение Лагранжа просто не может быть реализовано в окрестностях Земли, быть может, пылевые спутники там просто не из чего строить?

Проведенные лет десять назад исследования академика В. Г. Фесенкова показали, однако, что у Земли есть пылевой шлейф, чья плотность в сто раз выше плотности межпланетного облака. Значит, «строительного материала» для пылевых спутников вокруг Земли, по всем расчетам, должно было хватить.

И все равно наблюдения ничего не давали. Пылевых спутников не было. Вы представляете самочувствие теоретиков? Все вроде бы сходится, известно что искать, известно где искать, а на деле ничего нет.

Краковский профессор К. Кордылевский тоже пытался обнаружить пылевые спутники. И тоже безуспешно. Наконец, он обратился за помощью к коллегам из ГДР, в Зонненбергскую обсерваторию. Немецкие астрономы прислали ему снимки «точек Лагранжа» за последние тридцать лет. Кордылевский внимательно образом просмотрел их все. Ничего! Никаких следов твердого вещества. Но польские товарищи не отступились, и их терпение было вознаграждено: они, в кон-

це концов, сфотографировали «пылевые луны»!

Они расположены на орбите Луны. Диаметр каждой равен земному. Однако они очень разрежены: одна пылинка на кубический километр! Тем не менее общий вес каждого пылевого облака не столь уж ничтожен — примерно 20 тысяч тонн. Там нет тел поперечником более 20 метров, однако там можно встретить «камешек» размером с небольшую скалу.

Что еще можно добавить? Пока «пылевые луны» находятся в стороне от космических трасс. Но, думаю, в будущем они пригодятся. В «точках Лагранжа» межпланетная станция могла бы существовать практически вечно. И очень было бы любопытно посмотреть собравшийся там материал: ведь это своеобразный «архив» солнечной системы.

— Значительная часть астероидов сконцентрирована между Марсом и Юпитером, где они образуют весьма внушительный пояс. В свое время было выдвинуто предположение, что астероиды этого пояса — обломки некогда существовавшей планеты Фазтон. Есть ли какие-нибудь новые данные «за» или «против»?

— Есть. Радиоактивный метод определения возраста позволил установить, что метеориты — ровесники планет, их возраст около пяти миллиардов лет. Один из изотопов гелия, как удалось выяснить, возникает в веществе при облучении космическими лучами. Анализируя содержание этого изотопа в метеоритах, можно судить о том, сколько лет метеорит подвергался облучению космическими лучами, то есть существовал как самостоятельное тело. Эти анализы показывают, что многие метеориты странствуют в космическом пространстве порядка 300 миллионов лет. Значит, они некогда образовались при дроблении другого, более крупного тела. Но была ли это земледобная планета Фазтон?

Если из всех астероидов вылепить шар, то радиус его окажется чуть больше 700 километров (радиус Луны больше в 2,5 раза). Тут возникает вопрос: если такая планета существовала, то почему она распалась? От быстрого вращения? Но что привело ее в такое состояние? Взорвалась, как бомба? Но почему?

Есть возражения более серьезные. При взрыве любого тела

его осколки движутся так, что центр тяжести возникшей системы остается неизменным. Не все астероиды выполняют это условие. А это значит, что либо неверны некоторые краеугольные правила механики, либо взорвавшийся Фазтон — миф. Естественно, я отдаю предпочтение второму варианту.

Вероятней всего было другое. Мощное притяжение Юпитера помешало Фазтону сформироваться. Образовалось какое-то количество меньших по размеру тел, в результате взаимостолкновения которых и возникло большинство астероидов. Чем на более мелкие куски распались эти тела, тем чаще происходило дробление. Астероидное кольцо превратилось в настоящие каменоломни солнечной системы.

— Некогда людей ужасало появление кометы. Теперь нам известно, что столкновение кометы с Землей, чему астрономы, кажется, не раз были свидетелями, происходит безболезненно и даже может остаться незамеченным (не астрономами, разумеется). Совсем иное дело — встреча Земли с астероидом. Возможны ли такие встречи? Насколько они опасны?

— Земля хранит на своей поверхности внушительные шрамы. До недавнего времени самым крупным метеоритным кратером считался Аризонский; двадцать пять тысяч лет назад в Аризонской пустыне упал сравнительно небольшой небесный камень весом около 70 тысяч тонн и размером с восьмизэтажный дом. Он оставил воронку глубиной в 250 метров и диаметром свыше километра.

Недавно, однако, в Африке было обнаружено кольцо Вудворта, чей диаметр равен 50 километрам. Под льдом Антарктиды найден кратер влятеро больший. Но возможно, что и это не предел. Есть доводы за то, что дуга Гудзонова залива — это часть гигантского метеоритного кратера, диаметр которого 440 километров!

Тем не менее эволюция земной жизни не прервалась ни разу. Это значит, что за сотни миллионов, а скорей даже за миллиарды лет Земля ни разу не испытала столкновения с поистине гигантским астероидом, который вызвал бы всепланетную катастрофу. И это понятно. Кто-то однажды справедливо заметил, что вероятность столкновения Земли с

очень большим астероидом меньше вероятности встречи двух пчел, летающих в разных концах Европы. Что же касается астероидов поменьше, подобных тем, что оставили на земной поверхности внушительные шрамы, то, думаю, они больше уже никогда не ранят Землю.

— Почему? Не далее как в 1968 году Земля сблизились с астероидом Икар. Это сближение вызвало не только интерес, но и беспокойство. Появилось даже сообщение из Австралии о том, что столкновение возможно и более того — неизбежно. Английские газеты писали, что в парламенте Англии был сделан даже запрос о том, не слишком ли правительство доверяет расчетам русских ученых, которые заявили, что Икар не столкнется с Землей в момент наибольшего сближения 15 июня 1968 года.. Газета «Таймс», успокаивая читателей, написала тогда, что доверие в таких вопросах к работе международных центров — непреложное правило. Речь шла прежде всего о руководимом вами институте, ибо он является мировым центром по изучению малых планет. В случае с Икаром приятно лишь раз убедиться в надежности современных научных методов и точности расчетов, проделанных в вашем институте. Но на сближение Земли с Икаром ни вы и никто другой повлиять не мог. И если в будущем Икар или другой астероид нацелится на Землю...

— То люди, я уверен, заставят его изменить орбиту.

— Каким образом?

— Позвольте прежде несколько слов о том, что было. Как мы и рассчитали, Икар пролетел на расстоянии нескольких миллионов километров от нашей планеты (кстати сказать, Гермес в 1937 году прошел от нас на расстоянии 580 тысяч километров). Далеко это или близко? В масштабах солнечной системы астероид «едва не задел» планету. А в иных? Если мы уподобим Землю мишени, которая вывешивается в тире, а Гермес — дробинке, то окажется, что дробинка прошла в нескольких метрах от мишени. Думаю, этот последний масштаб для нас более важен.

В недалеком будущем здесь, однако, вообще не будет предмета для разговора. Наше главное оружие — это знание. Нам, повторяю, известно, что катастрофических для биосферы падений астероидов на Землю не

было, по крайней мере, сотни миллионов лет. Крупные, могущие принести существенный ущерб целым районам метеориты падают раз в десятилетия, если не сотни тысяч лет. А уж скорей всего до конца нынешнего века мы сможем заблаговременно засечь любое сколь-нибудь значительное небесное тело, послать навстречу отряд космонавтов и отбуксировать астероид на другую орбиту. По некоторым расчетам зарубежных специалистов, достаточно мощности двух современных космических ракет, чтобы перевести на устойчивую орбиту вокруг Земли астероид с диаметром в несколько километров и массой в полмиллиарда тонн.

Это крайне заманчивая в будущем и вполне реальная перспектива. Внутри пойманного астероида можно оборудовать жилье, используя его толщу как защиту от радиации, холода и солнечного жара. Из вещества астероида можно будет выделить кислород и водород, получить воду для питья, воздух для дыхания, а в дальнейшем и топливо для термоядерных двигателей.

Особенно перспективным кажется нам создание такой обитаемой станции на Икаре. Этот астероид осмеливается подлететь к Солнцу на расстояние всего 28 миллионов километров, что вдвое ближе расстояния от Меркурия до Солнца. Затем раскаленный на поверхности до 500 градусов астероид уходит за орбиту Марса.

Устроив в Икаре убежище, исследователи без лишних затрат энергии могли бы чуть ли не коснуться Солнца, а затем совершить удивительное путешествие за орбиту Меркурия, Венеры, Земли и Марса. Объем Икара достаточно велик, чтобы защититься от нагрева при подлете к Солнцу, что весьма затруднительно для обычного корабля. Двигаясь же по солнечной системе, Икар время от времени будет приближаться к Земле, и это облегчит смену экипажа.

Такое путешествие сегодня, конечно, еще выглядит фантастикой, но вполне научной.

— Так что через несколько десятилетий наш журнал может рассчитывать на интервью с учеными после их возвращения с астероида?

— Думаю, что со временем совершить путешествие на астероиде сможет и журналист.

У боевого «Москвича-412» № 28 участники ралли Лондон — Мехико (слева направо): Л. Потанич, С. Тенищев, гость нашей «кают-компании» слесарь-водитель экспериментального цеха Московского завода имени Ленинского комсомола Юрий Лесовский, В. Кислых, Э. Баженов, В. Широченко.

«РАЛЛИ ВЕКА»:

ОТ ПРИКЛЮЧЕНИЙ —
С ПРИКЛЮЧЕНИЯМИ

КАЮТ-КОМПАНИЯ
«Вокруг света»

Дорога и приключения всегда были накрепко связаны. Настолько, что люди давно уже занялись проблемой их разлучения — изобретали новые покрытия автострад и устанавливали посты ГАИ.

Но, оказывается, и на самых современных шоссе могут при определенных условиях происходить события, не менее захватывающие дух, чем приключения, подстерегающие спутника на пути сквозь джунгли или пустыню. Так случается, к примеру, тогда, когда на шоссе проходят автотралли. Главная цель этих всегда драматических соревнований — выявление наиболее надежных автомобилей, другими словами, цель эта заключается в том, чтобы исключить любые «драмы» при обычной езде по шоссе. Но ралли — это экзамен не только для машин, в них происходит проверка человека на выносливость, мужество, профессиональное мастерство.

У гостя нашей «Кают-компании» Юрия Иванова Лесовского целая коллекция спортивных титулов, добытых за рулем автомобиля. Он чемпион СССР по ралли и шоссейно-кольцевым гонкам. Он бронзовый и серебряный призер международных ралли «Русская зима» в 1965 и 1966 годах, призер ралли «Акрополис» в Греции, «Тысяча озер» в Финляндии, «Влтава» в Чехословакии, «Польского рейда» и так далее. Его звание — мастер спорта международного класса.

В конце 1968 и весной 1970 года были проведены два крупнейших скоростных автомобильных марафона, трасса которых пролегла в общей сложности по территории 40 стран четырех частей света: Лондон — Сидней и Лондон — Мехико. Это были самые большие автомобильные гонки в истории человечества. В них участвовали лучшие гонщики и самые совершенные автомобили со всего мира. Недаром газеты называли эти соревнования не иначе как «ралли века». Их участником был и Юрий Лесовский.

— Давайте условимся, Юрий: о ралли Лондон — Мехико уже много писали, поэтому мы не будем говорить о ходе гонок подробно. Поговорим об одном: о том, что собой представляет это знаменитое ралли для участника, для того, кто сидит в кабине. Начнем с первой минуты: старт!

— Эту минуту долго не забудешь. Представьте: лондонский стадион «Уэмбли». Перед тысячными трибунами, блестя свежим лаком, проходят парадом элегантные и мощные машины. И какие! «Форды», «мерседесы», «фольксвагены», «ситроены», «пежо», «порше», шведские «вольво», японские «тойоты» и «датсуны», итальянские «альфа-ромео» и «фиат», наконец, самые дорогие в мире английские «роллс-ройсы»! Недаром стадион встречал их так, как встречают знаменитейшие футбольные команды. 96 экипажей на автомобилях сорока различных марок один за другим скатывались со стартового помоста...

— Ну, а докатились до Мехико?

— Докатились всего 23 машины 13 марок. Среди них ни одной итальянской, японской, шведской, ни одного «порше» (ФРГ). Лишь один «мерседес» (из пяти стартовавших), один «ситроен» (из шести), один «пежо» (из двенадцати)! Картина, как видите, далеко не такая пестрая.

— И «роллс-ройсы» не дошли?

— Нет, они «кончились» еще в начале южноамериканского этапа марафона.

— Да, похоже, 26 тысяч километров трассы не всем оказались по зубам.

— Точнее, 25 тысяч 810. Из них добрая половина пришла на горные дороги — с крутыми поворотами, бесконечными подъемами и спусками, узенькими мостиками, ничем не огражденными виражами над бездной... Трасса пролегла по пяти горным массивам — Балканам, Апеннинам, Пиренеям, Андам и Кордильерам. Более 13 тысяч километров высокогорных дорог! Такого еще не бывало ни в одном из автомобильных соревнований.

Главное началось, конечно, в Южной Америке. Кто-то подсчитал, что около 1800 километров автомобилям пришлось

идти только на первой и второй передачах. Вам это, может быть, ничего не скажет, но любой шофер может подтвердить, что дело это совершенно необычное. Многие даже просто не верят, думают, будто мы здесь что-то преувеличиваем. Как известно, первая и вторая передачи служат для трогания с места, иногда — для движения в часы «пик» по городу, а чаще всего — для преодоления крутых подъемов. Быть может, не всякий пешеход знает, что эти несколько десятков метров, ну от силы несколько километров мотор работает с большой перегрузкой. А приходилось проходить сотни и тысячи километров горных дорог, да все это происходило на высоте 4 тысяч метров, где двигатели и без дополнительной нагрузки страдают «одышкой» от недостатка кислорода и по этой причине теряют до 80 процентов своей мощности. К тому же и ехать надо было быстро, иначе не уложишься в скоростную норму. Короче, выбираешь ту передачу, на которой двигатель еще «тянет», — и часами так едешь, хотя, по правде говоря, нужно иметь для этого железные нервы. За всю мою шоферскую и гоночную практику мне ни разу не приходилось испытывать что-либо подобное. Целый же ряд участков надлежало проходить с очень высокой скоростью — на трассе их было 17 протяженностью от 80 до 895 километров. В общей сложности их набралось на 5500 километров.

— С какой же скоростью вы шли на этих скоростных участках?

— Средняя — не ниже 110 километров в час.

— Но... чтобы обеспечить такую среднюю скорость, какой же должна быть максимальная? Если учесть, что у шлагбаумов, на железнодорожных переездах, при подъезде к перекресткам приходится замедлять ход или даже останавливаться...

— Расчет простой. Чтобы поддерживать среднюю в 110, надо всюду, где только можно, ехать со скоростью 140—150 километров в час. Такие нагрузки могли выдержать только самые надежные и самые добротные автомобили в мире.

— Автомобили!.. А люди?

— Мы тоже, конечно, не

прохлаждались. Достаточно сказать, что даже обычная смена колеса, которая для московского шофера суший пустяк, на высоте 4 тысяч метров требует такой же затраты энергии, какую расходует бегун на километровой дистанции. А на иных участках приходилось по пять-шесть раз менять колеса — «горели» колодки, не выдерживали бесконечных поворотов и торможений шины. Да и само вождение автомобиля в таких условиях требует колоссального напряжения, выносливости, силы воли. Но... человеческие пределы зависят во многом от нас самих. А у двигателя, хоть он и железный, есть свой определенный моторесурс, предел жизни, что ли. И «нервы», между прочим, — электрооборудование. И система питания (а бензин в Южной Америке отравительный). И «легкие», требующие кислорода. Но главное — заложенный в конструкции (и в технологии изготовления) срок службы. Вот вам пример: в Ла-Пасе, столице Боливии, срок службы автомобилей не превышает 15—20 тысяч километров пробега до капитального ремонта, то есть раз в десять меньше, чем в обычных условиях. А почему?.. Да потому, что в этом городе почти нет ровного места, а все улицы и переулки — те же горные участки: либо крутой подъем, либо такой же крутой спуск. Автомобили там все время «режут», взбираясь на первой или второй передачах на подъем, а тормоза отчаянно «визжат» на спусках. Иначе говоря, все агрегаты почти все время работают на пределе своих возможностей.

— Ну, хорошо, вот вы опять клоните к машине, а хотелось бы знать, как вы сами себя чувствовали во время такой гонки? Что происходило в шоферской кабине? Каков был рабочий день?

— Вернее сказать — «рабочие сутки». Ведь движение было безостановочным и круглосуточным. Машину мы вели с Леонтием Потапчиком попеременно. Сменялись сравнительно не часто — километров через триста-четыреста. В ралли Лондон — Сидней, помнится, приходилось сменяться чаще, чуть ли не каждые два часа — донимала пятидесятиградусная декабрьская жара в Австралии. А здесь было чуть попрохлад-

нее, да и некогда было, по правде говоря, заниматься переключками. Каждая минута была дорога... Третьим у нас был Эдуард Баженов, на него были возложены обязанности штурмана. Масса дел! Следить за легендой, за картой, за ориентирами на местности, вести расчеты графика движения, заранее предупреждать нас о всех поворотах, перекрестках, мостиках, изменениях дорожной обстановки и характера дороги.

— Следовательно, у штурмана были определенные сведения о трассе?

— Да, у него была дорожная легенда, так сказать, «данные разведки». Ведь каждая команда еще задолго до соревнований выслала на трассу своих разведчиков. Наша «разведгруппа» во главе с опытным раллистом из Эстонии Уно Аава, опережая участников соревнования на две недели, прошла по всей трассе марафона и составила подробнейшую легенду, то есть условное — в виде значков, цифр и самых разнообразных пометок — описание дороги: последние изменения ее состояния, характер покрытия, крутизна поворотов, густота серпентин и тому подобное. Имея эту легенду, штурман и руководил нашими действиями. Хотя и мы сами, конечно, тоже ее изучали. Через каждые 40—50 часов безостановочного движения участникам полагалось примерно столько же часов отдыха. Но «отдыхом» это можно было назвать лишь при избытке воображения. Очередная «порция» легенды, которую Аава пересылал нам частями, всегда ждала нас. Ее надо было изучить, переварить, «положить на ноты» заданного режима, чтобы уверенно делать следующий бросок по трассе. Я уже не говорю о времени, которое уходило на техническое обслуживание машин. Так что спать на «привалах» удавалось лишь считанные часы. А штурману и того меньше.

— А в машине спать удавалось?

— Ну, во-первых, на таких дорогах и при такой скорости не очень-то сладкие сны снятся. А во-вторых, штурману-то надо тоже дать отдохнуть. Так что отнюдь не после каждой смены можно было прикорнуть на заднем сиденье.

— Сколько же часов ваш

экипаж провел за рулем? Не считая часов «отдыха», который вы сами взяли в кавычки?

— Четыреста...

— Четыреста часов, то есть почти семнадцать суток вести автомобиль с такой скоростью по таким дорогам! Я понимаю: конечно, это большая нагрузка на машину. Но все же машина есть машина, а человек...

— Вот именно. Машина ведь только машина, с нее и спрос другой. И если она выдерживает такое напряжение, то люди, которые ее делали, вправе этим гордиться. Я, к примеру, свой «Москвич-412» получил прямо с конвейера и затем его обкатывал. Но, хоть и новый был, ему все равно требовалось техническое обслуживание. А мы в этом отношении были далеко не в равном положении с остальными участниками марафона. Не говоря уже о разветвленной сети фирменных станций обслуживания, некоторые команды имели много вспомогательных машин, огромный штат сопровождающих. А у «форда», например, была целая группа механиков, которая на самолете перелетала с места на место, ожидая свои машины, нуждавшиеся в ремонте. Причем бригада была «радиофицирована»: она по радию получала сообщения о том, какие детали надо приготовить заранее, какие дефекты в машинах выявились и тому подобное. Кроме того, сами машины у большинства участников были далеко не стандартными, не массового производства, как наши, а специально подготовленные, сильно отличавшиеся от тех, которые выпускаются в продажу. На «остин-макси» со стартовым номером двадцать я, например, видел такую рекламную надпись: «Автомобиль был полностью разобран и собран перед ралли фирмой...», и далее следовало ее название, не помню сейчас какое. Вот поэтому-то я и хочу еще раз подчеркнуть, что в этом марафоне выявились самые надежные и самые добротные автомобили в мире.

— Какие же?.. Тринадцати марок, которые дошли до финиша?

— Нет, фактически только трех, у которых результат был достаточно устойчив. Это «форд» (модель «эскорт»), английский «бритиш мотор корпо-

рейшн» и «Москвич-412» Московского автозавода имени Ленинского комсомола, где я работаю. Команды этих трех заводов выполнили основные условия зачета — из пяти заявленных к старту машин должны были прийти к финишу не менее трех. А то, что какая-нибудь одна машина дотянула до финиша, мало о чем говорит. Вернее, говорит о том, что марка недостаточно надежна. Наши же «Москвичей-412» было на финише три из пяти стартовавших. Причем и четвертая машина была вполне боеспособна, в хорошем техническом состоянии. Ее сняли с зачета только потому, что из экипажа выбыл один участник.

— Вы имеете в виду, очевидно, Ивана Астафьева?

— Да. Его машина проделала опасное сальто-мортале в 700 километрах от Ла-Паса, пролетев под откос десяток метров. Иван допустил некоторую неосмотрительность, не пристегнувшись к сиденью ремнями, и выбыл из соревнований. Но машина-то была цела! И два других члена экипажа — Александр Сафонов и Геннадий Гаркуша — остались невредимы. Я их хорошо знаю, это молодые и толковые гонщики. И уверен, что они довели бы машину до финиша, если бы им разрешили. Их машина после 16 542 километров пробега была «на ходу». Это, кстати, превышает дистанцию предыдущего ралли Лондон — Сидней, которое еще недавно все называли «ралли века».

— Кстати, об этом предыдущем ралли. Когда вы финишировали в Сиднее, ваша машина удивила всех своим внешним видом — на ней не было ни одной царапины. Об этом писали многие газеты Запада. И действительно, это поражало воображение, особенно когда сравнивали ваш «Москвич-412» с полустотней машин, пришедших к финишу с рубцами дорожных битв. Чем вы объясняете этот «рекорд невредимости»?

— Ну, прежде всего везением. Ведь никто из гонщиков не стремился получить эти, как вы говорите, рубцы. Просто им не везло в их взаимоотношениях с кенгуру, с телеграфными столбами и выбоинами. А в ралли такие опасности подстерегают на каждом шагу. Это ведь не трековая гонка, где

крутишься по замкнутой кривой, проходя ее по сто раз и изучив, как собственную квартиру. В ралли каждый километр для тебя — неизвестность. Это обычная дорога, не закрытая, кстати, для других машин, только ехать по ней раллисту надо побыстрее, да еще и не сбиться с пути. Сидишь за рулем, пляшишь глаза на дорожные указатели или в темноту, которая то и дело готовит тебе сюрпризы. Так что упрекать раллиста за всякие там вмятины и ссадины на кузове не следует. Главное, чтобы добрался в срок на КВ — пункт контроля времени.

— Но ваша машина и в ралли Лондон — Мехико после 26 тысяч километров опять была без вмятин и царапин!

— Да нет, царапины как раз были, и немало. Дело в том, что у южноамериканских бодельщиков автомобильного спорта — а их там сотни тысяч! — наша русская привычка: обязательно потрогать и пощупать нравящийся им автомобиль. Знаете, говорят: глазам не верит. Почти во всех странах Южной и Центральной Америки верят, действительно, только рукам. Въезжаешь в город и движешься в живом коридоре. Все приветствуют тебя, протягивают к машине руки и хотят коснуться ее... Честно, это приятные царапины. А что касается отсутствия рубцов, то заслуга тут, да и везение тоже, не только мое. В ралли Лондон — Сидней я ехал вместе с Уно Аава, а в ралли Лондон — Мехико — с Леонтием Потапчиком.

— Аварий было много в последнем ралли?

— Да, больше, чем бывало до сих пор в международных соревнованиях, гораздо больше. Очень опасная трасса. Вы смотрите: в ралли Лондон — Сидней финишировало 55 автомобилей. И победитель, Эндрий Кован, прибыл в Сидней с «опозданием» всего на 55 минут, то есть на всей дистанции он набрал лишь 55 штрафных очков. А победитель ралли Лондон — Мехико, финский спортсмен Ханну Миккола, пришел на финиш с 430 штрафными очками, «опоздав» более чем на семь часов. Думаю, это не потому, что Миккола слабее Кована, а потому, что трасса неизмеримо труднее. И финишировало в Мехико только 23 ав-

томобилей: отсеклось более 75 процентов участников!

— Но не все же отсеклись в результате аварии?

— Не все, конечно, но многие. Началось это еще на первых километрах пути, когда у одной из машин — это было на севере Франции — оторвалось на ходу колесо. Затем один английский экипаж столкнулся на полном ходу с грузовиком. В Югославии «моррис-1800» (женский экипаж Джин Дентон) наскочил на мотоцикла. В Южной Франции, недалеко от Авиньона, перевернулся и упал в овраг один из гонщиков экстра-класса, знаменитый Иннес Айрленд. В Испании вылетел с дорожного полотна «триумф» австралийца Джека Моррея. Но главные беды начались, конечно, в Южной Америке. Причем и удары здесь были «чувствительнее». Чемпион Европы Рене Траутман, который прошел на «ситроене» весь европейский этап марафона (7342 километра) с опозданием всего на пять минут, на аргентинском скоростном участке Рио-Гран не попал на узкий мостик, стоявший сразу за поворотом. Другой лидер, англичанин Роджер Кларк, потерпел аварию в Бразилии. Километрах в трехстах от того места, где перевернулся наш Астафьев, не вписался в поворот и вылетел с трассы победитель австралийского «ралли века» Эндрю Кован. В аргентинской пампе три автомобиля налетели на пасущихся коров и, конечно, тоже вышли из строя.

— Впечатляющий список!

— И еще далеко не полный. Но знаете, почему я об этом так спокойно говорю?.. Удивительное дело — почти все эти тяжелые аварии обошлись без серьезных человеческих травм. Почти всех спасали «ремни безопасности», которыми гонщики теперь пристегиваются к сиденьям, и «духи безопасности», устанавливаемые внутри кузова. Казалось бы, такие простые вещи, а вот вам результат.

Как ни странно, но самая тяжелая авария произошла в этом марафоне не на горной дороге, а на прекрасной автострате, ведущей из Панамы в Мехико. Произошла, когда меньше всего этого можно было ожидать, когда все трудности уже были позади. Оставалось только «докатиться», как у нас

говорят, по ровнехонькой «Пан Америкен» до финиша. Я имею в виду случаи с Кольтеллони. Это французский журналист, известный спортсмен, он уже много лет участвует в автомобильных соревнованиях, настоящий ветеран автомобильного спорта. Он знает несколько слов по-русски, и поэтому мы с ним часто разговаривали.

И вот, надо же было так случиться, ехал он не очень быстро, как раз замедлил ход, чтобы заправиться у бензоколонки, и вдруг какой-то мексиканский таксист, едущий навстречу, совершенно неожиданно тоже поворачивает к бензоколонке на полном ходу. Ну и врезался, конечно, в машину ничего не подозревавшего Кольтеллони. Представляете? На ровном месте, как говорится. А авария с очень тяжелыми последствиями: Кольтеллони отвезли в больницу, штурман его погиб... Дикая несправедливость судьбы!

Я рассказываю это не только потому, что мне очень жаль этих людей, прекрасных спортсменов, проделавших с нами труднейший путь от Лондона до Мексики. Тут есть еще одна сторона дела. Мы, гонщики, привыкли каждую аварию, о которой узнаем или свидетелями которой были, как бы «примерять» лично к себе. Понимаете ли, когда, участвуя в соревновании, вы, пусть даже с риском, мчитесь по самой трудной и опасной дороге на пределе сил, с огромным напряжением, то все в ваших руках: ваша жизнь, ваша победа зависят только от вас, от степени мастерства, тренированности, от того, насколько вы умело и добросовестно подготовили машину. Вы можете соразмерять степень опасности со своими возможностями. И если даже вас постигнет неудача — от этого ведь никто не застрахован, — то, при всей горечи поражения, при всех сопутствующих ему потерях, вами, по крайней мере, приобретается опыт, остается возможность проанализировать свои ошибки, понять причину происшедшего, извлечь урок на будущее. А вот когда так, как у Кольтеллони, в дело вмешивается слепой, неуправляемый случай...

— Судя по тому, сколько громких имен вы назвали, в составе участников марафона было немало гонщиков высокого

класса. Кого из них вы считали своими основными соперниками?

— Большинство знаменитостей — а их действительно там было не мало — шли на машинах другого класса, чем «Москвич-412», более мощных, а следовательно, более дорогих, чем малолитражный автомобиль. Перед нами и не стояла задача — соревноваться с ними в индивидуальном зачете. Главное в этом ралли — командный зачет. Именно для этой цели, скажем, фирма «форд-эскаорт» пригласила в свою команду лучших гонщиков мира. Из одних «звезд» были скомплектованы также и команды «триумфа» и «ситроена». Слабых противников в этом марафоне вообще не было, он так и сверкал именами и титулами. В своем классе мы заняли второе, третье и четвертое места.

— Скажите, Юрий, что за история произошла с вашим экипажем после Ла-Паса? Вы долгое время шли, занимая первое место в своем классе, второе место тоже было за советским экипажем, и лишь на третьем месте был женский экипаж автомобиля «остин-макси» во главе с Розмари Смит. И вдруг вы галантно уступили ей первое место, перейдя на второе.

— А вы видели, как она ходит? Смит — профессиональная гонщица, я ее еще по ралли Лондон — Сидней запомнил. Тут, знаете ли, не до галантности было... А еще сильнее, чем она, — французская гонщица Клод Траутман, жена европейского чемпиона. Мы искренне восхищались мастерством и отвагой этих женщин.

Но, по правде говоря, когда в Ла-Пасе и в Лиме выяснилось, что в нашей команде осталось всего три автомобиля, мы решили не рисковать без особой нужды. Ведь главная задача, как я уже говорил, была победить в командном зачете, дойти обязательно тремя зачетными машинами до Мехико.

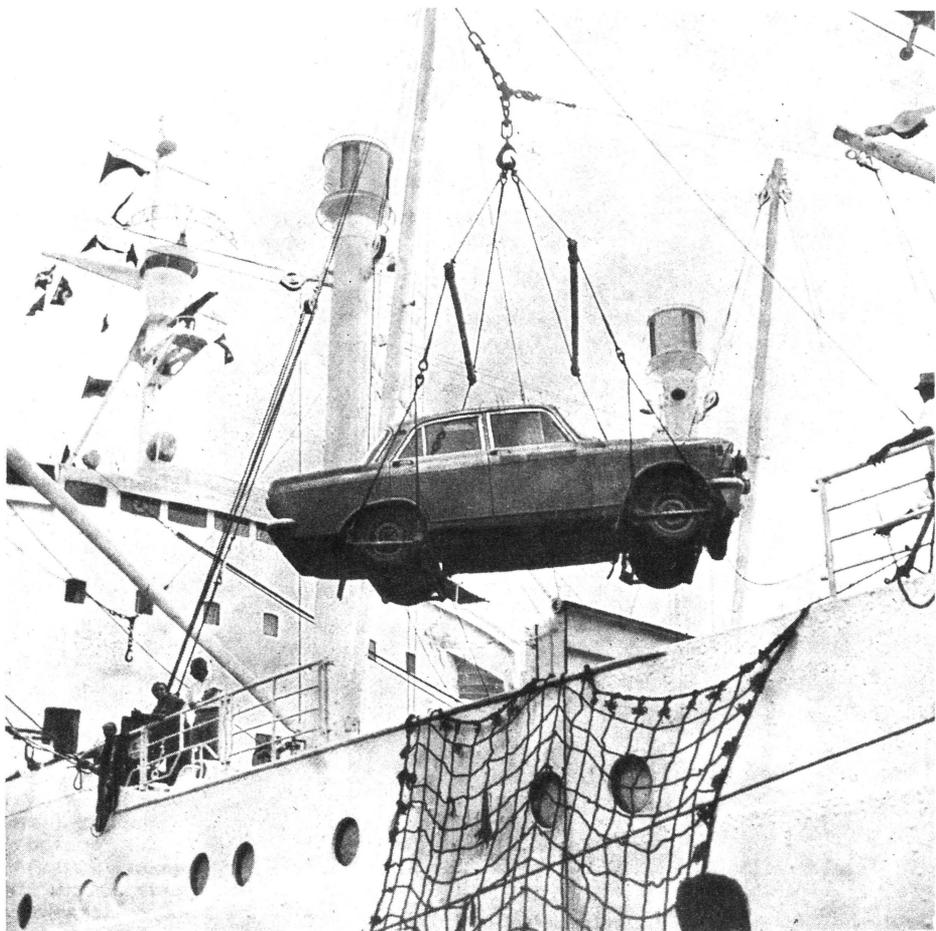
— Судя по вашим рассказам, гонщикам пришлось всего повидать: в Аргентине было жарко, а в южной части Бразилии холодно, в Боливии и Перу пришлось «поголодать», хотя кислородных масок вы так и не надевали. И все же главную трудность представляла, наверное, сама дорога. Скажите: если бы вас сейчас спро-

силы — где вам особенно не хотелось бы проехать еще раз, — какой участок вы назвали бы?

— А на этот вопрос уже ответил один из победителей марафона, швед Гуннар Пальм, ехавший штурманом в экипаже Ханну Микколы. Он сказал: «Вряд ли кто из прошедших «Дорогу инков» согласится добровольно пройти ее еще раз». Он имел в виду, конечно, «пройти» в темпе гонки, как мы. Вообще-то там изумительно красивые места, но для нас это был всего лишь скоростной участок протяженностью 895 километров — от столицы древних инков Куско до городка Хуанкайо. Мы проехали мимо озера Титикака и устремились вверх по этой самой «Дороге инков». Высота — около 4 тысяч метров. Двигателям (да и нам тоже!) не хватает кислорода, потери мощности достигают 60 процентов. А дорога — вся! — состоит из одних подъемов и спусков, закрученных донельзя. По-моему, там и метров пятидесяти прямой дороги не сыщешь. Грунт каменистый, скалы, много обвалившихся обочин. В одном месте, сразу за «слепым поворотом», дорога обрывается в тысячеметровую пропасть. Нормативы же скорости, заданные на прохождение этого участка, были таковы, что даже и взглянуть туда, в эту пропасть, не было ни минуты времени. Только слышишь, как камни, вылетающие из-под колес, опускаются за дорогой, как в вату, то есть не ударяются обо что-то, а долго-долго летят вниз, и звук от их приземления сюда уже не доходит. Зато сплошь и рядом слышишь другой «каменный концерт»: на некоторых участках камни выбивают о днище автомобиля самую настоящую дробь.

— Может, эта «Дорога инков» потому показалась такой тяжелой, что уже сказывалась усталость? Ведь перед Перу вы оставили за спиной около 17 тысяч километров тоже не легкого пути.

— Может, вы и правы. Тем более что седьмой скоростной участок в Бразилии, или «Уругвайский прайм», на котором разбился Рене Траутман, или двенадцатый скоростной участок в Аргентине были не менее трудными и опасными, чем «Дорога инков». Да и отсез

Единственный затяжной «перекур» за все время напряженного ралли устроил гощикам и машинам Атлантический океан. Неделю «Москвич» отдохнет в трюме, а там — снова дорога, через Анды — к финишу.
Фото Ю. ЧЕРНЯТИНА.

участников на них был не меньше, но все-таки «перуанские кошмары» будут мне еще долго сниться. Ну, представляете, перед вами пропасть в тысячу метров, а на дороге нет даже пары оградительных столбиков! А вы ведь не просто стоите тут и любуетесь, а, между прочим, влетаете сюда на хорошей скоростенке!

— Что же остается в памяти от такого гигантского марафона? Кроме впечатлений, разумеется.

— Кроме впечатлений?.. Чувство благодарности. К моим товарищам, с которыми вместе перенес все невзгоды путешествия, к нашему тренеру Роману Александровичу Чертову, к объединению «Автоэкспорт», хорошо организовавшему наше участие в ралли, а главное —

к нашему заводскому коллективу, выпускающему такие хорошие автомобили.

— Но вот вы, наконец, в Мехико. Позади — дорога, приключения, которые удалось и не удалось избежать. Позади, наконец, полмира. О чем вы подумали, Юрий, когда успели «отдышаться», когда улеглись волнения и спортивные страсти?

— Видите ли, ярких и самых разнообразных впечатлений такая долгая дорога оставила, конечно, немало. Впрочем, одно чувство появлялось порой и во время нашей бешеной гонки — желание побывать в этих местах еще раз. И проехать по ним уже не спеша, как едет, скажем, турист.

Беседу вел Ю. КЛЕМАНОВ

«**В**амое поразительное то, что там ничто не поражает...» Эта фраза коллеги-журналиста, возвратившегося из Греции, звучала у меня в ушах, когда я бродила в первый день по афинским улицам. Слово потерявшаяся охотничья собака, скиталась я по городу, который люблю уже давно и преданно. Последний раз я приезжала сюда четыре года назад — до переворота. И сейчас я старательно всматривалась во все, силась ухватить, увидеть изменения. Но нет. Внешне все выглядело, как прежде. Заполненные кафе. Пузатые туристские автобусы. Не больше, чем обычно, полицейских на улицах. Старик, увешанный гирляндами губок, зычно предлагает «дары моря».

БРИЖИТ ФРИАН,
французская журналистка

МОЛЧАЩАЯ

— У вас не хватает профессиональной наблюдательности, — говорит мне моя спутница. — Обратите внимание, сколько новеньких легковых машин. И за рулем непременно офицеры.

Марика (назовем ее так) права. Действительно, стало гораздо больше легковых авто, часто встречаются дорогие американские марки. Военные, обретя власть, сменили на всех ступенях гражданскую администрацию, получая громаднейшее жалование. Сегодня это не только самая влиятельная, но и самая богатая прослойка. Провозглашение хунтой «оздоровления нации» означает прежде всего ограбление нации военной кастой.

— А как в этом году с бойкотом туризма?

Улыбка Марики свидетельствует о беспредельности моей наивности. Когда прошло первое замешательство, туристские конторы Европы и Америки вновь повезли своих клиентов «смотреть на

С. С. СМЕРНОВ, лауреат Ленинской премии, председатель Советского комитета солидарности с греческими демократами

РАСКАТЫ БЛИЗКОЙ ГРОЗЫ

Акрополь»: в конечном итоге судьба туземцев — это ведь их личная судьба... Из стран Запада только шведы и датчане откликнулись на призывы греческих антидиктаторских комитетов за границей и отказались от летних маршрутов в Грецию.

В прошлом году греческий военный режим предложил иностранным банкам делать вложения в страну «на интересных условиях». Результат? Цифры капиталовложений американских банков, в частности, достигли нескольких сот миллионов долларов. Механизм этого явления разъяснил мне в Афинах один экономист, уволенный с работы после переворота 1967 года:

— Проценты, получаемые иностранными банками в силу этих условий, выше, чем в любой другой

ГРЕЦИЯ?

европейской стране. Полковники пошли на это не только для того, чтобы иметь деньги, но и обещать себе в какой-то мере признание Запада. Неважно, что за эти кредиты придется расплачиваться втридорога. Иностранцы капиталы — весомая подпорка и гарантия их будущего.

Таким образом, экономический и моральный бойкот режима, к которому призывали греческие политики в эмиграции, не выдержал конкуренции с «интересными условиями».

— Ладно бы речь шла о банковских вкладах. Но вооружать этих господ катерами-ракетоносцами и самолетами! — сказал мне молодой писатель, только что выпущенный из тюрьмы, где он провел год по подозрению в распространении запрещенной литературы.

Характерная черта: все, с кем сводила меня Марика, поголовно все, говорили не «полковники»,

а только «эти господа». Наши встречи были бы невозможны без ее помощи. Когда я пыталась заводить разговор сама, мне отвечали смутными улыбками, пожатием плеч или просто подозрительными взглядами. Греки молчат. Я уже знала об этом из уст побывавших за эти три года в Греции. Молчал деревенский поп в Фессалии, докер в Пирее, молчал лавочник в Салониках. Если бы не дружба с Мариной — до 1967 года сотрудницей молодежного журнала, а теперь гидом, — при встречах с греками я была обречена на монолог.

Греки устали страдать. Это понимаешь, вспоминая о двухстах тысячах умерших от голода во время оккупации, о жертвах террора после гражданской войны. О сменявших друг друга диктаторских и полудиктаторских режимах. Каждое подобное потрясение заканчивалось тем, что наиболее динамичная, активная часть населения, в особенности молодежь, оказывалась в тюрьмах или концлагерях на островах Эгейского моря. Несколько поколений в этой стране отдали в жертву своих сыновей и дочерей.

Мы обошли с Мариной несколько знакомых домов, где Греция не молчала. Мы приходили туда поздно вечером, тщательно следя за тем, чтобы не привести за собой «хвост». Уже самое появление его означало бы большие неприятности. Днонос может привести прямиком в тюрьму по обвинению в «предательстве высших интересов нации».

Люди исчезают. Чаще всего без всякого суда. Их держат когда неделю, когда год. Никому не известно, по чьему приказу их арестовывают, по чьему приказу выпускают. Официально власти заявляют, что в стране нет политических заключенных. Однако известно, что уже не менее 60 тысяч человек отбыли срок в лагерях «превентивного заключения». Те, кто возвращается, зачастую неохотно рассказывают о случившемся. У многих виноватый вид, будто они совершили нечто недостойное.

Я поняла причину этого стыдливого молчания, когда вечером после тысячи предосторожностей выслушала рассказ одного студента.

Есть у греков народный танец «Залонго». Группа женщин, взявшись за руки, ведет хоровод, исполняя странную, словно полную мрачного упорства, песню. Эти танец и песня — рассказ о действительно историческом событии. В давние годы борьбы против турецких поработителей гречанки из одной деревни, что близ горы Залонго, узнав, что их мужья пали в бою, решили: ни они сами, ни их дети не должны жить рабами. Они поднялись на гору и бросили детей в глубокую пропасть. А потом затянули старинную песню и завели на

краю пропасти хоровод и после каждого куплета та женщина, которая оказывалась у самого края, кидалась вниз. И так — пока все они не погибли.

Залонго — это воплощение непримиримости характера греческого народа в борьбе за свободу. За нее на протяжении всей своей истории греки бестрепетно отдавали жизни миллионов своих лучших сынов и дочерей.

Со времен турецкого ига история Греции не стала менее трагической. Быть может, она еще более трагична в наши дни. До второй мировой войны — цепь фашистских и полуфашистских правительств — верных псов крупной олигархии, продававшей и предававшей свой народ. Потом гитлеровская оккупация и славное Соппротивление, душой которого были коммунисты. А когда при-

ДОСЬЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

— Они сделали меня предателем. Я никогда не прощу им, — он шепчет, стиснув зубы. Бледный юноша, совсем негероического вида. — ...Я не выдержал. Я не мог вынести. Никогда, никогда я не прощу им этого. Вы должны рассказать, до какой низости доводят эти господа честных людей.

Он рассказал мне час за часом историю своего ареста.

Его взяли днем, когда он возвращался с лекций домой, — на дороге его нагнала машина, и ему велели сесть в нее. Первый допрос был в районном участке асфалии — политической полиции. Уполномоченный по расследованию подрывной деятельности среди молодежи сказал, что к нему лично у них претензий нет. Ему нужно продолжать учебу, получить профессию и «стать полноценным членом общества». Цель же провокаторов, уговоривших его распространять листовки, — свергнуть страну в анархию и отдать ее под власть иностранных держав. Провокаторы — трусы. Сами небось спрятались по углам, а его, студента, заставили отдуваться.

Студент молчал. Тогда в ход пошли угрозы. Уполномоченный сказал, что его завтра же выгонят из университета, сошлют на острова, он навсегда останется «подозрительным элементом», не найдет работы. Студент молчал. (Друзья говорили ему, что лучше всего молчать и не вступать с ними в разговор.)

Тогда уполномоченный и его помощник стали по очереди бить его кулаками по лицу, крича, что он агитатор и с ним надо расправиться: «Кто велел тебе подкидывать листовки? Кто дал тебе их?»

Люди из асфалии повалили его на пол, сорвали туфли, продели ноги сквозь спинку стула, положенного на бок, и стали бить палками по пяткам. Эта пытка — «фаланга» — была известна еще в глубокой древности. Так наказывали беглых рабов.

Они били его с полчаса. Сломалась палка. Он кричал от боли, утирая искушенные в кровь губы. Они подняли его и сказали, что, если он не скажет сейчас же, кто подстрекатели, ему будет так плохо, что он пожелает еще не раз, что молчал.

Студента повезли в здание на улице Бубулинас. Название этой улицы звучит в Афинах так же мрачно, как четверть века назад для парижан звучала улица Ларистон — там помещалось гестапо... В асфалии на улице Бубулинас истязают, так сказать, стационарно, на специально оборудованных коз-

лах, где металлические кандалы удерживают ноги истязаемого в определенном положении. Били железными палками, не снимая ботинок с ног. Боль приходила сквозь тело и впивалась при каждом ударе в мозг. В углу валялась груда обуви — когда разлетались подошвы, палачи натягивали на ноги новые башмаки.

Через каждый час его отвязывали и заставляли бегать вокруг козел — это не дает человеку свыкнуться с болью. Как видите, отточенная техника, свидетельствующая о глубоком знании предмета. Студент уже не мог стоять на ногах, его все гоняли, пиная ногами по позвоночнику.

Его начали бить в девять вечера. В пять утра он сказал, кто дал ему листовки... Его завернули в одеяло и швырнули в подвал. Там он пролежал два дня без воды и без пищи. Камера была длинной метр восемьдесят и шириной метр двадцать. В уборную ему разрешили пойти только на пятый день. Он полз по коридору на четвереньках, не в силах подняться на ноги.

Двадцать дней его держали на улице Бубулинас. Потом перевели в тюрьму Авероф. Увидев нары, он заплакал от счастья: можно будет спать не на цементном полу. В этой крупнейшей афинской тюрьме он провел сорок пять дней, прежде чем было подготовлено его «дело». Суд приговорил его к двадцати годам исправительных лагерей. Перед студентом разверзлась бездна.

Через пять месяцев пребывания в лагере на острове Энгин его вдруг выпустили и разрешили отправиться домой, взяв подписку о том, что он обязуется «хорошо вести себя». Иначе приговор вступит в силу в полной мере.

(Это тоже входит в планы полковников — рассказы выпущенных заключенных должны отпугнуть молодежь от участия в антидиктаторских акциях.)

Осенью он возобновил занятия. У себя дома. В принципе его не исключили из университета. Но каждый раз, как он являлся за получением студенческого билета, его просили «зайти через неделю». И так в течение года.

Из университета уволены профессора — больше одной пятой общего количества. Уволенные не имеют права преподавать, не могут даже давать частные уроки. То есть официально это тоже не запрещено, но какой родитель поведет ребенка к учителю, уволенному за «подрывную деятельность»!

шло наконец освобождение, добытое руками народа, приплыли на английских военных кораблях эмигранты, отсиживавшиеся вдали, и в страну на британских штыках вернулась к власти олигархия. Последовала долгая и кровопролитная гражданская война, вновь сменяли друг друга диктаторские и полудиктаторские правительства; когда же народ своей упорной политической борьбой начал добиваться признания своих прав и возникла реальная возможность установления демократии, тогда по знаку заокеанских хозяев был совершен военный переворот. Власть в стране захватила хунта

черных полковников, среди которых преобладали бывшие пособники гитлеровцев.

Они раздавили танками и расстреляли из пулеметов молодые всходы демократии, они наполнили тюрьмы и концлагеря коммунистами, лучшими борцами за свободу, они снова вернули в полицейский обиход самые изощренные фашистские пытки. Но сломить волю греческого народа они не могут.

Французская журналистка Брижит Фриан пишет, что внешне в Греции все спокойно, ничто не говорит о близящихся переменах. И

действительно, туристу, приехавшему на пару недель в эту страну жестокого военно-полицейского режима, трудно разглядеть истинную картину греческой жизни. И все же Брижит Фриан успела расслышать шепот Греции, порабожденной, однако не покорившейся, расслышать отголоски стон из пыточных камер асфалии и гневно-презрительное «эти господа» из уст самых разных людей. Пусть этот голос народа, не успешшего пока опомниться от ошеломляющего удара полковничьей дубинки, звучит еще приглушенно, но это голос народа, сохранившего в себе свободулю-

Ни одна фирма не может принять на работу сотрудника, уволенного с государственной службы после переворота 1967 года без справки о благонадежности, выдаваемой асфалией.

Грандиозное чистилище затронуло многих людей, не причастных ни к какому общественному движению. В приступе подозрительности хунта расправляется со всеми, кто не понравился ей. Порой поражает бессмыслица многих акций нового режима.

Вот случай с инженером-электриком П. Он родился в 1940 году в греческой семье, жившей в Каире, и впервые ступил на родную землю в возрасте двадцати лет. После переворота 1967 года его уволили из афинской мэрии. Мотив? Заменявший мэра офицер заявил инженеру: «За участие в коммунистическом движении во время и после войны».

— Кстати сказать, — замечает инженер, — все участники греческого Сопротивления записаны нынешним режимом в коммунисты и находятся под подозрением. Речь не идет, разумеется, обо мне — мне было тогда три года от роду. Но если вспомнить, что глава полковников — Пападопулос — во время войны был в «тагмата асфалиас» — греческих подразделениях, сформированных фашистами для борьбы с партизанами, этому не приходится удивляться.

Продолжая свой рассказ, П. нарисовал мне сцену своего разговора с губернатором. Когда инженер сказал, что играл в песочек у подножья пирамид во время Сопротивления и учил первые буквы алфавита во время гражданской войны, градоначальник в мундире веско ответил ему:

— Возможно, вам не известно, что вы коммунист, но вполне достаточно того, что мы об этом знаем.

...Мы выходили из дома по двое, один через парадный ход, другие по черной лестнице. В гостиницу я шла с Марикой пешком. Мы остановились на углу улицы, где расположен мой отель: Марика не хотела, чтобы портье видел ее в компании иностранки.

На улице разговор уже не клеился. Мы молчали. Стрекотали только американские старушки-туристки в слишком коротеньких юбочках и слишком широких брюках.

Перевел с французского У. БАХМЕТЬЕВ

бивый дух Залонго, собирающего вновь силы для борьбы.

Нет, Греция не молчит. Пока она еще говорит вполголоса. Но ее громкое гневное слово впереди. И как в греческой классической трагедии хор подкреплял слова героев, так сейчас слова возмущения, звучащие в Греции первыми раскатами будущей грозы, мощно поддерживает хор людей, солидарных с борьбой демократов сегодняшней Эллады, хор всех людей доброй воли, хорошо знающих, что такое фашизм, в каком бы — коричневом или черном — мундире он ни являлся.

ОПЕРАЦИЯ «МОРЕПЛАВАТЕЛЬ»

На скалистые берега Британских островов начала наступление целая армия орнитологов — больше 1000 человек. Правда, предварительно им пришлось срочно переквалифицироваться в скалолазов, так как без этого они просто не смогли бы выполнить главную цель операции «Мореплаватель» — провести детальное описание гнездовых бесчисленных стай водоплавающих на побережье Англии. В рамках этой операции орнитологам предстоит точно определить количество птиц, обитающих в различных районах побережья, а также составить прогноз их развития.

В качестве названия операции была выбрана древняя английская поэма VII века «Мореплаватель», описывающая жизнь прибрежного района в ту отдаленную эпоху, когда немногочисленные местные жители не оказывали еще никакого влияния на жизнь пернатых. Увы, с тех пор влияние человека на условия жизни водоплавающих птиц на побережье Англии резко изменилось, причем в худшую сторону. В середине прошлого столетия после многих веков бесконтрольного уничтожения водоплавающих ученые наконец осознали, что пернатым грозит исчезновение. В рамках мероприятия Британской ассоциации содействия прогрессу науки крупнейшие орнитологи того времени успешно провели кампанию по охране птиц. Ее итогом явился специальный закон, который в 1869 году впервые определил меры по защите пернатых, дополненные еще одним законодательным актом в 1880 году.

Тем не менее над водоплавающими птицами британского побережья сегодня нависла серьезная угроза. С одной стороны, мероприятия по их охране вызвали слишком сильное размножение некоторых пород, в частности чаек, питающихся зимой хозяйственными отходами на окраинах ближних городов. С другой — сельскохозяйственные пестициды, промышленные отходы и другие загрязнители, стекающие в море, отравляют пищу птиц. Накапливаясь в организме, они пагубно сказываются на цикле размножения. Так, в настоящее время яйца некоторых водоплавающих настолько отравлены, что не годятся больше в пищу человеку.

Еще опаснее для птиц загрязнение моря нефтью, спускаемой из трюмов танкеров во время промывки танков. Исследование мертвых птиц, выброшенных волнами на берег, показало, что ежегодно в Англии нефть убивает от 50 тысяч до 250 тысяч птиц. Больше всего подвержены отравлению ныряющие пернатые. Чайки же и другие виды, которые питаются с лета, страдают несколько меньше. Быстро уменьшаются и колонии пингинов. Например, на берегу Ламанша они уже вообще исчезли.

Хотя опасность для водоплавающих птиц возникла не вчера и не сегодня, по-настоящему внимание к этой проблеме было привлечено лишь после «черного прилива» 1967 года, когда вылившаяся из танкера «Торри Кэньон» нефть стала причиной гибели несметного числа птиц. Именно после этого из фонда по охране всемирной фауны были выделены средства на проведение нынешней операции «Мореплаватель». Ее итогом должно стать составление подробных карт распределения птиц на побережье Англии с указанием их количества и стадии развития. Дополнительными сведения помогут в некоторых случаях определить причины их гибели, прийти птицам на помощь, а главное — привлечь внимание общественности к необходимости борьбы с грозящими птицам опасностями.

Ночной из столицы про-
ходит в два часа, сень-
ор, и если вы хотите
немного отдохнуть, зайдите сюда,
в багажную, и располагайтесь на
мешках с кукурузой. Не извольте
беспокоиться, клещи в ней еще не
завелись — урожай нынешнего
года.

Видите, сеньор, разъезд у нас
не больно оживленный, всего
только и есть что вон те до-
мишки у ельма. И больше ниче-
го. Сейчас едва пробило девять,
а свет везде уже погашен, горит
один фонарь на платформе. Рельсы
с обеих сторон сразу же
теряются во тьме, а в лужах
под мостом сонно квакают ля-
гушки.

Не пугайтесь! Ничего удиви-
тельного, если эти протяжные и
жалостные вопли вам действуют
на нервы. Их ветром доносит от
тупика. Там, полкилометра отсю-
да, стоит поезд со скотом. Сами-
то мы привыкли настолько, что и
не замечаем, а вот поначалу...

Первое время, когда меня пере-
вели в дешнее чистилище, я пе-
реживал, как и вы. Ночами не
спал, все мучили кошмары. Наш
поселок скудеет, дела идут под
уклон, и, говорят, в наказание за
то, что быки мучаются в тупике.
Чуете, как оттуда несет навозом?

Ну вот очень хорошо, вы вяли
моему совету. Устраивайтесь по-
удобнее. Теперь не побрезгуйте
самокруточкой из кукурузного
листа, а я разожгу мою старую
трубку. У вас нет огонька? За-
был кресало на столе у телегра-
фа. Спасибо!

На нашем разъезде пассажира
видишь не чаще раза в неделю.
И уж коли появляется такой че-
ловек, как вы, грех упустить слу-
чай. Поговоришь и снова увере-
ешь, что и в тебе есть христиан-
ская душа, как у людей. Знаете
что, пока мы тут с вами сидим
вдвоем (при тусклом свете керо-
синовой лампы так уютно! Вер-
но?), расскажу-ка я вам историю
про святого. Просто чтобы время
скоротать.

Да, да, про святого. Он пришел
в наши места года два назад. Ага,
гляжу, вы заинтересовались! Ну,
тогда слушайте! Как-то явился
сюда неведомо откуда здоровен-
ный малый, рыжий и с такими вот
длинными, до колен, руками. Он,
должно быть, долго сидел в тюрь-
ме или скитался по лесам, пото-
му что, похоже, совсем разучился
говорить. В поселке он сразу при-
влек к себе внимание. Мы виде-
ли, как он ушел в сторону тупи-

Рисунки В. КОЛТУНОВА

„СВЯТОЙ“

А ФОНСО ШМИДТ,
бразильский писатель

ка, а на другое утро стрелочник
рассказал нам удивительные ве-
щи. Вы ведь не знаете, что у нас
за тупик? Нет? Ну, значит, надо
вам объяснить.

Для нас-то это пустыки. При-
вычное дело. Наглядись на эти
страсти, и сердце грубеет. Пред-
ставьте себе, у поселковых ребя-
тишек сызмала заметны дурные
наклонности — и все из-за тупика.
Чтобы вам понять — быков в сто-
лицу и другие города везут из
Триангуло в узких вагонах, мы их
зовем клетками. Животных ставят
поперек клетки вплотную одного
к другому, и те, что покрупнее,
едут скрюченными несколько дней.
Дорога долгая, остановки на каж-
дом шагу. Здесь, на разъезде, но-
чевка.

Поезд со скотом приходит к за-
кату солнца и загоняется в тупик
до следующего утра. В шесть
двадцать пять он снова трогает-
ся в путь. Пока скотину довезут
сюда, она проведет в клетках не
одни сутки — и впереди ее ждет
еще столько же. За дорогу от

толчков взад и вперед, от слабо-
сти, усталости, болезней быки ва-
ляются на пол и ранят друг друга.

Многие ломают рога, бывает, не-
которые срывают копыта и опира-
ются на конец кровотокающей ко-
сти. У кого поломаны ноги, у ко-
го вытекли глаза... Погодите, это
еще не все. Им столько дней под-
ряд не дают ни есть, ни пить, а
в жару внутри клетки можно яй-
ца печь! Словом, страданиям кон-
ца нет.

Рыжий, проходя мимо тупика,
был ошеломлен душераздирающим
мычанием. Ему не хватило духу
бросить страждущих, и он остал-
ся при быках, чтобы хоть чем-то
смягчить их муки.

Когда приходил поезд с жи-
вым грузом и состав заводили в
тупик, он, вооружившись старым
ведром, принимался носить воду
из ручья и понть животных. Пе-
реходил от одного к другому, бор-
моча какие-то слова, и те, каза-
лось, их понимали. Затем он ра-
здавал сено, накошенное за день,
и через несколько часов мычание

стихало, а блаженный отправлялся спать у костра, который не гаснул ни в ветер, ни в дождь.

Чем он жил — не знаю. Правда, машинисты делились с ним остатками из своих котелков, а дети по дороге в школу бросали ему завтраки.

Все мы постепенно к нему привыкли. Он был вроде как на должности ангела-хранителя быков. Но в прошлом, дай бог памяти, году к открытию охотничьего сезона на разъезде высадилась веселая компания городских охотников. Они поставили палатки неподалеку от тупика и провели в них шумную ночь: с гармошкой, жженкой и танцами. Говорили, что не обошлось и без женщин. Рыжий был у них вместо шута. Пользуясь его слабоумием — чем, если не слабоумием, объяснишь такую преданность бедняги животным, — они устроили себе развлечение.

Один из охотников сказал:

«Сделаешь все, что я прикажу, и я поставлю тут человека, чтобы он заботился о каждом быке. Ты знаешь, что я хозяин поезда?»

Рыжий принял его слова за чистую монету. Он был доверчивый, хуже грудного младенца. И вот началась потеха, которая переполошила всех в округе.

Ему кричали:

«Рыжий, скачи на одной ноге!»

Гигант принимался прыгать, как мартышка.

«Рыжий, прыгай в ручей!»

Рыжий кидался в грязь.

«Рыжий, выпей единым духом стакан водки!»

И он пил без разбора, пока не свалился замертво на землю.

На следующий день толпа плясунов постреляла в лесу и вернулась в город, подвесив к поясу множество пичужек, наших самых сладкоголосых певуний. Когда охотники садились в вагон, их восторженно приветствовали другие пассажиры.

После отъезда гостей Рыжий уселся на камень возле костра и стал ждать, когда те выполнят свое обещание. Однажды его нашли мертвым. Путьские выкопали яму рядом с тупиком и похоронили его.

Сейчас в округе поговаривают, что он был святой. Знаете почему? Подойдите-ка сюда к двери и поглядите вон туда, где самая тьма. Видите там затерянный огонек? Это костер Рыжего. Его-то, я уже сказал, давно нет, но свет, который он оставил на земле, так и не погас. Уже идут слухи о чудесах. Глупости, конечно.

Перевел с португальского
В. СОВОЛЕВ

Л. ОЛЬГИН

НАСЛЕДСТВО СЕНАТОРОВ

...Казна пустовала. Один за другим поднимались отцы-сенаторы и звучною латынью излагали различные проекты укрепления — с наименьшими затратами — берегов Тибра. Во многих местах своенравная река подмывала берег, и мутная вода затопляла притибрские кварталы, а посему меры надлежало принять самым срочным образом. Но при отсутствии средств и лучшие проекты останутся лишь словами. И тогда встал один сенатор. В руках он держал обычный глиняный горшок, такой, в которых жены плебеев готовят каждый день похлебку. Горшок был закопчен, и в дне его зияла дыра. Плавным жестом сенатор указал на сосуд, произнеся лаконично:

— Вот что спасет берег.

Сенаторы недоверчиво хмыкнули, оратор же развил свою мысль:

— Как известно вам, о отцы-сенаторы, древнеримская наша казна пуста.

Мы же тибрские бреги должны укрепить, город спасти для себя и потомков. Эту задачу на плечи потомков взвалить предлагаю.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

Способ и прост, и хорош, и нам перебиться позволит. Мусором римским обильным слабый наш берег укрепим.

Нету цены у горшка, в наших глазах он ничтожен. Лет же две тыщи спустя каждый его черепок звонкой монеткою станет.

Нам остается одно, нам и близким нашим потомкам — и черепок, и горшок, и тоги пурпурной обрывок, и ржавый ошейник раба, и воина сломанный меч, все в порядке собрав, до нужных времен сохранить.

Дальний наследник, в деньги горшки обратив, тибрские бреги скует, в камень их прочный одев...

Сенаторы зааплодировали. Проблема была решена.

Каемся — этой сцены не было. Но то, что произошло очень много лет спустя, заставило нас подумать, что они, древние сенаторы, были прозорливы настолько, что предусмотрели все на две с половиной тысячи лет вперед.

А было вот что. Сенат решил весь городской мусор свозить в определенные места на берегу Тибра и складывать там, усердно утрамбовывая. Этим убивали двух зайцев — укрепляли берег да и Рим избавлялся от мусора.

Минули века. Империя сменила республику. Каюли в небытие трибуны и консулы. Но действовало по-прежнему указание о мусоре: каждый день его вывозили, собрав по городу, в указанный место и там усердно утрамбовывали.

И вырос на берегу Тибра высокий холм, который римляне называли «Коллина-ди-Теста», что значило «Холм глиняных горшков». К нашим дням о происхождении названия забыли, холм же Коллина-ди-Теста порос кустами и деревьями, превратился в излюбленное место отдыха римлян.

День, когда некий предприимчивый любитель археологии задумался над странным названием, можно считать началом гибели холма. Тем же вечером вонзилась в землю лопата, и очень скоро пошли по домам археологи-любители, пошатываясь под тяжестью мешков с добычей.

Чего здесь только не было! Битые (древнеримские!) горшки, поломанные (древнеримские!) статуэтки, гнутые (древнеримские!) гвозди и многое, многое другое.

Спустя очень короткое время набеги непрошеных археологов превратились в бедствие. Холм напомнил собой миниатюрную Аляску времен золотой лихорадки. Срочно столбились участки. Чичероне за умеренную мзду приводили туристов, а те, уплатив пять-десять долларов хозяину участка, брались за лопату и через пару минут превращались в счастливых обладателей античных сувениров, выкопанных собственными руками.

Наиболее предприимчивые дельцы приобрели уже небольшой экскаватор и...

...Тут бы холму и конец, да опасность помогла: Тибр, не изменивший за тысячи лет капризный характер, снова приготовился ринуться на ослабевший берег. Газеты забили тревогу. Далекие потомки отцов-сенаторов вновь столкнулись с той же проблемой, что, и их предки.

И тогда-то отцы города приняли решение: объявить все находящееся в недрах холма собственностью города, участки для раскопок сдавать по высокой цене, взимать особо деньги за каждую найденную вещь, а вырученные деньги пустить на укрепление берега современными средствами...

МОСКВА, ЛЕБЯЖИЙ ПЕРЕУЛОК...

Если вы любите путешествовать, советуем запомнить адрес: Москва, Г-19, Лебяжий переулок, дом 4. В этом доме работает Бюро международного молодежного туризма «Спутник», которое организует интересные путешествия не только в зарубежные страны, но и по всей территории нашей огромной страны (о чем вы, конечно, знаете, если останавливались взглядом на четвертой обложке журнала «Вокруг света»).

Отделения «Спутника» имеются во многих областных центрах и столицах союзных республик.

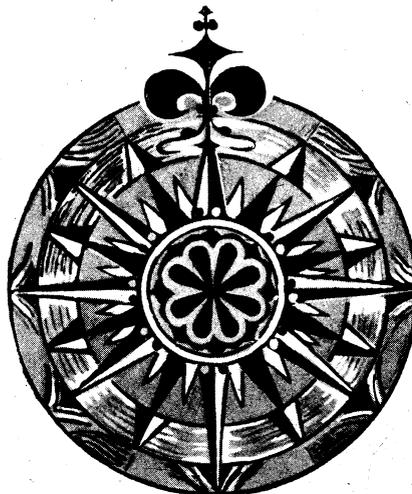
Допустим, вы свободны пять-шесть дней. Это немало, конечно. Но даже за это короткое время с помощью «Спутника», имея в кармане 19—25 рублей на путевку, вы сможете познакомиться с одним из наших городов — будь то Москва или Ленинград, Тбилиси или Баку, Ереван или Таллин, Ульяновск или Киев, Казань или Новосибирск, Львов или Волгоград и т. п. На пять-шесть дней рассчитаны и такие маршруты: Минск — Брест — Беловежская Пуца, Рига — Саласпилс — Взморье, Куйбышев — Тольятти, Свердловск — Первоуральск, Вильнюс — Каунас, Ташкент — Самарканд — Бухара, Иркутск — Братск и т. п.

Вы пройдёте по улицам и набережным города — и ощутите его очарование; вам покажут музеи, галереи, выставки, историко-революционные и архитектурные памятники; вы побываете в концертных залах и театрах, увидите вечернюю панораму города — и город, известный вам раньше лишь по имени, станет знакомым и близким.

«Спутник» может предложить вам и более длительные маршруты — на 15 дней, такие, например, как Ленинград — Москва — Ростов Великий. Стоимость путевки — 100 рублей. Во время этого путешествия (впрочем, как и во время короткой поездки) вам не надо будет беспокоиться ни о гостинице, ни об обеде — об этом позаботится «Спутник». Вам придется лишь без устали ездить, ходить и впитывать все новые впечатления.

«Спутник» принимает заявки и на организацию «поездов дружбы» от коллектива в 400—450 человек и заявки на путешествие от группы в составе 25—30 человек. В том и другом случае маршрут поездки может быть составлен с учетом пожеланий будущих путешественников. Если вы воспользуетесь услугами «Спутника», Бюро предоставит вам льготы — 50 процентов скидки на проезд по железной дороге с 1 октября по 15 мая и пролет самолетом с 15 октября по 15 июля.

Итак, не забудьте: Москва, Лебяжий переулок...

ПУНКТИРЫ ДРЕВНИХ КАНАЛОВ

Порячий ветер мешедских песков крошит кирпичи в стенах высоких минаретов средневековой Мисрианы. Стоит выкрошиться одному кирпичу, и разрушение идет, как и кладка, — по кругу. Один минарет как раз посередине сбросил с себя широкий пояс облицовки, другой, украшенный арабской вязью, время как будто хочет спилить у основания.

Два минарета, обвалившаяся арка портала (на ней кое-где сверкают ярко-голубые, в тон туркменского неба, изразцы) и сильно оплывшие, когда-то мощные стены — вот все, что оста-

века образовали разваливающиеся глинобитные постройки древних селений. Ветер на глазах уничтожает мавзолей мешедского кладбища — последние крупные строения Мисрианы...

А ведь в древности здесь жило много людей. Значит, были плодородные почвы, было много воды. Что же случилось?

Вопрос этот ставится перед учеными сегодня не только теоретически. Научные организации разрабатывают трассу четвертой очереди Каракумского канала. Географы, геологи, геоморфологи, ботаники и почвоведы выехали в западную Туркмению.

деля в западной Туркмении. И обе подкрепляются как будто историческими фактами.

Одни утверждают, что поскольку в районе Мисрианы в древности занимались земледелием, значит и теперь, стоит только подвести воду, такыры превратятся в плодородные поля. Следовательно, стоит тянуть канал вдоль отрогов Копетдага, потом — на юг, к Кызыл-Атреку: «прогон» через Мисрианскую равнину не будет «холостым».

Другие возражают: «Древние люди потому и забросили эти земли, что они засолились в результате неправильного оро-

Фото Ю. МОРГУНОВА

лось от знаменитого в свое время города.

Это был большой город, и он не одинок на ныне пустынных такырах юго-западной Туркмении — древней Мисрианы. Ахур, Эль-Бухейра, Мохаммадабад и еще много-много поселений стояли в былые времена там, где теперь сохранилось всего два аула, где меж развалин древних зданий теперь бродят верблюды и ползают змеи. Да торчат над плоским такыром усыпанные черепками дупе — холмы. Их за-

Общеизвестно значение Каракумского канала для Средней Азии. Канал обеспечит прирост поливной площадки на сотни тысяч гектаров. В безжизненной пустыне — там, где нить канала уже проведена, — выросли десятки новых поселков, появились хлопковые поля, сады, виноградники.

Но так ли будет на землях Мисрианы?

У географов сейчас есть две противоположные точки зрения на перспективы развития земле-

шения. Поэтому-то и осталось так много следов поселений — их переносили на новое место, когда засолялось старое. Орошение было примитивно. Селевые потоки, стекающие с гор, задерживали валами, остатки которых и сейчас видны, вода застаивалась на полях, и начиналось засоление».

Им отвечают: «Но ведь за счет селевых вод можно оросить очень немного земли, а историки пишут о западной Туркмении как о богатом и многолюдном

крае. Здесь должны были быть каналы, отходящие от Сумбара и Атрека. Арабские географы сообщали даже об акведуке, переброшенном через Сумбар, — он подводил воды Атрека на Мисрианскую равнину. Нет, обезлюдела она по каким-то причинам, не связанным с орошением».

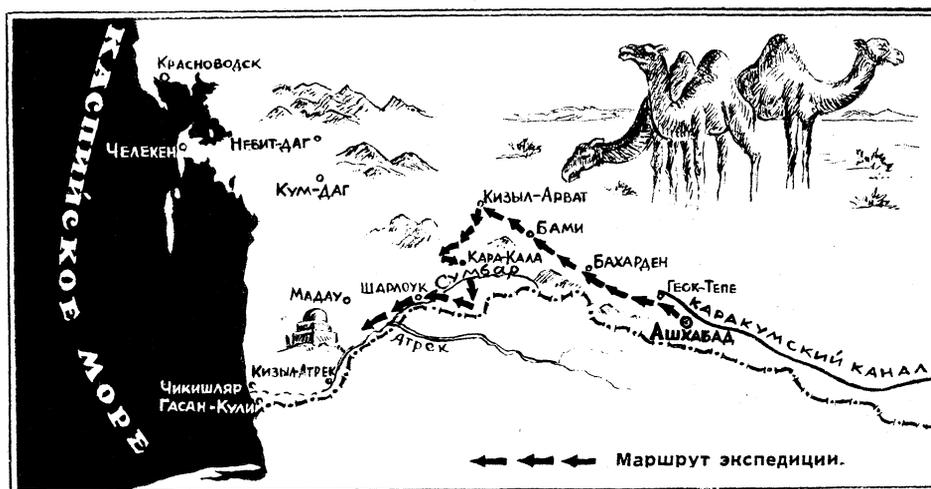
«О каналах в этих местах и речи быть не может, — возражают скептики. — Вы только посмотрите на глубоко врезанные каньоны — русла Сумбара и Атрека. Оттуда же просто невозможно вывести воду на поверхность».

Обе стороны рисовали вполне

Первое открытие пришло случайно. По дороге от Ашхабада мы заехали на Каракалинскую субтропическую станцию. Здесь, вода нас среди различных, порой самых экзотических растений, седой ботаник с горечью рассказывал о порубках леса в горах, которые привели к значительному усыханию реки. Он подвел нас к остаткам водяной мельницы, еще работавшей на его памяти. Руины были настолько выше нынешнего уровня реки, что словам каракалинского старожила трудно было поверить. Но разведки, предпринятые нами, расспросы стариков показа-

характернейший признак постепенно высыхающего рва с водой. Слои почвы рассказали нам историю этого рва, ставшего валом. Этот канал регулярно чистили, и на берегах его постепенно росли валы. Когда канал забросили, ветер занес песком его русло, и на месте канала вырос вал.

Удалось отыскать и древние поля. Одни из них — словно клеточки, ограниченные валиками, — теперь мы уже знали, что это следы древних арыков. Такие поля скорее всего использовались под рис — другие оконтурены большими каналами.

вероятные картины, подбирали к ним предположительные аргументы, пока не пришли к мысли, что квалифицированный ответ им могут дать археологи.

Так началась наша археологическая экспедиция, которую возглавила Горислава Николаевна Лисицына, палеогеограф.

Надо было изучить древние валы, пересекающие Мисриану, которые, как считалось, были возведены для задержания горных потоков, разведать и исследовать поля мисрианских земледельцев и проанализировать химический состав грунта. Требовалось археологически подтвердить или опровергнуть мысль о том, что земля здесь в давние времена обрабатывалась небольшими участками, сменявшимися по мере истощения.

ли — во многих местах, там, где сейчас уже не могут обойтись без скважин, еще в прошлом веке пользовались водой из открытых источников. Значит, можно предположить, что многие столетия назад, когда ныне безлесные склоны Копетдага были покрыты густой растительностью, русла и Атрека и Сумбара были значительно ближе к поверхности полей, чем сейчас. И люди могли отводить из них воду каналами.

Но надо было еще найти следы этих каналов. Когда мы пробрили поперек одного из валов, по предположениям, служивших для задержания воды, траншею, то увидели, что в основании вала слой почвы изогнуты выпуклостью вниз...

Такое расположение слоев —

И почвы на полях оказались незасоленными, даже близ развалин Мисрианы, где почвоведы на картах изображают солончак.

Дело в том, что древние земледельцы обрабатывали землю выборочно, сбрасывая на соседние с плодородными полями участки избыточные воды, которые и вызывали засоление, но только бросовых земель.

Рейды по такыру также дали интересные результаты. На карту было нанесено свыше сотни древних поселений, из них более половины раньше не были известны. А ведь отряду удалось за один сезон обследовать только важнейшие, ключевые районы Мисрианской равнины. Представление некоторых археологов о том, что в эпоху бронзы была преимущественно заселена юго-

восточная окраина равнины, а в средневековье северо-западная, оказались неверными: памятники обеих эпох встречаются повсеместно. Более того, есть такие дупе, на которых жизнь не прерывалась в течение тысячелетий. Шурф, заложенный на одном из них, пере-

сек шесть с половиной метров напластований развалин и мусора, пока не уперся в «материк». Шесть метров культурного слоя — это не одна сотня лет непрерывной жизни поселения.

Так археологам удалось опровергнуть миф о «бродячих»

земледельцах Древнего Дахистана.

Еще не один год будет длиться наша экспедиция. Но уже первый полевой сезон показал, что ныне пустынные земли не боятся воды, добытой трудом человека, они ждут ее вновь.

КОММЕНТАРИЙ К ЭКСПЕРИМЕНТУ

ДОКТОР ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК В. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ:

Этот небольшой очерк об исследованиях на древней мисрианской земле словно сводка с одного из участков фронта освоения нашей земли.

Решается судьба большого района западной Туркмении, где должна пройти трасса четвертой очереди Каракумского канала. При составлении проекта работ, при выборе оптимального варианта трассы канала необходимо предвидеть возможные последствия появления воды в пустынных районах. Для этого недостаточно изучить современные природные явления, но необходимо проследить и историю развития этой страны, выяснить ее палеогеографию. Будущее природы познается через ее прошлое.

Постепенно накапливаются факты, свидетельствующие о том, что территории, сейчас занятые пустынями, знавали лучшие времена. Все отчетливее вырисовываются периоды увлажнения материков северного полушария. С этим еще недостаточно изученным явлением связаны периодические смены эпох иссушения и повышенного увлажнения на протяжении плиоцена и четвертичного периода (последние 10—12 миллионов лет). Впрочем, некоторые из этих событий являются уже достоянием не только геологии, но и археологии, и истории.

В центре одной из самых обширных пустынь — Сахары, в пещерах горного массива Тассилин-Аджер еще до второй мировой войны были обнаружены наскальные рисунки, памятники влажной эпохи. Там были изображены гиппопотамы, слоны, антилопы, носороги, населявшие местность, пересекающуюся полноводными реками. Предполагают, что эта эпоха увлажнения имела место в конце V — начале IV тысячелетия до нашей эры.

Еще более широко распространены следы влажных периодов в виде остатков древних почв, которые обнаружены нами во многих засушливых странах, в том числе в пустынях Средней Азии.

Весьма ценный вклад в изучение последних страниц геологической истории пустынных районов Средней Азии вносят археологические исследования. Известный советский археолог С. П. Толстов установил, что значительная часть территории Хорезма была влажной, болотистой. Значительная часть дельты Амударьи была затоплена. Менее резко выраженные эпохи обводнения обнаружены в более близкие нам времена.

Все это позволяет на первый взгляд предполагать, что искусственное введение воды в засушливые районы не должно вызывать губительных

последствий. Однако взаимосвязи в природе сложны и диалектически противоречивы.

Вода — носитель жизни, один из факторов почвенного плодородия. Благодаря использованию искусственного орошения возникали страны, развивались цивилизации. Но бывает, что вода несет гибель. Она содержит в большом количестве растворимые соли. В условиях интенсивной солнечной радиации и обезвоженной атмосферы засушливых ландшафтов может начаться страшный процесс засоления почвы.

Равнина южной Месопотамии тысячу лет назад была одной из плодородных стран мира. Для ее орошения брали воды реки Евфрат. А они, несмотря на сравнительно небольшую минерализацию (около 0,5 грамма солей на литр воды), ежегодно выносили на поля около трех миллионов тонн солей. В итоге значительная часть почвы в этих местах в той или иной мере засолена, и их рассоление представляет собой ныне сложную проблему.

Речные артерии Средней Азии несут не только огромные массы воды, но и солей. Подсчитано, что в дельте Сырдарьи из речных вод выпадает ежегодно 17 килограммов солей на каждом гектаре. Однако основная опасность — грунтовые воды. Чем они ближе к поверхности, тем энергичнее происходит испарение и концентрация солей.

Советский ученый — почвовед, геохимик и географ — академик Б. Б. Полюнов ввел понятие о критической глубине, то есть максимальной глубине грунтовых вод, при которой неотвратимо начинается засоление почв. Критическая глубина зависит от ряда причин, в том числе от величины солнечной радиации. Например, в Западной Сибири накопление солей в почве начинается при глубине грунтовых вод 170—200 сантиметров, а в Туркмении — с глубины 300—350 сантиметров.

Борьба с засолением почвы проходит через всю историю государств Средней Азии. Проезжая по землям Древнего Хорезма, недалеко от дороги Хорезм — Хива, можно увидеть крупные холмы. Это не выступы горных пород и не древние захоронения, а памятники самоотверженной борьбы с засолением почвы. Земледельцы периодически снимали верхнюю часть почвы, насыщенную солями, — ссыпали ее в корзины и свозили в одно место, где в конце концов вырастала гора.

Перед инженерами и мелиораторами стоит сложная задача организации рациональной системы орошения нового района. Для создания этой системы несомненную ценность представляют сведения о древних почвах и о некогда применявшихся в этих местах приемах искусственного орошения.

ТЫСЯЧА ВТОРОЙ, АВТОДОРЖНЫЙ

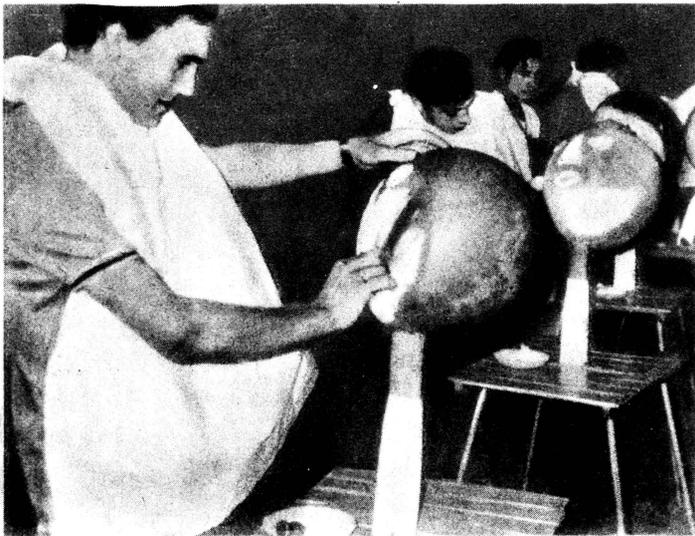
К тысяча и одному способу разбогатеть, рекомендуемому в карманных справочниках, издающихся на Западе, можно добавить еще один. Освоил его Жак Масперо, восемнадцатилетний житель Тулузы. Заметив, что каждый уикенд на шоссе при выезде и въезде в город возникают автомобильные пробки, он стал сообщать в частном порядке, как кружным путем быстрее всего добраться до города. Стоимость информации — два франка с головы.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

ЛЕГКОСТЬ РУК НЕОБЫКНОВЕННАЯ

В испанском городе Беникарло состоялось состязание на искуснейшего брадобреля. Соревнование нелегкое — ведь «выбрить» надо было детский воздушный шарик. «Шарик не клиент, — справедливо рассудило жюри, — это тот может терпеть сколько угодно, а шарик от неловкой руки в буквальном смысле взорвется». Так оно и получилось. Лишь двое из участников состязания «добрили» шар.

ПЛАТНЫЕ КУРСЫ ПЛАЧУЩИХ

Как утверждает английский психолог Роджер Грей, жизнь среднестатистического мужчины короче жизни среднестатистической женщины по той простой причине, что мужчины подавляют в себе свои чувства и не плачут так часто, как женщины. Заботясь о продолжении жизни представителей сильного пола, он основал специальные платные курсы, на которых мужчины обучаются плакать.

ОПЕРАЦИЯ «ШЕСТЬ СТУДЕНТОВ»

Полицейские власти в аргентинском городе Консепсьон решили раз и навсегда покончить с беспокойными студентами и с этой целью послали в местный университет шесть своих молодых, но подающих надежды сотрудников. Провокаторы должны были выступить в роли студентов, а заодно составить полный список членов радикальной молодежной организации.

Уже через два месяца в отделение пришло донесение: трое агентов заявляли в нем о своем решении посвятить себя впредь только «чистой» науке, остальные же трое добавляли к этому, что они вступают в небезызвестную полицию радикальную организацию и впредь приложат все силы для разоблачения подставных «студентов».

БЕЗЫМЯННАЯ ВЕРШИНА СЛАВЫ

Французский горнолыжник Жан Клод Килли, обладатель многих золотых медалей, особо отмечен соотечественниками. Его именем решено назвать одну из горных вершин Франции вблизи родного городка спортсмена Вальд'Изера. Еще не установлено, как будет точно называться вершина: Мон-Килли, или пик Килли. А может, как предлагают остряки: Килли-манджаро?

НЕОЖИДАННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ

До недавнего времени на Западе большим спросом пользовались картины, нарисованные обезьянами. Сейчас у шимпанзе-модернистов появился серьезный соперник — слониха Керол. По сообщениям прессы, в зоопарке американского города Сан-Диего открыта выставка ее картин, которая привлекает большое внимание посетителей. Художница продолжает работу над новыми полотнами.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОВЕРКА

Священник из английского города Пендлтон взял за правило никогда не приступать к обряду венчания до тех пор, пока невеста не приберет как следует в церкви. «Вот тут-то и видно, — говорит этот священник, — насколько невеста готова к супружеской жизни».

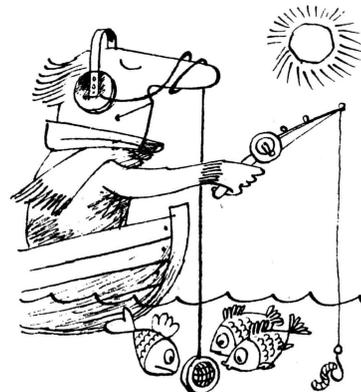
ОДИНОЧЕСТВО ПО-ЯПОНСКИ

Утверждают, что рыбная ловля хороша уже тем, что человек хоть изредка бывает наедине с самим собой, на пару с природой. В густонаселенной же Японии утверждают, что рыбная ловля хороша и тем, что рыбак даже в толпе чувствует себя наедине с собой, на пару с рыбой. Недаром такой популярностью пользуются недавно открытые в Токио бассейны для рыболовов.

Добавим, что рыбу в эти бассейны запускают ежеутренне, причем в таком количестве, чтобы, с одной стороны, ни один рыбак не ушел без улова, а с другой — чтобы таскание рыбы из бассейна не стало чисто физическим упражнением, а сохранило спортивный азарт.

МОЛЧИТЕ, РЫБЫ!

В той же Японии электронная фирма выпустила специальный прибор для подслушивания «рыбных разговоров». Аппарат усиливает слабые звуки, издаваемые рыбами, так что рыбаку, нажившему на таком подслушивании руку, нетрудно определить, куда и на какую глубину закидывать удочки.

СЕКВОИЯ

Таково было имя человека (в этом году исполнилось ровно двести лет со дня его рождения), которого по праву североамериканские индейцы считают выдающимся. Ведь он создатель первого индейского алфавита и первого печатного органа на ирокезском языке, еженедельника «Феникс».

Когда земли племени ирокезов заняли белые, вместе с ними в дома ирокезов пришли, чтобы проповедовать христианскую «любовь к ближнему», и миссионеры. В ответ на просьбу вождя организовать школы на ирокезском языке миссионеры заявили, что индейские языки решительно «непригодны для письма». В них слишком много звуков». Вот тогда-то кузнец Секвойя и решил создать индейский алфавит, содержащий 85 букв. В 1821 году совет вождя признал этот алфавит и наказал всем мужчинам его изучать.

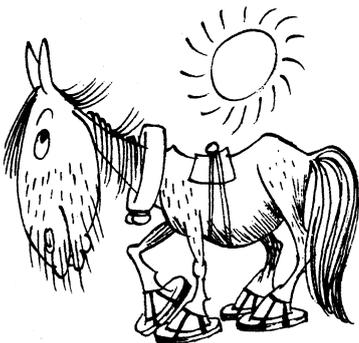

100 ЛЕТ ЖИЗНИ? НЕТ НИЧЕГО ПРОЩЕ!

Подытоживая научную конференцию в шведском городе Мальме, посвященную проблемам потребления молока, ученый Нильс Густавсон сказал: «Если вы в течение 1200 месяцев будете ежедневно выпивать по литру молока в день, считайте, что вам обеспечено сто лет жизни!»

ЛОШАДИНЫЕ БОСОНОЖКИ

Нет, это вовсе не последний крик моды и не прихоть чудаков. Такая необычная обувь испокон веков в большом ходу в польском селе Кюки, где живет маленькая славянская народность — словинцы. Как и любые другие, лошадиные босоножки весьма незамысловаты: берется плоский деревянный круг, ремни с застежками — и лошадь обута. Конечно, внешне эти босоножки — а точнее, «босокопытки» — выглядят не очень изящно, но зато во время пахоты лошади в них не проваливаются даже на рыхлой, болотистой почве. Самое же любопытное — лошади настолько привыкли к своей обуви, что «босиком» вообще ни за что не выйдут в поле.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

„Вокруг света“, 1903 год

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

С 20 по 25 июля минувшего года заседала в Граце международная научная комиссия, созданная для обсуждения способов борьбы с градовыми тучами. Почти ежегодно эти тучи производят опустошения, главным образом в июле и августе, в земледельческих странах и местностях, где занимаются виноградарством. Борьба с градом возникла не только теперь. О ней упоминает еще Геродот, рассказывая, что фракийцы стреляли из луков стрелами с целью остановить градовую бурю. Гамбы подражали им в этом. В средние века в одном капитулярии Карла Великого, относящемся к 789 году, упоминается о способе остановить выпадение града, состоящем во вбивании в землю кольев, на которых утверждены пергамент с маленькими письменами. В XVIII в. против градовых туч уже употребляли ружья. В 1825 году в Европе особенно увлекались градоотводом, прибором, состоявшим из высокого шеста с заостренным концом, снабженным веревкой из соломы, которая должна была

служить проводником. В то время во Франции, Австрии и Италии насчитывалось около миллиона этих градоотводо. Впрочем, когда 10 августа 1825 года градовая туча совершенно уничтожила виноградники в окрестностях Петервардейна, покрытых градоотводами, сельское население стало считать эти приборы совершенно бесполезными, о чем, впрочем, и раньше говорили такие ученые, как Араго и Френель. В настоящее время в Италии основано больше чем где-либо станций для стрельбы. Согласно сообщениям профессора Маркони, в одной только Виченцской провинции к концу 1899 года было 446 таких станций, а в 1900 году число их возросло до 1632. Сторонники означенной стрельбы доказывают статистическими данными, что успешность стрельбы была доказана неоднократно. С другой стороны, бывали случаи, что стрельба из противорадовых пушек прекращалась по той причине, что огромные жерла их наполнялись выпадающим градом, и силою обстоятельств они были вынуждены бездействовать. Таким образом, несмотря на опыты последних лет и огромные затраты денег, вопрос относительно успешности стрельбы против градовых туч еще не выяснен окончательно.

В ПОЛЯРНЫХ СТРАНАХ

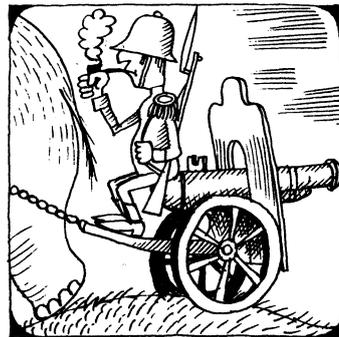
Недавно возвратившийся из своего путешествия к полюсу известный исследователь полярных стран Свердруп рассказывает, что на некотором расстоянии от полюса животные, никогда не видевшие человека, относятся к нему очень доверчиво. Например, тюлени, охота на которых требует большого терпения и ловкости в менее северных местностях, ближе к полюсу подпускают к себе охотников на самое близкое расстояние. Наконец, пингвины, очевидно, принимали матросов «Фрама» за подобных же себе пингвинов, но только другой породы, потому что нападали на них и били крыльями, когда те подходили слишком близко к месту, где они сидели.

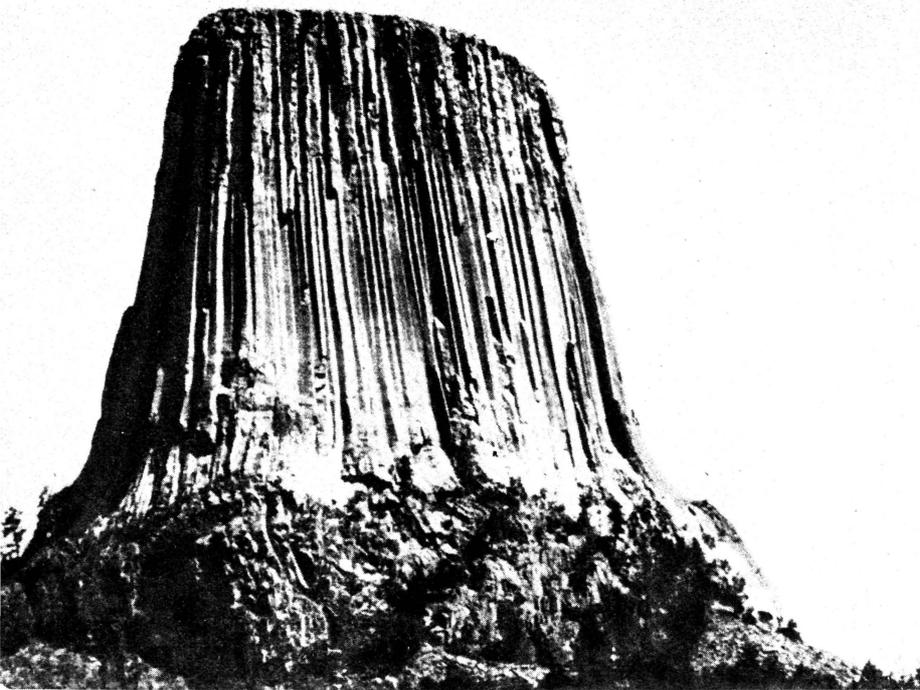
СЛОНЫ В АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ

Слоны издавна приручаются человеком и употребляются как возки и носильщики тяжестей. Колонизаторы Индии — англичане решили, однако, расширить поприще деятельности серых великанов, приняв их на военную службу. Специальность слонов — артиллерия. Там, где понадобился бы десяток лошадей для перевозки тяжелого орудия, требуются всего два слона, запряженные дугом, то есть не рядом, а один за другим.

На шею каждого слона сидит погонщик-туземец с острым копьём, похожим на маленький гарпун, легкими уколами которого он заставляет слона принять желаемое направление. Но слоны шути справляются со своей задачей. Им ничем вся эта многопудовая упряжка, лафеты, орудия. Природная смывленность еще более облегчает им военную службу. Очень часто замечали на маневрах, что слоны сами понимают команду. Однако эта смывленность, делающая слонов предметом удивления на маневрах, сильно портит их роль в настоящем сражении. Дело в том, что лошадь, как бы она ни была испугана выстрелами и ранеными товарищами, все-таки повинуется строгим повоям; удержать слона, обратившегося в бегство, нет никакой возможности.

Если погонщик делает такую попытку, слон немедленно стаскивает его хоботом со спины и в лучшем случае бросает, а в худшем — затапывает ногами. Ум и сообразительность решительно не позволяют слону оставаться в опасности. Легко себе представить, какой страшный беспорядок могут произвести эти серые артиллеристы. Вот почему польза применимости слонов в военном деле чрезвычайно гадательна.

С. БАРСОВ

ПЛЕННИК «БАШНИ ДЬЯВОЛА»

Прощальный взмах руки, и Джордж Хопкинс исчез в распашаном люке. Далеко внизу раскинулась желтовато-коричневая равнина Вайоминга, с запада и востока окаймленная серебрившимися в лучах солнца зубчатыми вершинами. Однако вовсе не эта величественная панорама занимала внимание парашютиста. Хотя Джордж пытался заставить себя не волноваться, то, что на сей раз вместо привычного белого круга нужно было попасть на самый кончик торчащего в небо «пальца» — 1280-футовой гранитной скалы, носившей зловещее имя «Башни дьявола», не могло не действовать на нервы. «Пожалуй, зря я дал уговорить себя. На эту булавочную головку и муха не сядет», — мелькнула мысль, но он тут же отогнал ее.

Джордж Хопкинс считался опытным парашютистом. Он прыгал ночью и днем, на лес и воду. Ему же принадлежал рекорд США по высотным прыжкам. Но то, что предстояло совершить сейчас, не шло ни в какое сравнение даже со «смертельным салто» под куполом цирка без сетки. Стоит промахнуться на какой-ни-

будь метр или даже не удержаться на плоской вершине, и скала неминуемо погасит купол. А что остается от человека после падения с такой высоты, Хопкинс представлял лучше, чем кто-либо другой.

«Башня дьявола». Буро-красный вулканический монолит, на тысячу футов вздыбивший свои гофрированные бока, которые за пять миллионов лет дожди и ветры отполировали не хуже целой армии ювелиров, представляла внушительное зрелище. Немало смельчаков бросали вызов «Башне дьявола», но лишь дважды удалось покорить ее. Сначала это сделал местный житель еще в прошлом веке, а в 1938 году скалолаз Джек Дюрранс. Джорджу Хопкинсу предстояло стать третьим: на следующей неделе в расположенном неподалеку Рапид-Сити должен был состояться большой авиационный праздник, и его устроители рассчитывали привлечь рекордное число посетителей с помощью небывалого парашютного прыжка.

Бугристая площадка почти правильной круглой формы несла навстречу Хопкинсу со скоростью

курьерского поезда. Пора. Он рванул за кольцо и, даже не глядя вверх, по громкому хлопку над головой и врезавшимся в тело лямкам понял, что все в порядке. То подтягивая, то ослабляя стропы, Джордж плавно опускался в самый центр венчавшего «Башню дьявола» «пяточка». Спружинив на полусогнутых ногах, он повалился на бок, поспешно собирая стропы. «Оседлали старушку», — с облегчением подумал Хопкинс, и в то же мгновение, как бы в наказание за самоуверенность, белое шелковое полотнище яростно взметнулось вверх и быстро потащило тело к краю утеса. На лбу выступил холодный пот. Враз ослабевшими пальцами Хопкинс лихорадочно шарил по груди, пытаясь на ощупь открыть замки подвесной системы и даже не чувствуя, как острые выступы в кровь раздирают лицо. Металлический щелчок, несколько судорожных, почти конвульсивных движений, и он бессильно замер в каких-то двух метрах от бездны, не в состоянии оторвать взгляда от колышавшейся белой медузы, медленно опускавшейся на землю далеко внизу.

Не прошло и пяти минут, как из леса выскочил игрушечный автомобильчик и запрыгал по кочковатому склону к белому пятну парашюта. Хопкинс не мог удержаться от смеха, глядя, как крошечный человечек, в недоумении воздевая руки к небу, бегаёт вокруг шевелящейся груди материн, тщетно разыскивая невесть куда исчезнувшего парашютиста. Хопкинс встал во весь рост у края скалы и приветственно замахал суетливому человечку. Но человек, видимо, не заметил его, сел в автомобиль и умчался прочь так же стремительно, как и появился.

Когда объездчик Ноэль Джойнер вбежал в офис главного смотрителя заповедника Эра Броксби, с него ручьями лил пот.

— На «Башне дьявола» человек! — еще с порога закричал он. Однако новость, казалось, не произвела впечатления на Броксби.

— Все в порядке. Можешь не волноваться, — откуда-то сбоку пробасил чужой голос. Объездчик оглянулся и только тут обратил внимание на то, что небольшой кабинет битком набит народом. За письменным столом смотрителя по-хозяйски расположились

дельцы из Рапид-Сити, а остальную часть комнаты оккупировали увешанные фотокамерами репортеры.

— Он что, с ума сошел? — Обьедчик все еще не мог толком понять, что происходит.

— Это Джордж Хопкинс. Парашютист. Ас, — счел нужным пояснить смотритель.

— Будь он хоть самым господом богом, с «Башней дьявола» ему не совладать, — угрюмо пробурчал Ноэль.

— Пустяки. С самолета Хопкинсу сбросят веревки, кошки и прочую альпинистскую амуницию. Не пройдет и часа, как он будет пить с нами коктейль.

Час спустя к подножью «Башни дьявола» прибыла целая кавалькада машин. Вскоре над ней, примериваясь, закружил небольшой серебристый моноплан. От него отделилась ярко-оранжевая точка — тюк со снаряжением — и метеороид исчезла в гуще леса метрах в ста от скалы. Новый заход — и новая неудача. Самолет, покачав крыльями, отвернул в сторону и скрылся за горизонтом.

— Полетел на аэродром за новым снаряжением, — коротко пояснил смотритель.

Когда самолет вновь появился над «Башней дьявола», к толпе прибавились десятки местных жителей и туристов. На сей раз летчик со второго захода ухитрился сбросить мешок с грузом на верхушку скалы.

Прошло полчаса, час, но Хопкинса по-прежнему не было видно. Из уст в уста шепотом передавалось страшное известие: тюк со снаряжением при падении убил отважного парашютиста. Напряжение достигло предела.

В этот момент у самого края скалы появилась долговязая фигура главного героя в белом комбинезоне. Хопкинс размахнулся и запустил вниз блестящий предмет. Немедленно доставленный организаторам бесплатного спектакля, он оказался помпозной металлической коробочкой с лаконичным посланием: «Веревки после падения с неба не выдержат тяжести и пары носков. Не трудитесь сбрасывать новые. Крепить их на этом чертовом «пяточке» все равно не за что. Спокойной ночи. Джордж».

В эту ночь впервые за всю свою многовековую историю «Башня дьявола» стала приютом одинокому горемыке. Впрочем, приют этот оказался весьма негостепри-

имным. До самого утра Хопкинс стучал зубами под изодранными остатками брезентовых чехлов от сброшенных тюков, которые не спасали ни от дождя, ни от пронизывающего ветра. Единственным утешением, которое судьба приготовила пленнику «Башни дьявола» в это утро, было присутствие у подножья скалы смотрителя Джойнера, который с помощью мегафона прокричал Джорджу, что для его спасения создан специальный комитет, вот уже несколько часов непрерывно заседающий в Рапид-Сити.

Первым результатом его деятельности был целый поток любопытных, несмотря на ненастную погоду, нахлынувший к «Башне дьявола». Ближе к полудню, когда небо немного прояснилось, над ней закружились несколько самолетов, которые, к ужасу Хопкинса, подвергли его «пяточек» и всю окружающую местность настоящей бомбардировке. С неба сыпались спальные мешки, консервы, веревочные лестницы, пригодные разве что для сельских коттеджей, и множество тому подобных «предметов первой необходимости», от которых Хопкинс едва успевал увертываться. Появление всей этой манны небесной было вызвано сообщениями газет, и предприимчивые торговые фирмы спешили в целях рекламы осчастливить пленника «Башни дьявола» образцами своей продукции.

Между тем в штабе спасательной операции решили задачу, как снять парашютиста с 1280-футовой высоты. В конце концов было решено пригласить Эрнста Филда, самого опытного скалолаза в Управлении национальных парков и заповедников, поручить ему взобраться на «Башню дьявола» и затем спустить оттуда застрявшего парашютиста.

Свой второй ночлег на «Башне дьявола» Хопкинс постарался сделать как можно более комфортабельным, устроив роскошное ложе из доброй дюжины одеял да еще забравшись в непромокаемый спальный мешок. Однако едва он задремал, как тут же проснулся от громкого металлического скрежета, пронзительного писка и ощущения чьих-то легких прикосновений по всему телу. Похолодев

от ужаса, он съехался в своем спальном мешке. «Я просто не мог понять, что происходит. Ведь кроме меня, здесь никого не могло быть. От земли меня отделяла добрая тысяча футов. И все же я был абсолютно уверен, что рядом находится что-то живое. Вампиры? Какие-нибудь доисторические твари, сохранившиеся лишь на этом чертовом «пяточке» и теперь готовившие отведать моей крови?» — рассказывает Джордж Хопкинс.

Собрав всю свою волю, Хопкинс осторожно отстегнул клапан, нашарил в кармане мешка электрический фонарь и включил его. Ослепительный сноп света вырвал из темноты целые полчища крыс, которые копошились в разбросанных повсюду вещах, дрались из-за пустых консервных банок и безбоязненно сновали по телу Хопкинса. Он принялся лихорадочно швырять в них все, что подвертывалось под руку. Нашествие было отбито, но до утра Джордж так и не сомкнул глаз.

Пошел третий день. У подножья «Башни дьявола» вырос целый палаточный городок, все дороги вокруг были забиты тысячами туристов. Крупнейшие радиовещательные компании организовали передачу репортажей прямо с места событий.

К полудню прибыли наконец вызванный из Колорадо скалолаз Эрнст Филд и его напарник Горел. Поверхность гранита оказалась настолько монолитной, что о скальных крючьях нечего было и думать. Упяравшись спиной и коленями в противоположные стенки желоба, они, словно мухи по стене, медленно, дюйм за дюймом, ползли вверх. Нависающий карниз закрывал восходителей от глаз Хопкинса. Часа через три громкий крик разочарования безошибочно подсказал ему, что восходители вынуждены были повернуть назад. Обступившим его журналистам Филд угрюмо бросил лишь одну фразу: «Нам эта чертова глыба не по зубам».

Теперь все надежды возлагались на Джэка Дюрранса, который в 1938 году сумел взобраться на «Башню дьявола». Однако где он сейчас, никто точно сказать не мог. В поиски Дюрранса включились пресса, радио, поли-

ПРОИСШЕСТВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ция. На следующий день его обнаружили на восточном побережье в городе Дартмуте. Еще сутки потребовались ему и его товарищам, чтобы, пересаживаясь с самолетов на поезда, пересечь чуть ли не все Соединенные Штаты и добраться до Рапид-Сити.

Тонкий слой изморози на стенах «Башни дьявола» еще только начинал подтаивать, когда пронзительный вой полицейских сирен возвестил о прибытии последней надежды — Джэка Дюрранса и трех его товарищей — Коултера, Маклейна и Крамера.

Ровно в полдень альпинисты начали штурм «Башни дьявола». Где-то футах в трехстах от вершины скалу заволокло густой пеленой тумана. Остановиться? Про-

должать? Дюрранс избирает последнее. «И вот, — рассказывал потом Хопкинс, — когда я окончательно примирился с мыслью, что не миновать мне еще одной ночевки на осточертевшей глыбе, у края площадки появилось «не-что», отдаленно напоминавшее человеческое лицо. И если бы не пара крепких фраз, безусловно не известных привидениям, я бы наверняка решил, что это одно из них пожаловало ко мне в гости помочь скоротать вечерок».

Спуск прошел без происшествий. Джорджа Хопкинса, по его собственным словам, «запеленали, как младенца, в какую-то рыболовную сеть, именованную альпинистской люлькой, и с превеликими предосторожностями вернули на

землю». Правда, как он пишет в своих воспоминаниях, самый страшный момент ему пришлось пережить уже там, на земле, когда десятки журналистов, прорав полицейское оцепление, наперегонки бросились к спасенному парашютисту. «Да, да, именно в тот момент я по-настоящему понял, что такое панический страх, — вспоминает Хопкинс. — Ухитриться спрыгнуть на площадку размером со сковородку, проторчать там в обществе крыс почти неделю, проделать путь в 1280 футов, своими боками полируя шершавый камень, и все для того, чтобы оказаться растоптанным стадом взбесившихся репортеров. Может ли быть что-либо более обидное?»

ХОЗЯЕВА МОРСКОГО ЛАБИРИНТА

▼ со стр. 42

катер ушел к нашей постоянной стоянке на соседнем острове со строгим наказом вернуться, как только они заметят улыбающихся на лодках мokenов. Прошло еще с полчаса, и, наконец, из джунглей вышел пожилой мужчина в мокром саронге. Приблизившись ко мне, он вежливо поздоровался и по-малайски спросил, зачем я пожаловал. Чтобы не вызывать подозрений, я, как мог, постарался убедить его, что просто скупаю жемчуг и хотел бы некоторое время пожить вместе с ними, пока они его не наловят. Мир был установлен».

Почти два месяца провел Пьер Иванов в кабанге — плавучей деревне мokenов и за это время сумел хорошо изучить необычную жизнь ее обитателей. Все мokenы, даже дети, отличные пловцы, искусные мореходы и строители лодок. Их легкие десятиметровые лодки, на которых обычно живет от пяти до восьми человек, способны выдерживать любой шторм. Правда, служат они сравнительно недолго — всего лишь два года и то при условии постоянного «профилактического ремонта», но и это поразительно, если учесть, что сделаны они без единого гвоздя. Основанием и килем лодки служит выдолбленный ствол дерева, к которому крепятся собранные из длинных ошкуренных жердей борта, так что все это щелястое сооружение больше смахивает на корзину, чем на средство передвижения по морю. Но это сходство быстро исчезает, стоит спус-

тить «корзину» на воду. Мokenы весьма успешно решили, казалось бы, неразрешимую задачу: как заставить «корзину» плавать. Плавать, причем при любой погоде. Мокенский секрет кроется в пальме яганг, молодые побеги которой идут на изготовление бортов. Ее древесина настолько пориста, что после того, как новую лодку несколько суток подержат в воде, ее борта разбухают и становятся идеально герметичными. Теперь нужно только не забывать время от времени смачивать их верхнюю часть водой, и можно не опасаться, что лодка даст течь.

Быт мokenов строго регламентирован. Мужчины следят за состоянием лодок, заготавливают трепангов, добывают перламутровые и жемчужные раковины. «Мokenы, — пишет Пьер Иванов, — ныряют на глубину до десяти метров, что и породило слухи о людях-рыбах. Трепангов, раковины и жемчуг мokenы сбывают малайским торговцам (тем немногим, кому они доверяют) в обмен на изделия из железа, ткани и... маски-очки для подводного плавания».

Забота же о пропитании кабанга целиком лежит на женщинах. «Как только лодки пристают к берегу, — рассказывает Иванов, — женщины отправляются на поиски пищи. В основном она состоит из устриц и различных моллюсков, которых собирают на коралловых отмелях во время отлива. Иногда стол разнообразят дикорастущие плоды и овощи, например, ямс...»

Единственным исключением в этом раз и навсегда заведенном порядке становится ловля гигантского ската. Когда кто-нибудь замечает его, всю плавучую деревню охватывает лихорадочная деятельность. Со стороны создается впечатление, будто жители кабанга готовятся к отражению врага: всеобщая суматоха, громкие крики, заливаемый лай собак, визг ребятишек... Длинные бамбуковые шесты, с помощью которых женщины ловко управляют с лодками, превращаются в грозное оружие. На них надевают железные наконечники, и вот уже в окруженном со всех сторон ската вонзаются импровизированные гарпуны. Еще десять-пятнадцать минут — и он вытасен на берег. Начинаются приготовления к пиршеству. Но скат — это гурманское исключение в рационе мokenов, ведь мokenы не ловят рыбы ни удочками, ни сетями. Их стол целиком зависит от узкой полосы прибрежного мелководья, где женщины собирают моллюсков. «Именно это обстоятельство, — делает заключение Иванов, — а вовсе не врожденная любовь к странствиям и не панический страх перед пришельцами (хотя мokenы и относятся к чужакам с известной боязнью и остороженностью) заставляет морских кочевников проводить жизнь в постоянных скитаниях. Они заняты непрерывными поисками богатых устрицами и моллюсками участков побережья, ибо от этого зависит само их существование...»

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» за 1970 год

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА XVI съезду ВЛКСМ и XXIV съезду КПСС

ГОРОД ЛЕНИНА, ЛЕНИНСКАЯ ВСТРЕЧА	8
С ночи и до утра	
Кусок красного картона	
Какобо	
С. Милин — Гнев Мозамбика	4
Ю. Дашков — Опасное путешествие	3
Здесь каждый камень Ленина знает	4
Ювеналий Полянов — Разговор с товарищем	
мэром о делах коммуны Сен-Дени	
Владимир Позновский — По женевским адре-	
сам Ленина	2
Геннадий Фиш — Машинисты паровоза 293	4
А. Шамаро — Атлас Ленина	4

Люди ленинской эпохи

Петр Горшунов — Золотой рейс	1
К. Михаленко — Выхожу на цель	2
Надир Сафиев — Ночи без причалов	1

Человек и его дело

О. К. Антонов — «Я не призываю лепить	
крылья из перьев»	6
Валентин Берестов — Можно ли заблудиться	
в пустыне?	4
Борис Василевский — Человек с предела земли	
Виктор Гончаренко — Небо планериста	4
В. Грищенко — Над нами — Ледовитый океан	7
В. Демидов — Идем через Тихаму	4
А. Лехмус — Открыватели касситерита	4
Ю. Лексин — Счастливая история дневника Вис-	
валда Эмса	6
Игорь Можейко — Местный житель	6
В. Орлов — Пересечь Уральский хребет	4
В. Орлов — Хроника одного дрейфа	11
В. Сакн — Покоренная Ингури	4
Н. Сафиев — Квадрат в океане	4
Ю. Степанов — Служба «желтого карлика»	4
Ю. Степанов — Люди над городом	5
Л. Чешнова — Дом за Полярным кругом	4
В. Божунов — Уходим от «белой смерти»	8
В. Демидов — Лед идет	10
В. Константинов — В эпицентре землетрясения	8

Репортаж с ударной комсомольской стройки

В. Арсеньев — Тюменские дороги	12
Борис Василевский — Воспоминания на устье	
Илима	10
В. Демидов — Три минуты до взрыва	5
В. Орлов — Ангара, год семидесятиг	10
В. Орлов — Средь придонских полей	6
Ю. Лексин — В Каракумы с охазией	11
Ю. Степанов — Зыбкое царство туманов	7

За ленинское отношение к природе

ДРАГОЦЕННЕЙ, ЧЕМ АЛМАЗ	9
В. Демидов — Служба Джанкуата	
Ю. Лексин — Зеркало одного городка	
Надир Сафиев — Изба 509	
Л. Чешнова — У подножья Пестрых гор	3

ЧАСОВЫЕ ЖИЗНИ

Владимир Булдановский — Письмо из 41-го года	10
В. Демидов — Атана к ходу	3
Е. Мухина — Мои товарищи партизаны	2
Непобедимые и легендарные	5
Арсений Рябкин — Эхо Черного моря	5

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

В. Арсеньев — Июнь на островах	7
М. Беленький — Гуцульские письма	11
Ю. Лошиц — О, поле светлое	4
Л. Минц — Счастливая лепешка	9
Анатолий Онегов — Заонежские зарисовки	6
Вл. Перцов — Облака сверху и снизу	2
Надир Сафиев — Скрип старых дверей	12

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН

Юрий Брезан — Крабат и его потомки	12
Ежи Зеленский — Гектар за гектар	5
И. Лемберик — «Ермак» высаживается в Моравии	3
Орест Мальцев — Новый металл Ланц-хида	4
Пьер Рондьер — Степь, солнце, люди	11
Л. Сергеева — Финиш на глубине 903 метра	10
В. Синюков — За крокодилами в Ортигосу	6
А. Синельников, В. Томин — Сага о Беккерах	5
Е. Фролова — Всадники спешат в Балмазуйварош	7

ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ — 25 ЛЕТ

Е. Кубичев — День пятый	11
--	----

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

С. Арутюнов — Театр «Но»	7
Фаусто Андраде — Над нами Котопакси	4
М. Беленький, Л. Минц — Соседи великанов	1
Бэзил Дэвидсон — В океане, к западу от Шот-	
ландии	9
Джевет Джемал — Город каменных пещер	10
Девочки играют в мильпачунами	1
Ип. Дочкин — Похлебка по-увейски	6
Жан Ко — Уши и хвост	3
Георгий Кублицкий — Остальная Европа — южнее	3
Владимир Катин — Черный шатер	10
Край света	3
С. Милин — Король острова Яп	5
Л. Минц — Кальяуйха-врачеватели	2
Л. Минц — Погасшие огни	3
Л. Минц — Кардинал Мазарини, Карагёз-эфенди	6
и другие	7
М. Мариков — Не в своем флаге не ходи!	6
Мерри Оттен, Альбан Банса — Сунданские чаро-	
деи	6
Л. Ольгин — Палка, палица, бумеранг	7
Т. Путинцева — Вверх, по ступеням Касьбы	6
Ю. Папамиши — Когда почта приходит в Лубок	9
Анту	3
С. Ремов — Две подруги из Бисау	11
Жан Руш — Дорога сама приведет тебя	12
Л. Сергеева — Хозяева морского лабиринта	3
Лев Скрягин — Минуйа Кабо Торментозо	9
Ю. Савенков, Э. Шинкаренко — Дели, Чанди Чок	9

ДОСЬЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА

С. Барсов — Пистолерос — коммивояжеры смерти	6
Ален Герен — Виварий голворезов	9
А. Ефремов — И пулей, и газом	11
Анри Ларсан — Панама: вправо и влево от ка-	
нала	9
Люди «второго сорта»	2
С. Милин — Камикадзе — «божественный ветер»	7
С. Милин — Беспшумная смерть	10
С. С. Смирнов — Раскаты близкой грозы	12

ТАИНЫЙ ФРОНТ ИНДОКИТАЯ 8

Ю. Лесорубник — Духи гор	
С. Барсуков — Поверят ли мое кровному	
брату?	8
Громкий финал «тихой войны»	12
Брижит Фриан — Молчащая Греция?	7
В. Цветов — Опять «божественный ветер»?	5
Осборн Эллиот — Угнетенные и обездоленные	5

Своими глазами

Андре Виллерс — Пять уроков заклинания	2
Гuido Джероза — Северная лихорадка	3
Ориана Фаллачи — Почему они фиданни?	6, 7

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ФОЛЬКЛОР

Иво Андрич — У светлого Охридского озера	6
Фаусто Андраде — Еще раз попытаем счастья	7

Кир. Булычев — Я вас первым обнаружил	7	Загадки, проекты, открытия . . .	1—5, 7, 8, 10—12
Кшиштоф Борунь — Cogito ergo sum	6	И. Иванов — Под солнцем разума	4
Рэй Бредбери — Я никогда вас не увижу	2	В. Ильин — Сфинкс ждет ответа	11
Юн Бинг — Рнестофер Юсеф	11	М. Кашмилов, П. Базаров — Великая спираль жизни	2
Ван Вогт — Пробуждение	9	И. Кассирский — Механизм мужества	1
Эвлин Во — Поклонник Диккенса	1	ЛОДКИ ВСЕХ ШИРОТ	5
Дональд Гропман — Под силу ли сердцу	7	П. Павлинов — Лодки всех широт	
Лесли Годфрей — Гранит науки	6	Б. Письменный — Бумажные кораблики	
В. Колупаев — Ма-а-а-ма!	4	Л. Юров — Ольговы челны у врат Царьграда	
Л. Кривенко — От устья к истокам	8	О. Куваев — ...Словно сгусток неяркого солнца	
Олег Куваев — Дядя Яким	4	Бенгт Даниельссон — Как управлять плотом	
Ричард Кертис — Сторожевые псы в Моликотле	8	И. Можейко — В корзине за лососем	
Сакэ Комацу — Канун банкротства	1	К. Булычев — Плавающий дом	
Габриэль Гарсиа Марнес — Незабываемый день в жизни Вальтасара	11	В. Арсеньев — Кижанка	
Грант Матевосян — «Мои устные поцелуи».	12	Морис Кейн — Тридцать дней за столом, или Бурная жизнь шелковичного червя	8
Н. Мельников — У костра	11	Морис Кейн — Тайное досье г-на аиста	5
Джордж Минеш — Бумеранг, или Австралия вновь открытая	5	В. Комаров — Странные красные карлики	5
Нильс Нильсен — Продается планета	8	Изот Литинецкий — Нужны животные-работники	6
Константин Паустовский — Рождение поэмы	1	Изот Литинецкий — Диалог с животными: что он может дать?	9
Лоренс ван дер Пост — Я слышал сказания бушменов	10	А. Малахов — Малахитовая летопись?	8
Виктор Пулькин — Кузьмичевы рассказы	9	В. Малов — Шестнадцатая строка	1
Хуан Батиста Риварола — «Трын-трава»	7	Элиан Мэнго — Гномон, клепсидра, брегет и другие	1
Роберт Руарк — Старик и мальчик	12	В. Осипов — Судьба павлиньего трона	10
Александр Старостин — Молча, в тайге	10	В. Орлов, Ю. Степанов — Человек в маске	1
Л. Словин — Дело без свидетелей	3	Операция «Мореплаватель»	12
Яков Сегель — Коррида в Сибири	1	«Ра» плывет в прошлое	12
Джин Тумер — Кровавая луна	5	Леонид Репин — Миры ЭМП	3
Бэки	5	Б. Рыбаков — «Черты» и «резы» древних славян	1
Серджи Туроне — Украденная душа	2	В. Е. Рожнов — В чем секрет сунданских чародеев?	6
Уберните камень с дороги!	9	А. Соловьева — Как находит дорогу летучая мышь?	2
Афонсо Шмидт — «Святой»	12	Л. Титова — Герои и боги из Нового Пафоса	11
		Чай пустыни	8
		Чем быть астероиду?	12
		Джордж Шаллер — Три года со львами	12
		Р. Щербанов — Самовар кипит, уходить не велит	2
		Р. Щербанов — Мир симметрий и симметрия мира	11

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

И. Андронов — Таинственные люди джунглей	10	Экспедиция уходит в поиск	
Д. Александров — Почему они возвращаются?	8	А. Деревянко — Когда камни были мягкими	8
Г. Альтшуллер — Проверьте свою фантазию	11	Виктор Зак — Розовая чайка	11
АРХИТЕКТОР ИЩЕТ СВЕТ...	8	Поль Зал — Скульпторы моря	2
Н. М. Гусев — Вечный материал зодчего		А. Лесков — Сокровища скифских пирамид	7
И. Можейко, Б. Письменный, Т. Чеховская — Дерево, камень, глина и солнце		А. Рогов — У ворот в Тихий океан	8
Л. Чешкова — Город зажигает фонари		В. Таланов — Под парусами через пустыню	7
П. Базаров — Рука, коснувшаяся Луны	11	А. Чернецов, С. Панарин — Пунктиры древних каналов	12
Л. Баньковский, В. Баньковский — Служба земных недр	10		
П. Базаров — Космическая вахта ленинского года	8		
П. Базаров — Копье в гранитный щит	12		
А. Блюм — Аэронавты на счастливом острове	3		
Большая зеленая черепаха	9		
В. Владимиров — Галактические «времена года»	7		
О. Гордеева — За бабушкиным приданым	1		
В. Жвирблис — Дебют «крота»	11		

Человек и природа — этой проблеме мировая пресса не случайно отвела в уходящем году столь шедрое место. Лишнее свидетельство тому — реакция на проблему загрязнения среды такого чуткого барометра общественного мнения, как творчество карикатуристов. Причем карикатуристов тех стран, которые больше всего страдают от загрязнения воздуха, воды и земли, — США, Франции, Англии, Италии.

«И сказал Бог Ною: «Конец всякой плоти пришел предо мною, потому что наполнилась земля злодеяниями от них...» (Бытие, гл. VI, стих 13.)

«Я первый добыл огонь, я первый начал загрязнять воздух!»

Т. Чеховская — Путешествие вокруг Африки капитана Бегмы 3

Кают-компания «Вокруг света»

Есть ли у диких животных завтрашний день? 1
Космос начинается на земле 10
«Ралли века»: от приключений — с приключениями 12

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ЗАМЕТКИ

Р. Гордин — Оранг Русиа 9
А. Ефремов, М. Кондратьева — Четверо и полюс 2, 3
Ю. Лоциц — Мыслию поля мерит 2
Б. Рыбников — Королева пиратов 7
И. Черняков, Ю. Михалюк — Остров Ахилла и Елены Прекрасной 9
В. Шеворошкин — Говорите ли вы по-карийски? 1
Фрэнсис Чичестер — Себя преодолеть 1

ОТКРЫТИЯ СОВЕТСКИХ АРХЕОЛОГОВ

О. Бадер — Мальчики из каменного века 3
В. Ильин — Сыновья змееной богини 3
Е. Крупнов — Кобанская бронза 1
Игорь Можейко — Холм золотого руна 10
М. Магомедов — Беленджер на реке Беленджер 3

СОКРОВИЩА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Долгий путь иноземных идолов 7
Борис Письменный — Соборов каменные струны 2
М. Постникова-Лосева — Серебряные сады Григория Новгородца 12
М. Постникова-Лосева — Путь золотого орла 12
Б. Ульянова — Каравелла Марка Антокольского 12
Игорь Фесуненко — Алейжадиньо 10
Е. Фролова — Луксор 3

Биография ремесла

М. Абелев — История пуговицы из Яблонца 9
И. Можейко — Сколько стоит суп? 1
Л. Ольгин — Кузнецы и Кузнецовы 11
Борис Письменный — Сочинение в цветах и листьях 12
Ю. Степанов — Али-Баба — последний шарманщик 6

На охотничьих тропах

И. Горелов, Л. Серегина — Кого и как ловят? 10
Кесри Сингх — Людоеды из Рамгара 2

ГЕОГРАФИЯ СПОРТА

М. Беленький — О том, кого гоняют и бьют 7

Мелкие заметки

С. Барсов — Пленник «Башни дьявола» 12
С. Барсов — Сокровища утеса Персе 9
У. Бахметьев — Призраки не уходят из города 8
Вечная дорога 10
Ф. Городинский — Расскажите крыльями 5
Глиняные люди с реки Асаро 11
В. Даркевич — Баллада о Долине Роз 3
Ип. Дочкин — Строптивый вулкан 5
М. Климова — Бобслей по Голубому Нилу 9
Крутые тропы догонов 5
Когда закричал перепел 12
Москва, Лебяжий переулок... 12
Мост Искандера 10
Л. Ольгин — Наследство сенаторов 12
Г. Польской — Любовь к трем скорпионам 7
Н. Савиннов — Просто я работаю инспектором 2
Н. Савиннов — Остров непуганых коз 5
Снежные чудачки 6
Геннадий Фиш — Похищение «Двоймочки» 8
Тур Хейердал — «Ра» снова в океане 6
И. Цыганов — «Жду стою» 2
Цейлонская соль 9
И. Юрьев — Последние из юри? 6

Пестрый мир 1—12
Листая старые страницы 1—12

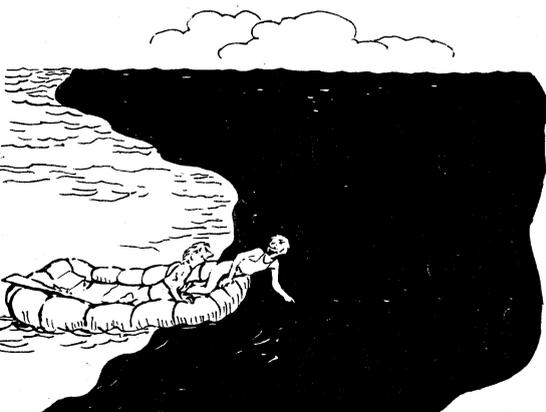
В 1970 году в оформлении журнала «Вокруг света» участвовали художники:

Т. Александрова, Я. Бартко, И. Бруни, В. Вакидин, И. Голицын, Н. Гришин, А. Гусев, Б. Доля, В. Колтунов, Г. Комаров, В. Грищенко, В. Лосин, Е. Монин, В. Немухин, П. Павлинов, С. Прусов, Г. Филипповский, П. Чернышева, В. Чижиков, К. Эдельштейн.

В журнале публиковали фотографии:

М. Авалиани, Л. Алин, Н. Акимов, В. Арсеньев, В. Божуков, Л. Бородулин, Ф. Габдулин, А. Горячев, В. Грищенко, В. Демидов, Т. Жебраускас, В. Зак, А. Иванченко, О. Кобалиани, В. Константинов, В. Копылов, А. Кулешов, А. Лебедев, А. Лехмус, Г. Макаров, В. Минкевич, И. Можейко, Н. Немнонов, В. Орлов, В. Передельский, В. Поляковский, Н. Рахманов, А. Рогов, М. Рыбак, Н. Рясин, М. Савин, В. Сакк, М. Скурихина, В. Таланов, Е. Удовиченко, А. Чернецов, Ю. Чернягин, Т. Чеховская, Н. Шестаков, Э. Шинкаренко.

«Ура! Мы спасены! Считаю, что мы уже в двух шагах от цивилизации: видишь, нефть пошла!»

«Папа, папа! А что это такое. «лазурный, как море?»»

«Вы слышали новость? Оказывается, при загрязненном воздухе гораздо медленнее думается! Вот, оказывается, почему они до сих пор не могут принять «закон анти-смог».

ВОКРУГ СВЕТА

№ 12 ДЕКАБРЬ 1970

СОДЕРЖАНИЕ

В. АРСЕНЬЕВ — Тюменские дороги	2
«Ра» плывет в прошлое	8
Загадки, проекты, открытия	13, 17, 33
ЮРИЙ БРЕЗАН — Крабат и его потомки	14
РОBERT РУАРК — Старик и мальчик	18
ГРАНТ МАТЕВОСЯН — «Мои устные поцелуи»	27
НАДИР САФИЕВ — Скрип старых дверей	29
ДЖОРДЖ ШАЛЛЕР — Три года со львами	34
Л. СЕРГЕЕВА — Хозяева морского лабиринта	41
М. ПОСТНИКОВА-ЛОСЕВА — Путь золотого орла	43
Б. УЛЬЯНОВА — Каравелла Марка Антокольского	46
М. ПОСТНИКОВА-ЛОСЕВА — Серебряные сады Григория Новгородца	47
БОРИС ПИСЬМЕННЫЙ — Сочинение в цветах и листьях	48
Черный год Грейс Хелселл	50
Чем быть астероиду?	51
Каюот-компания «Вокруг света». «Ралли века»: от приключений — с приключениями	54
БРИЖИТ ФРИАН — Молчащая Греция?	60
С. С. СМЕРНОВ — Раскаты близкой грозы	60
Операция «Мореплаватель»	63
АФОНСО ШМИДТ — «Святой»	65
Л. ОЛЬГИН — Наследство сенаторов	66
Москва, Лебяжий переулочек...	67
А. ЧЕРНЕЦОВ, С. ПАНАРИН — Пунктиры древних каналов	69
Пестрый мир	72
С. БАРСОВ — Пленник «Башни дьявола»	74
Содержание за год	77
Иностраный юмор	78
Когда закричал перепел...	80

На первой странице обложки: Испания, Кастилия, городок Сеньор-де-Кампос... Крестьянин, повозка, молчаливые дома да терпеливый мул. Скольких поэтов вдохновили эти застывшие вечные «виды», отгороженные от мира горами...

Но поэты спешат дальше, а вечные «виды» Испании остаются — крестьянин, повозка, молчаливые дома да терпеливый мул...

Редакционная коллегия:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.**

Оформление **А. Гусева** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Наш адрес: Москва, А-30, Суцевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/X 1970 г. Подп. к печ. 11/XI 1970 г. А02780
Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 700 000 экз. Заказ 2005. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Суцевская, 21.

КОГДА ЗАКРИЧАЛ ПЕРЕПЕЛ...

Леопольду I, герцогу Габсбургскому, нужны были новые солдаты в его поредевшую армию. Герцог вел многолетнюю войну с восставшими швейцарцами: наглые мужланы из трех горных кантонов не только отказались признать власть австрийского монарха, но и заключили против него в 1291 году «союз на вечные времена».

Правда, следовало признать, что воевать швейцарцы умели, недаром герцогу так срочно требовались новые солдаты.

Зимой 1315 года в деревнях швейцарских кантонов Швиц, Ури и Унтервальден австрийцы хватали всех крепких молодых парней. Чтобы рекруты не разбежались, им сковали руки и к цепям подвесили тяжкие гири. И пусть пеняет на себя тот, кто не выдержит пути: герцогской армии слабые не нужны!

Ландскнехты подгоняли скованных юношей древками копий. Надо было торопиться, чтобы перелезть через густо поросшие лесом горы до наступления темноты. Когда цепочка скованных, скользя и спотыкаясь, достигла перевала, в лесу раздался крик перепела.

В тот же миг (как утверждает легенда) скованные юноши разорвали цепи. Гиря на цепи — отличное оружие!

Казалось, ожили деревья в лесу. То на помощь братьям пришли горцы из лесных кантонов. Австрийский отряд был смят и уничтожен.

...Раз в год съезжаются в город Арт, что на берегу озера Цуг, люди со всей Швейцарии и, конечно, несчетные туристы. Средневековая стража с арбалетами стоит вдоль главной улицы, и скованные юноши цепочкой идут по мостовой. (Вы видите их на третьей странице обложки.) Копьями подгоняет их стража, они шатаются от тяжести оков, они спотыкаются на каждом шагу. Пока не прокричит перепел...

ALDOIS KAMER

Nouveautés

СКАНДИНАВИЯ

Столица Швеции Стокгольм

Фиорд в Норвегии

СССР

ПУТНИК
бюро международного
молодежного туризма

32-38

Цена 60 коп.

Индекс 70142